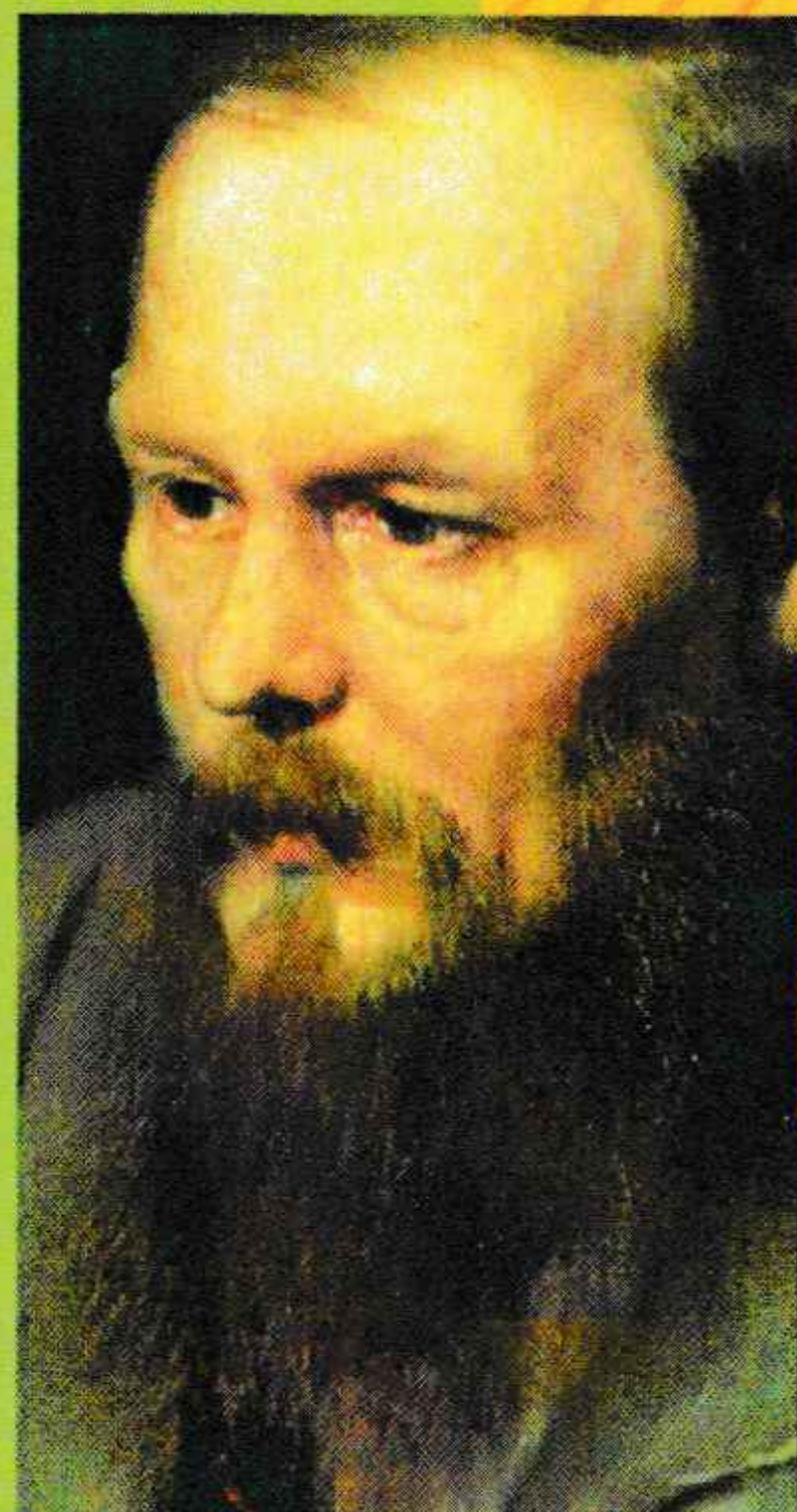

А. С. Разумов

Ф. М. Достоевский

«**БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ**»

**Читаем
ненаписанное
продолжение
великого романа**

«Потрясающе интересный материал.

А. С. Разумов додумался до того, до чего не мог додуматься никто за 130 лет».

С. В. Белов, лауреат премии Правительства РФ в области культуры за 2006 год за двухтомный энциклопедический словарь «Ф. М. Достоевский и его окружение», автор и составитель 15 книг и 450 статей о жизни и творчестве Ф. М. Достоевского

URSS

А. С. Разумов

**Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ.
«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»**

*Читаем ненаписанное
продолжение
великого романа*

Издание стереотипное

URSS
МОСКВА

Разумов Александр Сергеевич

Ф. М. Достоевский. «Братья Карамазовы»: Читаем ненаписанное продолжение великого романа. Изд. стереотип. — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. — 134 с.

Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» — произведение незаконченное. О том, что романов должно быть два, говорит сам писатель в предисловии к первому, написанному роману. Считается, что к работе над вторым романом Федор Михайлович так и не приступил. Но это не так. Нет, не ищите записей по второму роману в черновиках, письмах или записных книжках автора. Искать ответ на вопрос, какие сюжетные линии могли войти в это произведение, надо в тексте «Братьев Карамазовых». Ведь оба романа должны были составлять одно целое, поэтому и герои в них одни и те же, а значит, надо внимательно присмотреться к тому, что недосказано Достоевским в отношениях героев. Эти недосказанности и есть те «мостики», которые перекинута между двумя берегами — между первым и вторым романами. Надо только найти эти «мостики».

В настоящем исследовании вскрываются сюжетные ходы, которые были намечены Достоевским для второго романа, и открытие этих сюжетных ходов меняет устоявшийся взгляд на «Братьев Карамазовых». Меняет во всем — от имени преступника, убившего Федора Павловича Карамазова, до идеи всего произведения.

Рецензент:

д-р ист. наук, проф. С. В. Белов

Издательство «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».

117335, Москва, Нахимовский пр-т, 56.

Формат 60×90/16. Печ. л. 8,375. Доп. тираж. Зак. № 3С-91.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-397-04467-7

© Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,
2013, 2014

14852 ID 176083

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА	
 URSS	E-mail: URSS@URSS.ru
	Каталог изданий в Интернете: http://URSS.ru
	Тел./факс (многоканальный): + 7 (499) 724 25 45

Все права защищены. Никакая часть настоящей книги не может быть воспроизведена или передана в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, будь то электронные или механические, включая фотокопирование и запись на магнитный носитель, а также размещение в Интернете, если на то нет письменного разрешения владельца.

Оглавление

От автора	4
Введение	8
<i>Глава 1.</i> Особенности творческой работы Ф.М. Достоевского	13
<i>Глава 2.</i> Первое текстовое доказательство невиновности Смердякова.....	17
<i>Глава 3.</i> Тайна денег Дмитрия Карамазова	20
<i>Глава 4.</i> Тайна одного визита.....	31
<i>Глава 5.</i> Павел Смердяков и Аркадий Долгорукий. Мотив планируемого преступления	35
<i>Глава 6.</i> Текстовые доказательства невиновности Павла.....	47
<i>Глава 7.</i> Кто же убийца?	67
<i>Глава 8.</i> Четыре брата.....	78
<i>Глава 9.</i> Смысловые доказательства невиновности Павла Смердякова	90
<i>Глава 10.</i> «...эгоизм даже до злодейства не только должен быть дозволен человеку, но даже признан необходимым...»	95
<i>Глава 11.</i> Основная тема всего произведения. Великий инквизитор	102
<i>Глава 12.</i> Заглянем во второй роман	113
Послесловие	118
Литература.....	122

От автора

Абсолютно все, что надо знать о жизни, есть в книге «Братья Карамазовы» писателя Достоевского.

Курт Воннегут «Бойня номер пять, или Крестовый поход детей»

Я не являюсь профессиональным исследователем творчества Ф.М. Достоевского. По специальности – физик и сейчас уже пенсионер. Если бы мне год назад кто-нибудь сказал, что буду писать предисловие к своей, пусть небольшой, но книге, я бы на этого человека просто с сочувствием посмотрел. Но обстоятельства сложились так, как сложились, и я пишу это предисловие. Пишу и вспоминаю, с чего всё началось...

А началось всё с того, что моего внука взяли в секцию современного пятиборья. Для малышей первого года обучения пятиборье состоит из трёх видов: плавание, бег и стрельба. Тренировка по каждому виду занимает около часа, поэтому приходится просиживать на стульчике в холле плавательного бассейна по два-три часа. Единственная возможность скоротать время – взять в руки книгу. К сожалению, я не отношусь к тем счастливицам, которые могут читать современную литературу. Только не подумайте, что в моих словах о современной литературе есть усмешка или ирония: у каждого времени своя литература, и если человек понимает и ценит литературу своего времени, это значит только то, что он живёт в ладу с этим временем. Я же читаю литературу вчерашнего дня. Здесь – каждому своё. Наверное, это возрастное. Но есть произведения, о которых говорят, что время над ними не властно, поэтому с

собой в бассейн я взял двухтомник «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского. Книгу эту я читал лет двадцать назад, и в памяти сохранились только наиболее яркие картинки сюжета. Захотелось не просто перечитать роман, а разобраться с очень важными для меня вопросами: а именно, почему Достоевского считают религиозным писателем? В чём его религиозность? Только ли в том, что действие последнего его романа проходит частично в монастыре, или в том, что, по мнению критиков, атеизм Ивана Карамазова делает этого героя фактическим убийцей старика-отца? И что хотел сказать Достоевский поэмой «Великий инквизитор», что этой поэме противопоставить?

Чтобы разобраться в этих вопросах, я и открыл «Братьев Карамазовых». Времени у меня было предостаточно, поэтому решил читать медленно, тщательно анализируя текст и обдумывая психологию поведения героев, ведь точность в описании поведения героев – это тот «конёк», то главное, что выделяет Фёдора Михайловича Достоевского и делает его великим писателем. В наиболее интересных, на мой взгляд, местах оставлял пометки и закладки. Первая пометка появилась даже до Первой части романа, она сделана в предисловие «От автора» и относится к следующим авторским словам:

«Главный роман второй – это деятельность моего героя уже в наше время, именно в наш теперешний текущий момент. Первый же роман произошёл ещё тринадцать лет назад...»

Со временем вы узнаете, чем привлекла меня эта фраза, а пока скажу, что очень скоро не только весь двухтомник оказался в пометках и закладках, но и предшествующий «Братьям Карамазовым» роман «Подросток» и книга «Воспоминания» жены писателя А.Г. Достоевской. Я решил, что настало время взять с собой в бассейн netbook и систематизировать отобранный материал.

Нераскрытых тайн в романе оказалось так много, что просто глаза разбегались. Это и тайна происхождения денег Дмитрия Карамазова, которые были у него на руках в ночь преступления; и причина истерики Катерины Ивановны Верховцевой во время су-

дебного процесса над Дмитрием Карамазовым; и невиновность Павла Смердякова в смерти своего отца Фёдора Павловича Карамазова; и вопрос о том, кто же является истинным убийцей; и, на мой взгляд, одна из главных тайн романа – причина самоубийства Павла Смердякова. Раскрытие этих тайн привело к переосмыслению идеи всего произведения, но особенно важно, что всё это дало возможность заглянуть в авторский замысел второго, так и ненаписанного романа.

В этом месте мне следовало бы пригласить Вас, читатель, ознакомиться с моим исследованием, но я скажу ещё несколько слов. И эти слова будут уже о Вас, о том, как я Вас представляю: мне не важен Ваш пол и возраст, главное, что Вы читали роман. Конечно, это было не вчера, а лет пять – а то и двадцать пять – назад, и за это время многие детали уже стёрлись в памяти. Не беда. Эти детали я Вам подскажу авторским текстом, который постоянно буду включать в своё исследование, а вот основной сюжет, надеюсь, Вы помните.

И ещё о трёх вещах хотелось бы сказать в этом кратком предисловии.

Во-первых, когда Вы прочтёте мою работу, то поймёте, что ответы на вопросы, которые ставил перед собой, когда брал в руки «Братьев Карамазовых», я получил.

Во-вторых, чтение потребует от Вас некоторых усилий, потому что недостаточно просто прочесть текст. Надо разобраться в психологии поведения героев, то есть в том, что осталось у Достоевского, подчас, за текстом романа и что должно было открыться во втором, так и не написанном романе, а это дело трудное.

И, в-третьих, не так уж важно, согласитесь Вы с моими выводами или нет, будете придерживаться уже сложившейся точки зрения или у Вас возникнет какая-то своя идея, главное, что это будет Ваше мнение. А так как это будет Ваше мнение, то именно оно и будет для Вас верным, и чтобы утвердиться в своём мнении, Вам надо будет ещё раз перечитать роман, поэтому отложить современную литературу и тоже взять в руки «Братьев Карамазовых». Этому я буду очень рад.

И, конечно, хочется выразить самую искреннюю благодарность известному исследователю творчества Ф.М. Достоевского, профессору Сергею Владимировичу Белову за проявленный интерес и поддержку в исследованиях. Кроме того, книга Сергея Владимировича «Ф.М. Достоевский. Энциклопедия» помогла понять неясные места романа.

Хочу выразить благодарность доктору филологических наук Людмиле Ивановне Сараскиной, которая предоставила мне не только ссылку на письмо Ф.М. Достоевского читательнице Е.Н. Лебедевой, но и передала текст письма. Текст этого письма подтверждает правильность использованного мною метода: рассмотрение сюжета романа через психологию поведения героев.

Вроде всё. Вам остаётся только перевернуть страницу и задуматься над эпиграфом.

Москва, февраль 2013 года

Сильно страдающие от падучей болезни, по свидетельству глубочайших психиатров, всегда склонны к непрерывному и, конечно, болезненному самобичеванию. Они мучаются от своей «виновности» в чём-то и перед кем-то, мучаются угрызениями совести, часто, даже безо всякого основания, преувеличивают и даже сами выдумывают на себя разные вина и преступления.

Ф.М. Достоевский «Братья Карамазовы»

Введение

Классическая литература. Это понятие знакомо нам со школьных лет. Но что такое классическая литература? Почему одно произведение мы относим к классическим, а другое нет? Вопрос, в общем то, достаточно простой: первое, что делает произведение классическим это широкая известность или ключевых моментов сюжета, или героев литературного произведения, или то и другое одновременно. И чем шире эта известность, тем весомее утверждение, что данное произведение является классическим.

Если говорить о характеристиках героев, то достаточно глядя на ребёнка произнести имя Гаврош, и сознание точно расшифровывает, что мы хотели сказать, какие черты характера, поведения или особенности одежды ребёнка подчеркнуть. Так же и «манюштина», «карамазовщина», «смердяковщина», эти определения тоже дают совершенно четкое представление о человеке или явлении.

А с известностью сюжета мы сталкиваемся, например, когда берём в первый раз «Анну Каренину» Льва Толстого. Ещё не про-

читав и начальной фразы романа: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастлива по-своему», мы уже точно знаем, что главная героиня, по воле автора, погибнет под колёсами поезда. Сейчас уже мало кто вспомнит, когда к нему пришло это знание: может быть из одноимённого фильма, может быть из газетной статьи, а возможно просто из случайно услышанного разговора на улице или, например, в поезде. Где же теперь вспомнить! Но, согласитесь, это знание было у каждого из нас ещё до чтения романа. Те читатели, которые первыми познакомились с этим произведением, и для которых любые повороты сюжета оказывались неизвестными, жили более ста лет назад. Вы спросите, а какое это имеет значение? В случае с «Анной Карениной», практически, никакого. Произведение полностью закончено. Всё что хотел сказать Толстой, в частности, и смертью главной героини, он сказал.

Но известность сюжета может сыграть злую шутку, если произведение не завершено. Представьте на минуту, что Лев Николаевич, по независящим от него обстоятельствам, прервал повествование в том месте, где пара Вронский – Каренина переезжают в деревню и оказываются почти в такой же обстановке как и другая пара главных героев – Левин и Кити. В этом случае мы бы и понятия не имели, какая драма, по воле автора, должна произойти на железнодорожной станции. И вот вопрос: была бы эта урезанная «Анна Каренина» классикой? Конечно, да. Ведь практически все большие и сложные темы, намеченные автором, оказались бы раскрытыми и в этом урезанном романе. И всегда нашелся бы критик, предложивший судить о таком романе, как о законченном произведении. Он прекрасно бы расписал, что хотел сказать Толстой, поместив в конце романа и ту и другую пару в так любимую автором деревню. И мы бы, скорее всего, именно под этим углом и смотрели на это произведение, но был бы этот взгляд взглядом самого Льва Николаевича?

В этом исследовании я хочу поговорить о великом НЕОКОНЧЕННОМ произведении русской литературы – романе Фёдора Михайловича Достоевского «Братья Карамазовы». Но критики в своих

статьях рассматривают его именно как законченное произведение. Почему? Я думаю, что просто им так удобно. Удобно с точки зрения разбора этого романа, но возникает тот же вопрос, что и в примере со Львом Николаевичем: а полностью ли это соответствует замыслу Федора Михайловича Достоевского? И положительный ответ, на мой взгляд, совсем не очевиден.

Попробуйте спросить любого достаточно образованного человека, о чём это произведение, и он вам скажет, что роман о том, как один из братьев Карамазовых был напрасно обвинён в убийстве своего отца и приговорён к каторжным работам. И добавит, что убийцей является слуга Смердяков. Причём человек, дающий подобный ответ, может вовсе и не читал роман. Просто эти знания о «Братьях Карамазовых» относятся к категории «известно всем». Это тот стереотип, который сложился, и который давно живёт своей жизнью, мешая нам разобраться в истинных отношениях героев. И если попросить этого человека всё-таки прочитать роман, то его сознание будет воспринимать лишь то, что соответствует сложившемуся стереотипу. Вот этот стереотип я и собираюсь сломать своими исследованиями.

Два термина вошли в повседневный обиход из «Братьев Карамазовых»: «карамазовщина» и «смердяковщина». И разница не только в тех явлениях, которые они характеризуют, но и, если можно так выразиться, в их происхождении. Если термин «карамазовщина» введён самим Достоевским и суть «карамазовщины» раскрывают на страницах романа и Ракитин, и прокурор, и, лучше и глубже всех, старший брат Дмитрий Карамазов, то вот термин «смердяковщина» – это уже домыслы критиков.

Набираю в интернет-поисковике «смердяковщина». Нашлось 22 тысячи ответов. Так что же это за герой, который дал название целому явлению – смердяковщине?

Передо мной двухтомник «Братья Карамазовы», изданный в Москве в 1985 году. По тексту этого двухтомника я и делал заметки. Обратимся к вступительной статье, которая предшествует роману, посмотрим, что в ней сказано о Смердякове:

«Смердяков – одна из самых омерзительных фигур в ряду созданных жестоким талантом Достоевского. Сын Фёдора Карамазова

и полоумной нищенки Лизаветы Смердящей, воспитанный в обстановке, где над всем господствовал безудержный и злой эгоизм старика, он вырос, не зная ничего святого. Он ограничен, необразован, но у него есть своя логика, своя лакейская диалектика, циничная, но гибкая, изворотливая, оправдывающая любую подлость, любое злодеяние. Нравственный урод, он не знает любви и преданности к людям, его вырастившим. ...Низкий и до предела опустившийся, он даже себя не любит и умирает потому, что в мире всё ему стало ненавистно.» (6. Стр. 7)

Эти слова критика основываются на той характеристике, которую в романе даёт Смердякову прокурор в своём выступлении на суде над Дмитрием Карамазовым:

«Он представил его человеком слабоумным, с зачатками некоторого смутного образования, сбитого с толку философскими идеями не под силу его уму и испугавшегося иных современных учений о долге и обязанности, широко преподанных ему практически – бесшабашною жизнью покойного его барина, а может быть, и отца, Фёдора Павловича, а теоретически – разными странными философскими разговорами с старшим сыном барина, Иваном Фёдоровичем.» (7, стр.445)

Я специально не называю автора вступительной статьи, которая в основных местах просто копирует речь прокурора, так как подобную характеристику можно найти во вступительной статье или послесловии к любому другому изданию. Если вы думаете, что я собираюсь полностью её оспорить, то вы ошибаетесь. Я просто хочу более подробно поговорить о Павле Смердякове, а по мере разговора, думаю, изменится и приведённая выше характеристика. Может быть, кому-нибудь покажется излишним подробный разбор этого образа, но делаю я это по следующим причинам:

– во-первых, Смердяков один из четырёх братьев Карамазовых. И поэтому название романа «Братья Карамазовы» относится и к нему. На мой взгляд, одна из причин разыгравшейся трагедии в том, что три брата за четвёртым право на родство не признавали, а считали его просто слугой, хотя о тайне его рождения знали. И этот-то четвёртый брат и совершает самоубийство в первом, написанном

романе, то есть только его образ полностью завершён автором. Дальнейшее развитие образов трёх других братьев – Дмитрия, Ивана и Алёши – должно было происходить уже в другом, ненаписанном романе. А вот Павел останется таким, каким мы его узнали. К тому, что о нём сказано, Достоевский не сможет что-либо прибавить, вернее, почти не сможет. Но об этом ниже.

– во-вторых, на мой взгляд, восприятие главными героями, да, пожалуй, и читателями, образа Смердякова является ключом к пониманию глубинного смысла всего произведения.

– в-третьих, меня интересует Смердяков ещё и потому, что не он убил Фёдора Павловича Карамазова. Да, не он. Это моё мнение. Является ли оно бесспорным? С моей точки зрения – да. Вы спросите: «Разве какое-либо мнение по этому вопросу может являться бесспорным в незаконченном произведении?» И я с вами соглашусь. Но мое мнение имеет целый ряд подтверждений в тексте первого, опубликованного романа, и эти подтверждения будут приведены.

– и наконец, в четвёртых, разбирая образ именно Смердякова, можно сделать попытку заглянуть в замысел писателя относительно второго, ненаписанного романа.

Я считаю, что для раскрытия образа Смердякова, нужно брать за основу не слова прокурора, а мнение защитника Фетюковича об этом человеке:

« – Особенно не нашёл я в нём робости, той робости, которую так характерно описал нам обвинитель. Простодушия же в нём не было вовсе, напротив, я нашёл страшную недоверчивость, прячущуюся под наивностью, и ум, способный весьма много созерцать. О! обвинение слишком простодушно почло его слабоумным. На меня он произвёл впечатление совершенно определённое: я ушёл с убеждением, что существо это решительно злобное, непомерно честолюбивое, мстительное и знойно завистливое.» (7, стр.483)

Именно на характеристике Фетюковича я строю своё исследование романа, и разительное отличие характеристик Смердякова данных прокурором и адвокатом повлечёт за собой разительные отличия, как в сюжете, так и в идее произведения.

Глава 1

Особенности творческой работы Ф.М. Достоевского

Прежде чем приступить к рассмотрению поставленных вопросов, необходимо напомнить некоторые особенности творчества Достоевского.

Известно, что всю жизнь Фёдор Михайлович остро нуждался в деньгах. Кроме расходов на свою семью, он добровольно взял на себя долги умершего брата, долго заботился и о его семье. Постоянная нехватка средств и угрозы кредиторов сделали Достоевского литературным каторжником. Вот как описывает жена писателя Анна Григорьевна Достоевская труд своего мужа:

«...Всего же обиднее было то, что, благодаря нескончаемым долгам, Фёдор Михайлович должен был спешить с работой. Он не имел ни времени, ни возможности отделять свои произведения, и это было для него большим горем... Случалось, что первые три главы романа были уже напечатаны, четвёртая – набиралась, пятая была только что выслана по почте, шестая – писалась, а остальные не были даже обдуманы. Сколько раз я видела впоследствии искреннее отчаяние Фёдора Михайловича, когда он вдруг признавал, что «испортил идею, которою так дорожил», и что поправить ошибку нет возможности». (9, стр. 122)

В подтверждение слов Анны Григорьевны приведу выдержку из письма к ней самого Фёдора Михайловича. В письме речь идёт о невозможности доставить издателю в срок продолжение романа «Подросток»:

«Пуще всего меня мучает неуспех работы: до сих пор сижусь, мучаюсь и сомневаюсь и нет сил начать. Нет, не так надо писать художественные произведения, не на заказ из-под палки, а имея время и волю. Но, кажется, наконец скоро сяду за настоящую ра-

боту, но что выйдет, не знаю. В этой тоске могу испортить саму «идею»». (9, стр.304-305)

Объективности ради следует сказать, что подобный темп работы чем-то нравился Достоевскому. Так в романе «Униженные и оскорблённые», где повествование ведётся от лица молодого литератора, есть и такое высказывание:

«У меня вырабатывается, в такую напряжённую работу, какое-то особенное раздражение нервов; я яснее соображаю, живее и глубже чувствую, и даже слог мне вполне подчиняется, так что в напряжённой-то работе и лучше выходит.» (2, стр.359)

По-видимому, оптимальными условиями наиболее полного раскрытия таланта Достоевского являются те условия, в которых создавались «Братья Карамазовы», та «настоящая работа», о которой он говорит в вышеприведённом письме. С одной стороны, роман писался под заказ «Русского вестника», а с другой стороны, к моменту написания Федор Михайлович уже был признанным автором, о чём, в частности, свидетельствуют и возросшие гонорары. Уже не было тех кабальных договоров с издателями, как, например, при написании романа «Игрок». (По этому договору, в случае невыполнения сроков поставки рукописи, издатель мог в течение девяти лет печатать произведения писателя без всякого вознаграждения.) Отдельные книги романа «Братья Карамазовы» выходили с задержкой на несколько месяцев, то есть Достоевский не гнал под заказ, боясь «испортить идею».

О том, с какой требовательностью подходил писатель к работе над романом «Братья Карамазовы» говорит отрывок из его письма к жене от 13 августа 1879 года:

«Теперь у меня на шее Карамазовы, надо кончить хорошо, ювелирски отделать, а вещь эта трудная и рискованная, много сил унесёт. Но вещь тоже и роковая: она должна установить имя моё, иначе не будет никаких надежд.» (9, стр. 357-358)

Вот эту нацеленность Фёдора Михайловича на ювелирную отточенность романа надо постоянно иметь в виду читая «Братьев Карамазовых».

«Братья Карамазовы» – один из романов цикла «Житие великого грешника» задуманного Достоевским ещё в 1870 году. Обычно к романам этого цикла относят два его последних произведения – «Подросток» и «Братья Карамазовы». Считается, что «Бесы», опубликованные в «Русском вестнике» в 1871-1872 годах, появились «вне плана», и что это была реакция писателя на нечаевское дело. Возможно, это и так. Но трудно представить, что бы автор при создании этого произведения смог полностью отойти от задуманного «Жития великого грешника» и переключиться на другую тему. Те мысли, которые должны были войти в «Житие...», вольно или невольно, нашли своё отражение в «Бесах». Примером тому являются, например, близость образов Марьи Тимофеевны Лебядкиной из «Бесов» и Лизаветы Смердящей из «Братьев Карамазовых», или беседы в том и другом романах главных героев с монахами-старцами: Тихоном и Зосимой, или сцены публичного раскаяния в своём грехе Ставрогина в «Бесах» и такого же публичного раскаяния знатного чиновника, убившего свою возлюбленную, в «Братьях Карамазовых». А выступление Шигалева на собрании нигилистов можно рассматривать как первый, черновой набросок поэмы «Великий инквизитор».

Следует сказать и о ещё одной теме глубоко проработанной в «Бесах», и которая связывает этот роман с «Житием великого грешника»: это тема Кириллова – тема самоубийства. Надо иметь в виду, что под великим грехом церковь понимает именно самоубийство. Примечательно, в этой связи, что в черновых тетрадях Достоевский даёт роману «Подросток», – а этот роман исследователи творчества писателя относят к первому произведению из цикла «Житие великого грешника», – следующее полное наименование: «Подросток. Исповедь великого грешника, написанная для себя». Из рабочего названия видно, какая незавидная судьба готовилась автором главному герою «Подростка» – Аркадию Долгорукому. Но, как мы помним, работа над «Подростком» не заладилась.

Кстати отмечу, что великим грешником в «Братьях Карамазовых» является не Алёша Карамазов, которому пророчат революци-

онную деятельность во втором, ненаписанном романе, а именно Павел Смердяков. Ожидать во втором романе великого греха от Ивана Карамазова нет оснований: автор прямо говорит, что героем второго романа будет Алёша, а не Иван. Так что если искать связь «Братьев Карамазовых» с «Житием великого грешника», то эта связь в великом грехе Павла Смердякова.

Однако, неудача с «Подростком» (неудача с точки зрения автора, а никак не читателя) не могла не отразиться на следующем романе. Поэтому к темам и идеям, не нашедшим достаточного развития в «Подростке», следует повнимательнее присмотреться в «Братьях Карамазовых».

Здесь надо сделать одно замечание, касающееся творческой манеры Достоевского. Вот что писал об этом Фёдор Михайлович в письме к Н.Н. Страхову:

«Вы ужасно метко указали главный недостаток. Да, я страдал этим и страдаю... Множество отдельных романов и повестей разом втискивается у меня в один, так что ни меры, ни гармонии.»
(9, стр.447)

И действительно, у автора, подчас, что ни герой, то новая тема, особенно в таком сложном романе, как «Братья Карамазовы»: Катерина Ивановна – тема; Грушенька – тема; каждый из четырёх братьев – четыре отдельных темы; тема суда присяжных и церковного суда или тема построения гармонии на слезинке одного ребёнка. Тем много, но я обращаю ваше внимание ещё на одну – на тему любви к отдельному человеку и ко всему человечеству.

А теперь перейдём непосредственно к «Братьям Карамазовым».

Глава 2

Первое текстовое доказательство невиновности Смердякова

Что меня побудило усомниться в виновности Павла Смердякова в убийстве своего отца – Фёдора Павловича Карамазова? Это слова Достоевского, сказанные в предисловие «От автора»:

«Главный роман второй – это деятельность моего героя уже в наше время, именно в наш теперешний текущий момент. Первый же роман произошёл ещё тринадцать лет назад...» (6, стр.24)

Цифра – *тринадцать лет* – и заставляет задуматься. Во втором, ненаписанном романе должны были сойтись те же герои, однако, старший брат Дмитрий по приговору суда получает двадцать лет каторжных работ, как же он может оказаться через тринадцать лет в родном городе? Побег с каторги или возвращение из Америки по подложным документам после, опять же, побега с пересыльного этапа, не стоит рассматривать. Подобное развитие событий идёт вразрез с самой идеей искупления вины Дмитрия Карамазова. Следует предположить единственно возможное: Дмитрий возвращается с каторги на тех же основаниях, на которых был отпущен подпоручик Ильинский – реальный прототип Дмитрия Карамазова. Вот как об этом сказано в автобиографичном романе Достоевского «Записки из Мёртвого дома»:

«В первой главе «Записок из Мёртвого дома» сказано об одном отцеубийце, из дворян... Сказано было тоже, что убийца не сознался перед судом в своём преступлении, но что, судя по рассказам людей, знавших все подробности его истории, факты были до того ясны, что невозможно было не верить преступлению. Эти же люди рассказали автору «Записок», что преступник поведения был совершенно беспутного, ввязывался в долги и убил своего отца,

жажда после него наследства... На днях издатель «Записок из Мёртвого дома» получил уведомление из Сибири, что преступник был действительно прав и десять лет страдал в каторжной работе напрасно; что невинность его обнаружилась по суду, официально. Что настоящие преступники нашлись и сознались и что несчастный уже освобождён из острога.» (1, стр.251-252)

Получается, что истинный убийца Фёдора Павловича Карамазова был обнаружен через тринадцать лет после описанных в романе событий. Мог ли это быть Павел Смердяков? Думаю, нет. В романе нет ни одного доказательства, по которому через тринадцать лет могла бы вскрыться его вина.

Винность Смердякова, согласно общепринятой версии, вытекает из двух фактов: во-первых, личного признания Ивану Карамазову и, во-вторых, из передачи трёх тысяч рублей тому же Ивану Карамазову в ночь перед судом. К этим двум фактам мы не раз ещё вернёмся, а сейчас отметим, что подтвердить признание Павла Смердякова кроме Ивана Карамазова не может никто, тем более через тринадцать лет. Деньги же, полученные от Смердякова и предъявленные Иваном суду, были очень чётко устранены прокурором из вещественных доказательств, и если они были устранены в зале суда, то не могли же, удивительным образом, всплыть через тринадцать лет. Других доказательств нет. Об этом позаботился Фёдор Михайлович Достоевский.

Таким образом, уже первая страница романа преподносит нам загадку: если доказать вину Смердякова невозможно, то на основании чего был освобождён из каторги Дмитрий Карамазов?

Вам пришла в голову мысль об условно-досрочном освобождении? Разочарую, в «Записках из Мёртвого дома» подобная мера не упоминается ни разу. Да она вообще никогда не применяется к не-раскаявшемуся преступнику, а раскаяться Дмитрий не мог, так как он этого преступления не совершал.

Вы можете мне возразить: «А почему, – спросите вы, – Дмитрий Карамазов должен быть действующим лицом второго романа? Может он останется на каторге, и события второго романа будут развиваться без него?» Но всё дело в том, что в отношениях меж-

ду ним и Катериной Ивановной Верховцевой есть одна тайна, и чтобы автор смог раскрыть во втором романе эту тайну, потребуется присутствие Мити Карамазова. Об этой тайне мы поговорим несколько ниже.

Таким образом, объявленный автором временной сдвиг в тринадцать лет между событиями первого и второго романов является, на мой взгляд, первым доказательством невинности Смердякова. Чтобы освободить Дмитрия Карамазова от каторги, убийцей должен быть кто-то другой, но не Павел. Поэтому следует внимательно просмотреть роман на предмет поиска других доказательств его невинности, что я ниже и сделаю.

Сразу оговорюсь, прямых доказательств невинности Смердякова в тексте романа нет, да это и понятно, если бы хоть одно прямое доказательство было, то за те годы, которые прошли с момента написания романа, на него обязательно указали бы исследователи. Поэтому приводимые в этой работе доказательства носят, в основном, косвенный характер, но количество этих косвенных доказательств даёт право говорить о невинности Павла. Я не ограничусь простым перечислением доказательств, тем более что прежде чем их сформулировать, необходимо разобраться в отношениях героев.

Глава 3

Тайна денег Дмитрия Карамазова

Начну с, казалось бы, очень далёкого от Павла Смердякова вопроса: об отношениях между старшим братом Дмитрием Фёдоровичем Карамазовым и Катериной Ивановной Верховцевой. Эти отношения сложные, запутанные и, подчас, весьма противоречивые. Они стоят несколько в стороне от основной линии произведения, но эти отношения, во-первых, важны для целей этого исследования и, во-вторых, интересны сами по себе, поэтому я бы хотел на них подробнее остановиться.

Напомню, что первая встреча наших героев произошла задолго до событий, описываемых в романе, и случилась она в другом городе. Отец Катерины Ивановны, командир той части, где служил Дмитрий Карамазов, остро нуждался в деньгах. Ему нужно было срочно вложить в полковую кассу четыре с половиной тысячи рублей. Зная это, Дмитрий через служанку предлагает Катерине Ивановне предоставить эти деньги, но с условием, что за деньгами Катерина Ивановна должна прийти сама. И хотя это гнусное предложение было высказано полушутливым тоном, но намерения Мити были совсем не шуточные, в этом он позже сам сознался. Но Катерина Ивановна на это предложение соглашается и в один из вечеров тайно приходит к Дмитрию Карамазову за деньгами. Сцена в комнате у Дмитрия Карамазова заканчивается тем, что Митя просто молча отдаёт Катерине Ивановне пятитысячный пятипроцентный безымянный билет,

«...отдал, сам отворил ей дверь в сени и, отступя шаг, поклонился ей в пояс почтительнейшим, проникновенным поклоном... Она вся вздрогнула, посмотрела пристально секунду, страшно побледнела, ну как скатерть, и вдруг тоже ни слова не говоря, не с порывом, а мягко так, глубоко, тихо, склонилась вся и прямо мне в

ноги – лбом до земли, не по-институтски, по-русски! Вскочила и побежала» (6, стр.152-153)

На другой день Дмитрий через горничную получил сдачу: надо было всего четыре тысячи пятьсот рублей.

Вот этот-то земной поклон и сумма в четыре тысячи пятьсот рублей помогут нам в дальнейшем разобраться с одной из загадок романа: откуда у Дмитрия Карамазова в ночь убийства взялись тысяча пятьсот рублей.

Далее по ходу повествования мы узнаём, что отец семейства Фёдор Павлович Карамазов, не желая брака своего сына Дмитрия с Катериной Ивановной, передаёт вексель на его имя Грушеньке. Дмитрию грозит вместо свадьбы долговая тюрьма, и он не находит ничего лучше, как побить Грушеньку. Но передадим слово самому Мите, вот что он говорит брату Алёше на страницах романа:

«Как раз перед тем как я Грушеньку пошёл бить, призывает меня в то самое утро Катерина Ивановна и в ужасном секрете, чтобы покамест никто не знал (для чего, не знаю, видно так ей нужно), просит меня съездить в губернский город и там по почте послать три тысячи Агафье Ивановне, в Москву, потому в город, чтобы здесь и не знали. Вот с этими-то тремя тысячами в кармане я и очутился тогда у Грушеньки, на них и в Мокрое съездили.» (6, стр.158)

Спрашивается, а зачем Катерине Ивановне нужен был такой секрет? Зачем нужно было посылать деньги из другого города? Почему в Скотопригоньевске об этом не должны узнать?

Думаю, что ответ прост, и едва задумавшись над заданным мной вопросом, вы сразу этот ответ нашли: эти деньги должны были вернуться в Скотопригоньевск и предназначались они именно для Мити. На эти деньги он должен был оплатить свои долги.

Поставьте себя на место Катерины Ивановны. Жениху грозит долговая тюрьма, но дать деньги напрямую Мите нельзя. Это оскорбит его, и он их, конечно, не возьмёт, тем более что Митя ждёт окончательного расчёта со стариком Карамазовым. Отправить из своего города нельзя. Факт отправки этих денег и получения такой

же суммы Митей может стать известным, а связывание этих фактов городскими обывателями неминуемо заденет самолюбие Мити. Остаётся одно – тайно отправить деньги из другого города и самой написать письмо Агафье Ивановне с точным указанием как ими распорядиться.

Но из этих рассуждений вытекает одна очень важная вещь: у Катерины Ивановны был способ как, не задевая самолюбие Дмитрия Карамазова, передать ему деньги, но этот способ не сработал – Митя загулял с Грушенькой в Мокром. Загулять то загулял, но способ передачи ему денег у Катерины Ивановны остался, она им в этот раз не смогла воспользоваться. И мы запомним это.

Правда, в своём эмоциональном выступлении на суде Катерина Ивановна рассказывает несколько другую историю передачи трёх тысяч рублей. Но надо иметь в виду, что она, во-первых, в тот момент резко изменила свои показания и должна была объяснить суду причину столь резких изменений и, во-вторых, как мы увидим ниже, Катерине Ивановне было что скрывать от суда, но к этому выступлению Катерины Ивановны на суде мы не раз ещё вернёмся.

Три тысячи... Четыре с половиной тысячи... А много это или мало? Приведу небольшой отрывок из воспоминаний жены писателя А.Г.Достоевской о проживании в Старой Руссе (с этого городка Фёдор Михайлович писал свой Скотопригоньевск.)

«Дача г-на Гриббе была не городской дом, а скорее представляла собой помещичью усадьбу, с большим тенистым садом, огородом, сараями, погребом и проч. Особенно ценил в ней Фёдор Михайлович отличную русскую баню, находившуюся в саду. ...Но особенно нравились нам обоим небольшие, но удобно расположенные комнаты дачи, с их старинною, тяжёлою, красного дерева мебелью и обстановкой, в которой нам так тепло и уютно жилось ...Наследница г-на Гриббе... решила продать дом и запросила за него (вместе с обстановкой и даже десятью саженьями дров) одну тысячу рублей, что горожанам Руссы показалось дорогой ценой».
(9, стр 334-335)

Да, было с чего Дмитрию Карамазову волноваться и каждый день караулить Грушеньку около отцовского дома: ведь за одно только по-

сещение Карамазов старший обещал Грушеньке, женщине с известной репутацией и содержанке купца Самсонова, три тысячи рублей!

А сейчас кратко напомним как, по словам Мити, у него в ночь убийства оказались полторы тысячи рублей, на которые он во второй раз кутил в Мокром. Он утверждает, что в первый раз прогулял не всё, а только половину доверенных ему Катериной Ивановной трёх тысяч рублей, а вторую половину зашил и спрятал на груди вместо ладанки.

Читателям романа бросается в глаза эта явная неточность в образе старшего из братьев. Что бы Митя с его взбалмошным характером заранее отделил полторы тысячи рублей и швырял деньги направо и налево только из одной пачки, представить невозможно. Если считать это недоработкой романа, то следует отметить один интересный факт – о недоработке прекрасно знал автор, что нашло выражение в тех аргументах, которые Фёдор Михайлович вложил в речь прокурора на суде. То есть, Достоевский сам прекрасно видел неточность образа. Видел и не исправил? В чём тут дело? Где же та ювелирная точность романа, о которой сам автор говорил в письме к жене? Давайте разберёмся.

В своей речи на суде прокурор настаивает, что никаких зашитых денег на груди у Мити не было, и что гулял он второй раз в Мокром на деньги убитого им отца. Аргументы для этой речи Фёдор Михайлович подобрал настолько весомые, что нельзя с ними не согласиться. Но читатель, в отличие от прокурора, знает о разговоре, который произошёл между братьями Дмитрием и Алёшей, когда последний возвращался вечером в монастырь.

«– Стой, Алексей, ещё одно признание, тебе одному! – вдруг воротился Дмитрий Фёдорович назад. – Смотри на меня, пристально смотри: видишь, вот тут, вот тут – готовится страшное бесчестие. (Говоря «вот тут», Дмитрий Фёдорович ударял себя кулаком по груди и с таким странным видом, как будто бесчестие лежало и сохранялось именно тут на груди его, в каком-то месте, в кармане может быть, или на шее висело зашитое.) Ты уже знаешь меня: подлец, подлец признанный! Но знай, что бы я ни сделал прежде, теперь или впереди, – ничто, ничто не

может сравниться в подлости с тем бесчестием, которое именно теперь, именно в эту минуту ношу вот здесь на груди моей... Я могу ещё остановиться; остановясь, я могу завтра же целую половину потерянной части воротить, но я не останавлиюсь...» (6, стр.202)

Из слов Мити видно, что, во-первых, зашитые на шее деньги у него есть и, во-вторых, этих денег хватит, чтобы уплатить половину трёхтысячного долга, то есть в данный момент у Мити спрятаны где-то на груди полторы тысячи рублей. Но почему эти деньги не могут сравниться ни с чем в подлости и бесчестии? Только ли потому, что он эти деньги сразу отложил от трёх тысяч и зашил, а не вернул Катерине Ивановне? Но Дмитрий Карамазов не раз виделся с Катериной Ивановной уже после того, как погулял в первый раз с Грушенькой в Мокром. Почему спрятанные на груди полторы тысячи рублей его не беспокоили при тех встречах с Катериной Ивановной? И почему сразу после этого разговора с братом он бросается к купцу Самсонову, потом к Лягавому и потом и к госпоже Хохлаковой в поисках именно трёх тысяч рублей, а не полутора?

Просто происхождение этих денег другое, не такое, как рассказывает Митя следствию. Эти полторы тысячи попали к Дмитрию Фёдоровичу совсем недавно: буквально накануне тех событий, с которых начинается роман. (А это посещение семьёй Карамазовых старца Зосимы). Я считаю, что деньги эти тайно, в секрете от самого Дмитрия Фёдоровича, передаёт ему Катерина Ивановна. Передаёт тем известным ей способом, по которому не удалось ранее передать три тысячи рублей. Есть ли этому подтверждение в тексте романа? Есть. И сейчас об этом расскажу.

В первую очередь отметим, что деньги, которые в этом случае проходят через руки Дмитрия Карамазова, это три и полторы тысячи рублей, то есть в сумме ровно четыре с половиной тысячи. Именно столько, как вы помните, Дмитрий Фёдорович безвозмездно отдал когда-то Катерине Ивановне.

События, на мой взгляд, развивались так.

Первые три тысячи Митя полностью прогулял в Мокром.

Катерина Ивановна известным ей способом передаёт ему ещё полторы тысячи рублей. Для чего она это делает? Во-первых, со страниц романа нам известно, что у неё всегда в памяти тот вечер и та сумма в четыре с половиной тысячи, которые Митя ей отдал, спасая её отца. Поэтому, несмотря на то, что она давно рассчиталась с Митей по тому долгу, но сама, в качестве аналогичного ответного шага, готова предоставить Мите такую же сумму. Во-вторых, для неё особенно важно, как Дмитрий Карамазов распорядится этими полученными деньгами, ведь он не будет знать, что за ними стоит Катерина Ивановна. И ей важно, как он поступит в этом случае? Принесёт ли ей эти полторы тысячи в качестве уплаты части долга или нет? Если да, то Митю для неё ещё можно спасти, и это будет первый шаг к его возвращению. В этом своём действии Катерина Ивановна, в первую очередь, рассчитывает на его благородство: для благородного человека отдать долг – первостепенное дело. Но она не учитывает силу карамазовщины, с которой Дмитрий рад бы, да не может справиться.

И что же Митя? А Митя эти полторы тысячи рублей получил и не спешит возвращать их Катерине Ивановне. Он зашивает их в кусок тряпки и вешает на шею. Причём зашивает не торопясь, и поэтому на заданный на предварительном следствии вопрос, откуда он взял тряпку для этих целей, не может дать чёткого ответа. Митя первоначально не связывает эти деньги с Катериной Ивановной. Понимание этого приходит к нему во время беседы со старцем Зосимой, вернее после земного поклона, который сделал старец Дмитрию Карамазову.

Обычно этот земной поклон связывают с той тяжёлой судьбой, которую старец пророчит Мите. Об этом и сам Зосима говорит на страницах романа, но ведь Митя не присутствует при этих словах старца, он по сюжетной линии романа не слышит этих слов. Поэтому для нас важно сейчас не что пророчит старец, а как реагирует на этот земной поклон человек, которому он был сделан – Дмитрий Карамазов. Обратимся к тексту:

«Дмитрий Фёдорович стоял несколько мгновений как пораженный: ему поклон в ноги – что такое? Наконец вдруг вскрикнул:

«О боже!» – и, закрыв руками лицо, бросился вон из комнаты.» (6, стр.106)

Что же так поразило Митю, что он, «закрыв руками лицо, бросился вон из комнаты»? По его поведению видно, что это не связано напрямую с земным поклоном старца, так как в этом случае он бросился бы помогать Зосиме скорее подняться. Ответ прост, он вспомнил о другом земном поклоне – о поклоне Катерины Ивановны, и о тех обстоятельствах, в которых поклона был сделан. Потом сложил две цифры: три тысячи и полторы тысячи и понял, откуда у него на груди деньги, и что давно пора ему самому отвечать Катерине Ивановне земным поклоном. Ему ясно, что теперь уже Катерина Ивановна собственной волей дала эти полторы тысячи. Именно так когда-то поступил он сам по отношению к ней. И сразу два чувства возникают в голове Мити. Первое – это чувство стыда. Ведь у него появились деньги, о которых, как он думал, не знает Катерина Ивановна, и он этими деньгами не вернул хотя бы часть долга. Вот отсюда и эти восклицания: *«подлец, подлец признанный! ... ничто не может сравниться в подлости с тем бесчестием, которое именно теперь, именно в эту минуту ношу вот здесь на груди моей...»*. И второе чувство – это сегодня же поклониться в ноги Катерине Ивановне. Обратимся опять к тексту романа.

Разговор идёт между братьями Дмитрием и Алексеем во время их первой встречи, сразу после беседы у старца Зосимы:

«– Я тебя кликнул и перетащил сюда сегодня, сегодняшнего числа, — запомни! – с тем чтобы послать тебя, и опять-таки сегодня же, к Катерине Ивановне, и...

– Что?

– Сказать ей, что я больше к ней не приду никогда, приказал, дескать, кланяться.» (6, стр.156)

И далее, ближе к концу разговора:

« – Буду ждать и три часа, и четыре, и пять, и шесть, и семь, но только знай, что сегодня, хотя бы даже в полночь, ты явишься к Катерине Ивановне, с деньгами или без денег, и скажешь: «Велел вам кланяться». Я именно хочу, чтобы ты этот стих сказал: «Велел, дескать, кланяться.» (6, стр.161)

Через некоторое время, уже в доме отца, Дмитрий настоятельно повторяет Алексею свою просьбу:

« – ...К Катерине Ивановне сейчас же и непременно: «Кланяться велел, кланяться велел, кланяться! Именно кланяться и раскланяться!»» (6, стр.182)

Как же на эти поклоны, переданные Алёшей, прореагировала Катерина Ивановна? Читаем:

« –...Теперь с чем же он вас послал ко мне (я так и знала, что он вас пошлёт!) – говорите просто, самое последнее слово говорите!..

– Он приказал вам... кланяться, и что больше не придёт никогда... а вам кланяться.

– Кланяться? он так и сказал, так и выразился?

– Да.

– Мельком, может быть, нечаянно, ошибся в слове, не то слово поставил, какое надо?

– Нет, он велел именно, чтоб я передал это слово: «кланяться». Просил раза три, чтоб я не забыл передать.

Катерина Ивановна вспыхнула.» (6, стр.190)

Становится понятно, почему Дмитрию срочно понадобились деньги и сразу три тысячи, а не полторы, почему он и бросался к одному купцу, потом к другому и, под конец, к Хохлаковой: ему надо было срочно и где угодно найти к тем полтора тысячам, которые хранились у него на груди, ещё три тысячи и отдать Катерине Ивановне. Именно три и именно срочно. Полторы тысячи тут мало помогали, так как только найденные и переданные три тысячи рублей могли быть оправданием того, что он сразу не отдал полторы тысячи рублей из суммы долга.

Но почему Дмитрий не сказал о подлинном происхождении этих денег следователю? Мите и в голову не могло прийти сказать на следствие что-то такое, что скомпрометирует Катерину Ивановну. Вернее в голову ему это пришло. И он даже хотел сказать, но вовремя остановился. Ведь рассказав правду об этих деньгах, Митя должен был рассказать и правду о тайном визите в другом городе, а вот этого он сделать никак не мог.

А почему Катерина Ивановна не сказала об этом? Во-первых, у Катерины Ивановны на глазах всего города жених ушёл к женщине с, мягко говоря, сомнительной репутацией. Что же ей теперь во всеуслышание заявить, что она им деньгами помогает? И во-вторых, если Митя, сохраняя свою честь, не стал об этом рассказывать следствию, то почему это должна была делать Катерина Ивановна?

Вы можете открыть седьмую главу девятой книги романа, которая имеет характерное название *«Великая тайна Мити. Освистали»* и в самом её начале прочитать следующее признание Дмитрия Карамазова на предварительном следствии:

«— Господа, — начал он всё в том же волнении, — эти деньги... я хочу признаться вполне... эти деньги были МОИ.» (7, стр.192)

Я не случайно выделил заглавными буквами слово МОИ, так как в тексте романа они выделены у Федора Михайловича курсивом. Это одно из немногих мест выделенное авторским курсивом, а всё, что выделено авторским курсивом, выделено для нас, читателей. (Забегая вперёд, отмечу, что подобный авторский курсив поможет нам разобраться и с другой тайной романа.)

В той реконструкции событий романа, которая предлагается в данной работе, Дмитрий имеет все основания назвать деньги, хранящиеся вместо ладанки у него на груди, своими. Не деньгами Катерины Ивановны, которые он должен был отправить её сестре, и которые составляли половину от полученных ранее трёх тысяч рублей, а именно своими деньгами. Просто Катерина Ивановна знала верный способ, как, не задевая самолюбия Дмитрия Карамазова, передать ему деньги. И этот способ сработал.

Характерно, что и на первом же допросе Митя говорит следователям об этих полутора тысячах, как о великом позоре:

«Митя был в невообразимом волнении, он побледнел.

— Хорошо! — воскликнул он вдруг, — я открою вам мою тайну, открою, откуда взял деньги!.. Открою позор, чтобы не винить потом ни вас, ни себя...» (7, стр.191)

Произнеся слова, что деньги МОИ, Дмитрий Карамазов хотел рассказать следствию правду об этих деньгах, но вовремя остано-

вился. Остановился не только потому, что не хотел ввязываться в это дело Катерину Ивановну, а потому, что рассказать, что у него были СВОИ деньги, а он не оплатил ими часть долга – это сознаться в собственном бесчестии.

И поэтому прав прокурор: все рассказы Мити о тех деньгах, которые он, якобы, разделил пополам и одну половину прогулял, а другую зашил в тряпочку – чистой воды фантазии.

Здесь я на минуточку остановлюсь и задам тот вопрос, который, по-видимому, вертится в голове у моего читателя: а надо ли так внимательно исследовать душевные порывы, отдельные слова и интонации героев романа? Отвечу. Если бы автором был не Достоевский, то я бы с вами согласился – не стоит. А вот если вы имеете дело с Достоевским, то подобное исследование, на мой взгляд, является обязательным. Интересно, что об этом же говорит и сам Федор Михайлович в письме к Е.Н. Лебедевой – читательнице «Братьев Карамазовых». Приведу отрывок из этого письма:

«Когда Дмитрий Карамазов соскочил с забора и начал платком вытирать кровь с головы раненного им старика слуги, то этим самым и словами: «Попался старик и проч. как бы уже сказал читателю, что он не отцеубийца. (Обращаю ваше внимание, что для Достоевского важно, что герой романа сказал это не только словами, но и поведением – А.Р.) Если б он убил отца и 10 минут спустя Григория, то не стал бы слезать с забора к поверженному слуге, кроме разве того, чтоб убедиться: уничтожен ли им важный для него свидетель злодеяния. Но он, кроме того, как бы сострадает над ним, говорит: пропал старик и проч. Если б отца убил, то не стоял бы над трупом слуги с жалкими словами. Не один только сюжет романа важен для читателя, но и некоторое знание души человеческой (психологии), чего каждый автор вправе ждать от читателя.» (8, стр.129).

В приведённом отрывке из письма Фёдор Михайлович не только учит тому, как анализировать текст его произведения, но пишет, что ждёт от читателя подробного разбора поведения ге-

роев романа. Я не вижу оснований не воспользоваться этим советом.

Итак, мы разобрались с одной из загадок романа: откуда у Дмитрия Карамазова в ночь убийства оказались полторы тысячи рублей. Эти деньги тайно передала ему Катерина Ивановна Верховцева.

Обращаю ваше внимание вот на что: реконструируя события первого, написанного романа, мы уже, фактически, заглянули во второй, так и не написанный роман. Ведь раскрытие правды о происхождении у Дмитрия Карамазова полутора тысяч рублей в ночь убийства должно было стать одной из сюжетных линий второго романа. Автор во втором романе обязательно бы раскрыл тайну этих денег читателю. То, что эта тайна связывает два таких персонажа как Катерина Ивановна и Дмитрий Карамазов, даёт основание предположить, что, во-первых, одним из героев второго романа будет вернувшийся до срока с каторги Дмитрий Карамазов, и, во-вторых, будущим отношениям этих героев было уготовлено важное место на страницах второго романа. Косвенным подтверждением этого является не только пронзительная сцена прощания Катерины Ивановны и Мити на страницах первого романа, но и слова сказанные при этом:

« – Я для чего пришла? – исступлённо и торопливо начала она опять, – ноги твои обнять, руки сжать, вот так до боли, помнишь, как в Москве тебе сжимала, опять сказать тебе, что ты бог мой, радость моя, сказать тебе, что безумно люблю тебя, – как бы простонала она в муке и вдруг жадно приникла устами к руке его. Слезы хлынули из её глаз.» (7, стр.513)

Эти идущие из глубины сердца слова говорят о том, что не стоит особенно верить автору-рассказчику и самой Катерине Ивановне, когда они говорят о её любви к Ивану Карамазову. Тем более что главу, где звучит это короткое признание в любви к Мите, сам автор назвал *«На минуту ложь стала правдой»*. А значит и письмо, которое погубило Митю, Катерина Ивановна передала суду не от любви к Ивану Карамазову, а по какой-то другой причине. К этому вопросу мы сейчас и перейдём.

Глава 4

Тайна одного визита

Из вышесказанного следует один существенный вывод: Катерина Ивановна – единственный персонаж, который знает, как у Мити в ночь преступления появились полторы тысячи рублей. Это знание и легло в основу её веры в невиновность Дмитрия Карамазова. Именно поэтому в своём первом выступлении на суде Катерина Ивановна идёт на отчаянный шаг: она рассказывает о своём великом позоре – как она тайно к офицеру за деньгами ходила. Этот рассказ – единственная надежда Дмитрия на оправдательный приговор.

Но как же быть с её вторым выступлением на суде, когда Катерина Ивановна, предъявив имеющееся у неё письмо, буквально «потопила» Митю? Надо отметить, что, задавая этот вопрос, я не говорю ничего нового. О своём минутном неверии в невиновность Дмитрия Карамазова Катерина Ивановна говорит сама на последних страницах романа в разговоре с осуждённым:

«– Катя, – воскликнул вдруг Митя, – веришь, что я убил? Знаю, что теперь не веришь, но тогда... когда показывала... Неужто, неужто верила!

– И тогда не верила! Никогда не верила! Ненавидела тебя и вдруг себя уверила, вот на тот миг... Когда показывала... уверила и верила... а когда кончила показывать, тотчас опять перестала верить.» (7, стр.514)

Обращаю ваше внимание именно на этот «миг», в который Катерина Ивановна засомневалась в невиновности Дмитрия Карамазова, потому что вот в этом-то миге и заключено, на мой взгляд, одно из главных доказательств невиновности Павла Смердякова.

Остановимся на одном очень важном месте в романе. Настолько важно, что я бы назвал его «мостиком» из первого, написанно-

го романа, во второй, ненаписанный роман. Этот эпизод, так же как и история происхождения полутора тысяч у Дмитрия Карамазова, обязательно должен был найти отражение во втором романе, и правильное раскрытие этого эпизода позволит нам пересмотреть событийную канву первого романа и заглянуть во второй, ненаписанный роман. Я говорю о визите Катерины Ивановны к Смердякову. Вы не помните о таком визите? Действительно, в тексте романа не описан разговор Катерины Ивановны со Смердяковым. Но визит этот был. Достоевский неоднократно упоминает о нём на страницах произведения. В частности, Иван Карамазов пришёл к Смердякову вечером перед судом именно за тем, чтобы узнать, для чего к нему приходила Катерина Ивановна, и, как мы помним, ничего не узнал. Я считаю этот визит одной из главных тайн первого романа, и эту тайну автор должен был раскрыть во втором, ненаписанном романе. На мой взгляд, именно разговор Катерины Ивановны со Смердяковым является ключом к пониманию сюжетной линии всего произведения. О том, какое большое значение придавал Достоевский этому визиту, говорит то, что даже чёрт, явившийся к Ивану в ночь перед судом, начинает свой разговор так:

«— Послушай, — начал он Ивану Фёдоровичу, — ты извини, я только чтобы напомнить: ты ведь к Смердякову пошёл с тем, чтоб узнать про Катерину Ивановну, а ушёл ничего об ней не узнав, верно забыл...» (7, стр.361)

Почему я называю этот эпизод «мостиком» во второй роман? Потому что Иван Карамазов, который так и не получил ответа от Смердякова о целях визита, рано или поздно должен был задать этот вопрос самой Катерине Ивановне на страницах второго романа, и её ответ, на мой взгляд, продолжит раскрутку темы убийства старика.

Давайте вспомним приводимые выше слова Фёдора Михайловича, что *«не один только сюжет романа важен для читателя, но и некоторое знание души человеческой (психологии), чего каждый автор вправе ждать от читателя»*, и по поведению героев попытаемся понять цель визита. Зачем же приходила Катерина Ивановна к Смердякову?

Может быть, просто навестила больного? Но с чего бы это? Она бы скорее посетила слугу Григория, которому Дмитрий Карамазов пробил голову.

Может быть, она хотела узнать подробности второго разговора Ивана со Смердяковым, когда Смердяков очень прозрачно намекнул Ивану, что он может являться убийцей отца? Иван действительно пришёл к Катерине Ивановне после того разговора очень возбуждённый и всё ей пересказал. Но что она могла дополнительно узнать у Смердякова и, главное, почему он должен был ей что-то ещё рассказывать? Для того чтобы понять цель визита, надо вспомнить, какие действия предпринимает Катерина Ивановна на страницах романа:

– спасая отца, тайно приходит за деньгами к Дмитрию Карамазову;

– просит тайно переправить сестре три тысячи рублей;

– тайно передаёт полторы тысячи рублей Мите (моя реконструкция);

– вместе с двумя братьями, - Алёшей и Иваном, – оплачивает услуги столичного адвоката;

– полностью из своих средств оплачивает услуги – и не малые – медицинского эксперта из Москвы;

– помогает деньгами семейству Снегирёвых, главу которого публично оскорбил Дмитрий Карамазов.

Приведу здесь же и впечатления, которые вынес Алёша от свидания с Катериной Ивановной:

«Алёша молчал, но многое очень хорошо разглядел. Его поразила властность, гордая развязность, самоуверенность надменной девушки. И всё это было несомненно. Алёша чувствовал, что он не преувеличивает.» (6, стр.188)

Так что для визита к Смердякову остаётся только один вариант – визит был деловой, и в основе визита лежали деньги. Но Катерина Ивановна не нуждалась в деньгах Смердякова. Смердяков тоже не просил её о деньгах, иначе он бы пришёл к ней, а не она к нему. Получается, что именно Катерина Ивановна решила сама предложить Смердякову деньги. Зададимся вопросом: а за что? Ответ оче-

виден - эта властная и самоуверенная девушка пошла к Смердякову, чтобы предложить деньги взамен на признание им «своей вины». Другой причины для визита, на мой взгляд, просто нет.

Важно понять, что в этом, с её точки зрения, не было ничего предосудительного. После того, как Иван передал ей свой второй разговор со Смердяковым, Катерине Ивановне стала очевидна виновность Павла, и она решила действовать. Эта направленность на действие – характерная черта её образа. Вспомните, ведь на последних страницах романа именно Катерина Ивановна пытается организовать побег Дмитрия с этапа.

С каким же предложением должна была прийти к Смердякову Катерина Ивановна?

По замыслу Катерины Ивановны Смердякову следует раскаяться и открыть на суде свою вину, там же на суде он должен вернуть похищенные, как она думает, у старика Карамазова три тысячи рублей. Взамен на это признание и возвращение «похищенных» денег Катерина Ивановна уже на первой встрече выплачивает Смердякову три тысячи рублей, как бы компенсируя те деньги, которые будут отданы им на суде, и, что очень важно, гарантирует для Смердякова благоприятный исход процесса.

Но почему на эту сделку мог пойти Смердяков?

Чтобы ответить на этот вопрос, поговорим о Павле Смердякове.

Глава 5

Павел Смердяков

и Аркадий Долгорукий.

Мотив планируемого преступления

Огромное значение в творчестве Достоевского имели образы страдающих детей. Не будем сейчас рассматривать другие произведения, например, того же «Подростка», а обратимся к «Братьям Карамазовым».

Всем памятен рассказ Ивана Карамазова о маленькой, пятилетней девочке, запертой родителями на ночь в отхожем месте, об её слезинке к «боженьке». Или трагическая судьба Илюши Снегирёва. Но у того же Илюши был любимый отец, с которым мальчик так любил ходить к камню. Их камню. И этот отец тоже очень любил Илюшу. И товарищи его любили. И Алёша. И эти люди, как могли, утирали его слёзы. Девочку, запертую в отхожем месте, утром выпускала мать, и эта же мать дарила ей пасхальные подарки, наряжала в новое платье и ставила около рождественской ёлки.

Но есть в романе один ребёнок, чьи слёзы практически никто и никогда не утирал. Этот ребёнок – Павлик Смердяков. Представьте себе только, что должен испытывать ребёнок, носящий фамилию от имени – Смердящая. А ведь именно так звали его мать! Я ведь не Достоевский, чтобы описать его чувства и мысли. Но, благо, у нас есть роман «Подросток», где его главный герой, такой же незаконнорождённый, как и Павлик Смердяков, рассказывает о ненависти к своей фамилии – Долгорукий. Отмечу, именно Аркадий Долгорукий – незаконный сын помещика Версилова – должен был стать великим грешником в романе «Подросток», в котором, как мы помним, Достоевским была загублена идея. Таким же великим грешником, как Павел Смердяков – незаконный сын Фёдора Карамазова – в «Братьях Карамазовых».

«Вставляю здесь, чтобы раз навсегда отвязаться: редко кто мог столько вылиться на свою фамилию, как я, в продолжение всей моей жизни. Это было, конечно, глупо, но это было. Каждый-то раз, как я вступал куда-либо в школу или встречался с лицами, которым, по возрасту моему был обязан отчётом, одним словом, каждый-то учителяшка, гувернёр, инспектор, поп – все, кто угодно, спрося мою фамилию и услышав, что я Долгорукий, непременно находили для чего то нужным прибавить:

– Князь Долгорукий?

И каждый-то раз я обязан был всем этим праздным людям объяснять:

– Нет, просто Долгорукий...

...Ничего нет глупее, как называться Долгоруким, не будучи князем. Эту глупость я таскаю на себе без вины.» (5, стр.8)

А каково таскать без вины фамилию Смердяков, напоминающую о твоей «смердящей» матери? Вот что говорит Павел Смердяков соседке Марье Кондратьевне на скамейке в саду:

«...– Я бы на дуэли из пистолета того убил, который бы мне произнёс, что я подлец, потому что без отца от Смердящей произошёл, а они и в Москве это мне в глаза тыкали, отсюда благодаря Григорию Васильевичу переползло-с.» (6, стр.280)

Но на этом сходство между Павлом Смердяковым и Аркадием Долгоруким не заканчивается. Сравните ещё одно воспоминание Аркадия с поведением Смердякова:

«Странно, во мне всегда была, и, может быть, с самого первого детства, такая черта: коли уж мне сделали зло, восполнили его окончательно, оскорбили до последних пределов, то всегда тут же являлось у меня неутолимое желание пассивно подчиниться оскорблению и даже пойти вперёд желаниям обидчика: «Наде, вы унизили меня, так я ещё пуще сам унижусь, вот смотрите, любуйтесь!» Тушар (владелец пансиона, где проживал Аркадий Долгорукий – А.Р.) бил меня и хотел показать, что я – лакей, а не сенаторский сын, и вот я тотчас же сам вошёл тогда в роль лакея. Я не только подавал ему одеваться, но и сам схватывал щётку и начинал счищать с него последние пылинки, вовсе уже без

его просьбы или приказания, сам гнался иногда за ним со щёткой, в пылу лакейского усердия, чтоб смахнуть какую-нибудь последнюю соринку с его фрака... Я знаю, что товарищи смеются и презирают меня за это, отлично знаю, но мне это-то и любо: «Коли захотели, чтоб я был лакей, ну так вот я и лакей, хам – так хам и есть».» (5, стр.269-270)

После этого отрывка из «Подростка» вспоминаются приведённые выше слова критика из предисловия к роману «Братья Карамазовы» о том, что у Смердякова была «своя логика, своя лакейская диалектика, циничная, но гибкая, изворотливая, оправдывающая любую подлость». Как видно, эта лакейская логика и диалектика были не только у Павла Смердякова, но и у Аркадия Долгорукова, а ведь Аркадий – отнюдь не отрицательный герой.

Но продолжим сравнение образов Смердякова и Долгорукова. Вспомним об их злых забавах, тем более что к «шутке» Павла мы ещё вернёмся, когда будем говорить о «признании» Смердякова перед Иваном. Вот она «шутка» Смердякова:

«взять кусок хлеба, мякишу, воткнуть в него булавку и бросить какой-нибудь дворовой собаке, из таких, которые с голодухи кусок, не жуя, глотают, и посмотреть, что из этого выйдет.» (7, стр.241)

А вот как развлекался Аркадий Долгорукий со своим товарищем:

«Мы ходили с ним вдвоём по всем бульварам и чуть попозже замечали идущую женщину из порядочных, но так, что кругом близко не было публики, как тотчас же приставали к ней. Не говоря с ней ни слова, мы помещались, он по одну сторону, а я по другую, и с самым спокойным видом, как будто совсем не замечая её, начинали между собой самый неблагопристойный разговор. Мы называли предметы их собственными именами, с самым безмятежным видом и как будто так следует, и пускались в такие тонкости, объясняя разные скверности и свинства, что самое грязное воображение самого грязного развратника того бы не выдумало. Женщина очень пугалась, быстро торопилась уйти, но мы тоже учащали шаги и – продолжали своё.» (5, стр.77)

Такие вот «шутники»! Я ни в коей мере не оправдываю Смердякова, а просто указываю на сходство этого образа с образом Аркадия Долгорукого.

Но откуда эта жестокость в Смердякове? Может быть от того, что слуга Григорий, воспитатель Павла, обращался к мальчику так:

«Ты разве человек, ... ты не человек, ты из банной мокроты завёлся, вот ты кто...» (6, стр.164)

И это говорилось ребёнку, который действительно не знал историю своего происхождения. Да и первый приступ падучей болезни начался у Смердякова через неделю после того, как его неистово ударил по лицу Григорий, и удар этот был, в общем то, ни за что. Может быть и поэтому, как писал критик в предисловии к роману, этот «нравственный урод не знает любви и преданности к людям, его вырастившим»?

О жестокости Павла надо сказать особо, потому что эта жестокость проявилась и в детской забаве Смердякова:

«В детстве он очень любил вешать кошек и потом хоронить их с церемонией.» (6. Стр 163)

Жестокость Смердякова очень важна для Достоевского, и когда мы будем говорить о третьем разговоре Ивана Карамазова с Павлом, вы поймёте, почему именно её выделяет автор в характере героя.

Принято считать, что Смердяков убил Фёдора Павловича Карамазова из-за трёх тысяч рублей. Но, во-первых, вспомните, Павел возвращает отцу найденные на дворе триста рублей, а ведь по тем временам сто рублей – это годовая пенсия семье чиновника после смерти кормильца. Случайна ли эта сцена в романе? И во-вторых, близость образов Павла из «Братьев Карамазовых» и Аркадия из «Подростка» наводит на несколько другую мысль. Аркадий Долгорукий, герой «Подростка», по ходу романа делает большие долги. И он – незаконный ребёнок помещика Версилова – собирается расплатиться с этими долгами деньгами Версилова, теми деньгами, которые он получит по наследству. Это при том, что у Версилова двое законных детей – сын и дочь. Об этом говорится в самом обыденном тоне, то есть во времена, когда писался роман, получение наследства незаконным ребёнком не было чем-то не-

обычным. Но деньги, которые при стотысячном наследстве мог получить Смердяков, существенно превышали три тысячи, и поэтому целью Павла является не конверт с деньгами, а доля в наследстве. Если бы Смердяков был просто слуга, то его целью, конечно, являлись бы деньги в конверте, но не случайно Достоевский выводит Смердякова в романе незаконнорожденным СЫНОМ. А любой сын – не важно, законно- или незаконнорожденный – не может не думать о наследстве.

Но возникает вопрос: как Смердякову получить свою долю? Ведь три других брата его за брата не считают, у них и мысли такой нет. А вот у Смердякова такая мысль, конечно, есть, и это нужно постоянно иметь в виду при рассмотрении его образа. Обратимся опять к роману «Подросток»: Аркадий Долгорукий собирается встретиться со своим братом – законным сыном Версилова, – чтобы получить от него присланные от отца деньги. Он тщательно готовится к этой встрече, но брат даже не выходит к нему, а передаёт деньги через слугу, и это глубоко унижает и оскорбляет Аркадия. Это унижение и оскорбление понятно читателям «Подростка». Почему понятно? Потому что Достоевский прекрасно описал чувства и переживания своего героя. Читателю чтобы вместе с ним попереживать, достаточно просто прочесть авторский текст, и переживания сами придут. А почему вы считаете, что Смердяков, стоящий лакеем перед братьями, не переживает? Только потому, что эти переживания не описаны Достоевским и их нет в тексте? Именно так мы привыкли читать любое художественное произведение, и об этом свойстве читателей прекрасно знал Фёдор Михайлович. Вот и вспоминаются здесь его слова, что необходимо *«некоторое знание души человеческой (психологии), чего каждый автор вправе ждать от читателя»*. Переживания, из-за пренебрежительного к нему отношений со стороны братьев, у Смердякова были, и не малые. Об этих переживаниях можно судить по словам Аркадия Долгорукого, которые я приводил выше:

«Нате, вы унизили меня, так я ещё пуще сам унижусь, вот смотрите, любуйтесь! ... Коли захотели, чтоб я был лакей, ну так вот я и лакей, хам – так хам и есть.»

Эти высказывания не мешают Аркадию считать себя человеком благородного происхождения. А почему Смердяков должен думать иначе? Вспомните высказывание Павла:

«...– Я бы на дуэли из пистолета того убил, который бы мне произнёс, что я подлец, потому что без отца от Смердящей произошёл.»

Но в дуэльном поединке может участвовать только благородный человек. Простолюдин бы сказал, что поколотил бы насмешника. Значит, в глубине души Смердяков себя считает благородным человеком.

Осознание того, что он благородного происхождения пришло к Павлу ещё в подростковом возрасте. Напомню вам, как ел Павел:

«Вскорости Марфа и Григорий доложили Фёдору Павловичу, что в Смердякове мало-помалу проявилась вдруг ужасная какая-то брезгливость: сидит за супом, возьмёт ложку и ищет-ищет в супе, нагибается, высматривает, почерпнёт ложку и поднимет на свет.

– Таракан, что ли? – спросит, бывало, Григорий.

– Муха, может, – заметит Марфа.

Чистоплотный юноша никогда не отвечал, но и с хлебом, и с мясом, и со всеми кушаньями оказалось то же самое; подымет, бывало, кусок на вилке на свет, рассматривает точно в микроскоп, долго, бывало, решается и наконец-то решится в рот отправить. «Вишь, барчонок какой объявился», – бормотал, на него глядя, Григорий.» (6, стр.165)

Именно барчонком считает себя Смердяков в семье простолюдина Григория, и поэтому, – а ещё потому, что этот простолюдин смеет оскорблять и наказывать его, – Павел не любит приёмных родителей.

Для получения доли в наследстве у Павла есть два пути:

– первый, – ждать прямого завещания старика Карамазова, но возможная женитьба Фёдора Павловича на Грушеньке ставит крест на этом плане.

– второй, – в случае скоротечной смерти отца от руки старшего сына, добиться признания другими братьями, Иваном и Алёшей, его – Смердякова – наследником. (Дмитрий не в счёт, так как если

Дмитрий убьёт отца, он должен быть лишён прав.) Алёша, как известно из текста романа, особенно не интересуется денежными вопросами и в наследственных делах будет, скорее всего, учитывать мнение старшего брата Ивана. А деньги от наследства немалые: если разделить их между тремя братьями, то каждый получит около сорока тысяч. Отсюда и вся та канитель, которую развил Павел вокруг Ивана. Кроме того, именно этого брата и именно за ум выделяет Смердяков среди других братьев: только умом должен был понять Иван Карамазов, что Павел его брат, а значит и имеет право на наследство. Понять это сердцем должен был Алёша Карамазов, но у Смердякова пренебрежительные отношения к этому брату и надежды на него нет. Это мнение о младшем брате полностью подтвердилось на страницах первого романа.

Вас удивляет, что я говорю о равных правах на наследство Павла, Ивана и Алексея? Но обратите внимание, с какой ювелирной точностью вырисовывает сходство происхождения этих трёх братьев Ф.М. Достоевский. Повнимательней присмотритесь к их матерям. Одна – мать Павла Смердякова – была сумасшедшая и нищенка. Другая – мать Ивана и Алексея – почти такая же сумасшедшая – кликуша – и, по словам рассказчика, женитьба на ней не прибавила к состоянию Фёдора Павловича ни рубля, тоже, фактически, нищенка. Правда, она была законной женой, в то время как другая – «случайная связь», но разве это может являться неоспоримым доводом для такого атеиста, как Иван! Кстати, мать Ивана и Алексея стала законной женой Фёдора Павловича не с согласия попечительницы, а «увозом», и

«была из «сироток», безродная с детства, дочь какого-то тёмного дьякона». (6, стр.32)

То есть была такая же безродная, как и мать Павла. Получается удивительная вещь: рассматривая происхождение этих трёх братьев, мы видим, что права на наследство у Павла Смердякова и, например, Ивана Карамазова РАВНЫ. Вы считаете, что это случайно? Нет, именно в таких моментах и проявляется ювелирная точность Достоевского.

Об этом не думал Иван, но для нас важно, что Смердяков то думал, и, зная историю своей матери и матери Ивана и Алексея,

должен был думать именно так и никак иначе. Ведь речь идёт о сумме около сорока тысяч рублей. Здесь я задаю вопрос другим исследователям романа: а почему вы занимаетесь изучением мыслей и переживаний только трёх братьев – Дмитрия, Ивана и Алексея? Разве Павел не брат этим трём? Почему во всех исследованиях Смердякова называют слугой? Да потому, что сам Достоевский везде в тексте романа называет его слугой и этим затушёвывает родственную связь между Павлом и тремя другими братьями. Но задайте себе вопрос: почему Фёдору Михайловичу понадобилось это родство и почему, рассказав о происхождении Павла, автор больше об этом родстве почти не упоминает? Просто автору, до поры до времени, необходимо скрыть это родство, скрыть что Смердяков, как брат Дмитрия, Ивана и Алексея, может обладать и некоторыми правами. И, надо сказать, Достоевскому это удаётся: исследователи романа почти не обращают внимания, что Павел – четвёртый брат Карамазов, и в этом их ошибка. Единственный из героев романа, кто указывает на скрытые мотивы поведения Смердякова, это адвокат Фетюкович:

«– Считая себя сам (и на это есть факты) незаконным сыном Фёдора Павловича, он мог ненавидеть своё положение сравнительно с законными детьми своего господина: им, дескать, всё, а ему ничего, им все права, им наследство, а он только повар.»
(7, стр.483)

Но к моменту выступления адвоката читатель уже знает о «признании» Смердякова перед Иваном, и поэтому не придаёт этим словам должного значения, так как роман, вроде бы, подходит к концу и что же придавать этим словам значение? В том то и дело, что «вроде бы»: но для Достоевского это только середина произведения, и впереди должен быть второй, ненаписанный роман. Для правильного разбора «Братьев Карамазовых» очень важно понять, что Павел считает себя четвёртым братом, и поэтому все его поступки обусловлены этим мнением. Вот, например, что вынес из разговоров со Смердяковым Иван Карамазов:

«Иван Фёдорович скоро убедился, что дело вовсе не в солнце, луне и звёздах, что солнце, луна и звёзды предмет хотя и любо-

пытный, но для Смердякова совершенно третьестепенный, и что ему надо что-то совсем другое. Так или этак, но во всяком случае начало выказываться и обличаться самолюбие необъятное и притом самолюбие оскорблённое.» (6, стр.330)

Критики же просто полагают, что этот герой глуп и не заслуживает пристального внимания. Это ещё одна ошибка, из-за которой происходит недопонимание романа. Вспомните хотя бы, что Смердяков едва ли не единственный персонаж в произведениях Фёдора Михайловича, кому автор даёт в руки книгу одного из отцов Церкви, – в день смерти Павел читает Исаака Сирина, а лишь бы кому из своих героев Достоевский подобную книгу на стол не положил. Подумайте об этом. На мой взгляд, игнорирование мыслей и переживаний Павла Смердякова делает любое исследование романа неполным, и это будет учтено в данной работе. В оправдание позиции читателей и исследователей романа, которые не придают (или не придавали) значение образу Смердякова, надо сказать, что подобный взгляд на Павла умело навязан самим Достоевским. Но это только внешнее впечатление от образа, более глубокое исследование позволит нам убедиться в обратном.

Вся цель разговоров Смердякова с Иваном Карамазовым – настроить Ивана на мысль, что они ровня друг другу, и что Смердяков, как брат, правда, незаконнорожденный, имеет право на некоторую долю наследства. По словам автора, мысль о том, что Павел ровняет себя с ним, не раз приходила самому Ивану.

«Но главное, что раздражило наконец Ивана Фёдоровича окончательно и вселило в него такое отвращение, – была какая-то отворачивательная и особая фамильярность, которую сильно стал выказывать к нему Смердяков, и чем дальше, тем больше.» (6, стр.330)

Собирая по крохам сведения о Павле из разных частей романа, можно убедиться, что виды на наследство у Смердякова были. Поэтому у романа две движущие силы: одна явная – это карамазовщина, другая скрытая – это неудовлетворённые амбиции Смердякова. То, что этих движущих сил не одна, а две, причём одна из них скрытая, является гениальной задумкой Достоевского, но эта задумка требует особого мастерства в воплощении.

За то время, что Иван Карамазов провёл в отцовском доме, он так и не понял, что человек, который буквально из кожи лез, чтобы ему понравиться, и который вёл с ним беседы о луне и звёздах – его брат. Поэтому Павел переходит к более решительным действиям. План Смердякова был предельно прост, он окончательно утвердился, когда двое слуг – он и Григорий – спасали Фёдора Павловича от ворвавшегося в отцовский дом Дмитрия. Если б не их вмешательство, убийство могло бы произойти и раньше, и Павел понял, что достаточно ему ночью устраниваться от встречи в саду с Дмитрием и убийства не миновать. Но одного убийства старика для получения доли в наследстве мало: необходимо, чтобы и Иван был замешен в этом преступлении. Только в этом случае, после того как Дмитрий убьёт отца, Иван поймёт, что наследство он получил благодаря сговору со Смердяковым, и поэтому выделит ему часть денег. Но полученная от Ивана сумма увеличится до сорока тысяч, то есть одной трети от всего наследства, если Павел, как наследник Фёдора Павловича Карамазова, предъявит Ивану свои права. Подобные права нельзя отстоять в суде, но их безоговорочно примет Иван, потому что деньги, которые он получит в результате преступления, совершённого при его косвенном участии, будут жечь ему руки. Именно на это надеется Смердяков, и для этого Павел втягивает Ивана в преступление, для этого ему нужен был разговор с Иваном у калитки.

Есть ли подтверждения выдвинутой версии в тексте романа? Есть. Во время третьего разговора Смердяков прямо говорит Ивану:

«– А наследство получив, так и потом когда могли меня наградить, во всю следующую жизнь, потому что всё же вы через меня наследство это получить изволили.» (7, стр. 350)

Но события пошли не так, как планировал Смердяков, и это он довольно быстро понял.

Павел думает, что Дмитрий не только убил, но и ограбил отца, поэтому особенно не скрывает того факта, что у него в скором времени могут появиться крупные деньги. После убийства старика Карамазова он открыто начинает изучать иностранный язык и не боится, что это насторожит следователей. А следователи внимательно наблюдают за всем тем, что происходит вокруг семейства Карамазовых.

зовых: вспомните, как они отследили финансовые операции Ивана и рассказали о них на суде. Этот небольшой штрих в романе с изучением Павлом *«французских вокабулов»* нужен автору, чтобы подсказать читателю, что для Смердякова нет сомнений в том, кто убийца. Если бы Павел не был уверен в виновности Дмитрия, он не посмел бы даже намекнуть, что у него в скором времени могут появиться серьёзные деньги. Павел умен и прекрасно понимает, что он один из подозреваемых. Характерно, что изучение *«французских вокабулов»* происходит во время второго разговора Ивана со Смердяковым, то есть того самого разговора, в котором Павел очень прозрачно намекает Ивану, что он – Смердяков – может являться убийцей Фёдора Павловича Карамазова. Получается, что словами Смердяков говорит о возможном убийстве им старика, а действием – что убийцей является Дмитрий. Это противоречие устраняется, если считать, что в данный момент у Павла денег нет, и поэтому он чист перед следователями, но он полагает, что крупные деньги у него появятся, – с ним поделится Иван Карамазов, – и тогда он сможет уехать за границу для лечения и возможного проживания.

Чем дальше идёт следствие, и чем упорнее отказывается признавать себя виновным Дмитрий, тем отчётливей Смердяков осознаёт, что всё идёт не так, как он предполагал. По его мысли, виновность Дмитрия будет очевидна двум другим братьям, и это откроет ему путь к доле в наследстве. Получилось же ровно наоборот: Иван Карамазов, про которого Смердяков говорил, что *«с умным человеком и поговорить любопытно»*, так и не понимает, что наследство он получил только в результате сговора с Павлом, а два другие брата – Дмитрий и Алексей – именно его – Смердякова – обвиняют в убийстве отца. По мере того, как растут эти обвинения, а с ними и круг городских жителей, которые поддерживают это обвинение, таят шансы не только на получение доли в наследстве, но и на возможность найти себе новую работу, то есть обеспечить своё существование. Поэтому со смертью Фёдора Павловича жизненная ситуация у Павла не простая: такого развития событий он никак не ожидал. К тому же Павел тяжело болен.

И тут появляется Катерина Ивановна со своими деньгами.

Смердякову известно о том упорстве, с которым Дмитрий Карамазов отрицает свою вину, и поэтому взять три тысячи у Катерины Ивановны, чтобы предъявить их на суде и тем отвести от старшего брата обвинение – это путь к безбедному существованию. Ведь Павел знает о своей невиновности и считает убийцей Дмитрия, и если Дмитрий будет оправдан по его, Павла, показаниям, то до конца дней будет его должником. Самому же Смердякову бояться суда нечего, и об этом я буду говорить ниже.

Но есть и более веская причина, по которой Смердяков согласился взять на себя вину за убийство отца. Эта причина – месть Ивану за то, что получив благодаря Смердякову шестьдесят тысяч наследства, он не выделил Павлу ни рубля. Смердяков не просто собирался взять вину на себя, но и выставить Ивана на суде своим сообщником, идейным организатором преступления. Именно поэтому уже в ходе предварительного следствия Павел сообщает прокурору, что

«Иван Федорович ужаснул его своим духовным безудержем. «Все, дескать, по-ихнему, позволено, что ни есть в мире, и ничего впредь не должно быть запрещено, – вот они чему меня учили».»
(7, стр.433)

Передавая прокурору эту подробность своих разговоров с Иваном, Павел готовит почву для оправдательного приговора в том судебном процессе, где он собирался взять вину на себя. Ведь подобный рассказ только усиливает подозрение следствия в причастности Смердякова к убийству, и если бы Павел был виновен, то подобных показаний ни за что не дал. Решение выставить Ивана фактическим убийцей связано с тем, что Смердяков *«существо ...решительно злобное, непомерно честолюбивое, мстительное и знойно завистливое.»*

И последнее, если бы Смердяков был убийца, то на подобную сделку с Катериной Ивановной он не пошёл. Идея подобной сделки могла и должна была возникнуть в голове у влюблённой женщины, которая, чтобы спасти любимого, хватается даже за соломинку.

Глава 6

Текстовые доказательства невиновности Павла

Но есть ли доказательства сделки между Катериной Ивановной и Смердяковым в тексте самого романа? Оказывается, есть, и не одно. Помните, я говорил о сдвиге в тринадцать лет между событиями первого и второго романов, как о первом доказательстве невиновности Смердякова? Приводимый ниже отрывок будет уже вторым доказательством.

Иван идёт в третий раз к Смердякову, чтобы узнать для чего у него была Катерина Ивановна.

«— Что смотришь и молчишь? Я с одним только вопросом, и клянусь, не уйду от тебя без ответа: была у тебя барыня, Катерина Ивановна?»

Смердяков длинно помолчал, по-прежнему всё тихо смотря на Ивана, но вдруг махнул рукой и отвернул от него лицо.

— Что ты? — воскликнул Иван.

— Ничего.

— Что ничего?

— Ну, была, ну и всё вам равно. Отстаньте-с.

— Нет, не отстану! Говори, когда была?

— Да я и помнить об ней забыл, — презрительно усмехнулся Смердяков и вдруг опять, оборотя лицо к Ивану, уставился на него с каким-то исступлённо-ненавистным взглядом, тем самым взглядом, каким глядел на него в то свидание, месяц назад.

(Об этом исступлённо-ненавистном взгляде мы ещё поговорим ниже — А.Р.)

— Сами, кажись, больны, ишь осунулись, лица на вас нет, — проговорил он Ивану.

– *Оставь моё здоровье, говори, об чём спрашивают.*

– *А от чего у вас глаза пожелтели, совсем белки жёлтые. Мучаетесь, что ли, очень?*

Он презрительно усмехнулся и вдруг совсем уж рассмеялся.

– *Слушай, я сказал, что не уйду от тебя без ответа! – в страшном раздражении крикнул Иван.*

– *Что вы ко мне пристаёте-с? Чего меня мучаете? – со страданием проговорил Смердяков.*

– *Э, чёрт! Мне до тебя нет и дела. Ответь на вопрос, и я тотчас уйду.*

– *Нечего мне вам отвечать! – опять потупился Смердяков...»*
(7, стр.343-344)

Что же мы видим из приведённого отрывка? Несмотря на настоятельные требования Ивана, Павел упорно молчит и ничего не говорит о цели визита Катерины Ивановны. Если Катерина Ивановна приходила узнать о его здоровье, то почему об этом не сказать? Если приходила узнать подробности их с Иваном второго разговора, то и об этом можно спокойно рассказать Ивану Карамазову. Обращаю ваше внимание, что не только со слов, но и по поведению Павла видно, что он не хочет отвечать на поставленный Иваном вопрос. Почему же так упорно молчит Смердяков? Да потому что он не может рассказать Ивану об истинной цели визита Катерины Ивановны и о заключённой сделке, ведь одним из условий такой сделки должна являться её тайна. Так что упорное молчание Смердякова на довольно простой вопрос Ивана является доказательством, что сделка была.

Но прежде чем перейти к третьему доказательству, отмечу один очень красивый сюжетный ход романа. Иван Карамазов идёт к Смердякову, чтобы узнать, почему у него была Катерина Ивановна и, как мы видим, не получает ответа. Но, на самом деле, ответ то он получил, и этот ответ лежит у него в кармане: это три тысячи рублей, отданные ему Смердяковым в конце разговора. Красота этого хода говорит о величайшем писательском мастерстве Достоевского.

Но есть один нюанс в последнем разговоре Ивана и Павла, который говорит не просто о мастерстве писателя, а о его гениальности. Вспомните, когда Иван приходит к Смердякову, то у него на столе видит

«толстую жёлтую книгу. ...Название книги было: «Святого отца нашего Исаака Сирина слова»». (7, стр.347)

В том, что Фёдор Михайлович не случайно положил именно эту книгу на стол Смердякова сомневаться не приходится. Так что же, по замыслу Достоевского, мог прочитать Смердяков в этой книге? Чтобы ответить на этот вопрос, откроем замечательное исследование С.В. Белова «Ф.М. Достоевский. Энциклопедия» и прочтём соответствующий раздел (11, стр.270). С.В. Белов отмечает слова Исаака Сирина о том, что слова суть орудия этого мира, а молчание – золото другого, небесного мира.

И теперь ясно, почему Смердяков, читающий Исаака Сирина, не даёт словами ответа Ивану о цели визита Катерины Ивановны, а просто передаёт ему деньги. Ответ Павла в этом молчании и передаче Ивану денег, он как бы говорит: «Ты спрашивал, зачем она приходила? Вот тебе ответ!» Понятна становится и усмешка в словах чёрта, когда чёрт в начале своего разговора с Иваном интересуется, узнал ли Иван, зачем Катерина Ивановна к Смердякову приходила. Чёрту ли не знать о целях этого визита и о том, что деньги, переданные Катериной Ивановной Павлу, уже лежат в кармане Ивана Карамазова. Удивительной красоты сюжетное решение! И усмешка чёрта – это усмешка самого гениального писателя над своим незадачливым героем Иваном Карамазовым, вернее над той ситуацией, в которую он сам себя поставил. Поэтому книга Исаака Сирина на столе у Павла является ещё одним доказательством невиновности Смердякова. Но я не буду называть это третьим доказательством, потому что оно носит не текстовый, а смысловой характер, и о подобных смысловых доказательствах мы поговорим ниже.

Так как мы заговорили об этой книге, сделаю ещё одно замечание.

У Достоевского с книгой Исаака Сирина всё намного сложнее. Она нужна автору не только для того, чтобы объяснить молчание

Павла на прямой вопрос Ивана, есть и другая цель, и эта многоцельность ключевых событий романа возвышает Фёдора Михайловича даже в ряду самых выдающихся писателей. Не напрасно он сам писал о «Братьях Карамазовых»:

«...вещь эта трудная и рискованная, много сил унесёт. Но вещь тоже и роковая: она должна установить имя моё, иначе не будет никаких надежд.»

Поясню, что я имею в виду. Помните, мы говорили о земном поклоне старца Зосимы Дмитрию Карамазову? С одной стороны, этот земной поклон – преклонение перед тем великим страданием, которое Мите предстоит принять, и, в этом смысле, это очень важная часть романа. С другой стороны, именно этот поклон и открывает Дмитрию Карамазову правду о происхождении денег, которые спрятаны у него на груди. ОДИН поклон, но ДВА важнейших вывода по сюжету произведения, два «мостика» во второй, ненаписанный роман. Если пройти по первому «мостику», то мы увидим, что Митя будет осуждён, но вернётся с каторги и сам расскажет о своих страданиях. По второму – тайна денег на груди Мити, о которой мы говорили выше, будет раскрыта там же, во втором романе.

Аналогично и с книгой Исаака Сирина, вернее, с трактовкой фразы, что слова суть орудия этого мира, а молчание – золото другого, небесного мира. Эта фраза объясняет, не только почему Смердяков не отвечает на вопрос Ивана о цели визита к нему Катерины Ивановны, но и задаёт читателю главный вопрос романа – вопрос о причинах самоубийства Павла Смердякова. Ведь Павел не оставляет никаких намёков, что вынудило этого великого грешника решиться на столь отчаянный шаг, так как в его предсмертной записке только несколько слов:

«Истребляю свою жизнь своей собственной волей и охотой, чтобы никого не винить» (7, стр.379)

То есть просто прощает всех и молча, без объяснения мотивов, уходит из жизни.

Мы видим то же самое, что и с земным поклоном старца: одна книга, ОДНА фраза из книги, что молчание золото другого, небес-

ного мира, и ДВА разворота сюжета для будущего романа. Первый – это деньги Катерины Ивановны, которые Иван получает от Смердякова, и которые обязательно всплывут во втором, ненаписанном романе. Правда об этих деньгах откроет новую страницу в теме убийства старика-отца. Второй – молчаливый уход из жизни Павла Смердякова. Причины этого ухода станут основным вопросом всего произведения, и решать этот вопрос во втором романе надо будет Алеше Карамазову, но я уже забегаю несколько вперёд.

Поэтому вернёмся к текстовым доказательствам.

Рассмотрим третье доказательство.

Обращаю ваше внимание на то место «Братьев Карамазовых», где Алёша говорит Грушеньке, что на адвоката:

«мы втроём дали три тысячи, я, брат Иван и Катерина Ивановна, а доктора из Москвы выписала за две тысячи уж она сама.»
(7, стр.281)

Спрашивается, а почему тот же Алёша не дал денег на доктора? Потому что он знал, что убийца не Дмитрий, а значит, и обследовать некого. Доктор нужен только в том случае, если перед судом предстанет реальный убийца. Катерина Ивановна, как мы видели, тоже не верила в виновность Мити, а всё-таки доктора медицины, *«который узнаёт сумасшедших»*, выписала, и за такие деньги! (Вспомните масштаб цен, приводимый выше.) Дмитрий Карамазов в ходе следствия ни малейших признаков умственного расстройства не проявлял, больше того, он старательно скрыл от следствия тайну происхождения у него полутора тысяч рублей, и Катерина Ивановна знала об этом.

Что же говорили в зале суда медицинские эксперты?

«Отчасти вышло даже как бы нечто комическое, именно по некоторому разногласию докторов». (7, стр.402)

Напомню, в чём были эти разногласия:

– первый эксперт, доктор Герценштубе, указал, что подсудимый, входя в зал, должен был смотреть налево, на дам;

– второй эксперт, московская знаменитость, напротив, указал, что подсудимый

«должен был смотреть не налево на дам, а напротив, именно направо, ища глазами своего защитника, в помощи которого вся его надежда и от защиты которого зависит теперь вся его участь. Мнение своё доктор выразил решительно и настоятельно»; (7, стр.404-405)

– третий эксперт, Варвинский, сказал, что подсудимый должен был смотреть прямо перед собой.

И за подобную экспертизу Катерина Ивановна заплатила московской знаменитости две тысячи рублей?! В чём тут дело?

Дело в том, что знаменитый доктор, которого специально из Москвы выписала Катерина Ивановна, должен был на суде подтвердить болезнь не Дмитрия, а Смердякова и освободить его от приговора, но на момент суда Смердяков уже мёртв, поэтому у Достоевского вся эта комедия с экспертизой – обследовать то некого! А вот если бы с повинной пришёл Смердяков, то красноречие московской знаменитости разгорелось бы в полную силу, да и местные врачи его бы поддержали. Эта тема благодеяния новых судов не раз затрагивалась в произведениях Ф.М. Достоевского: в «Братьях Карамазовых» она звучит в гостиной госпожи Хохлаковой, подруги Катерины Ивановны, а в «Бесах» даже есть такая замечательная фраза:

«Нет, это я вам скажу тайну новых судов... Если кто своровал или смошенничал, явно пойман и уличён – беги скорее домой, пока время, и убей свою мать. Мигом во всём оправдают, и дамы с эстрады будут махать батистовыми платочками; несомненная истина!» (4, стр.301)

Так что никакая тюрьма и каторга, а именно это, как утверждают критики, подтолкнуло Смердякова к самоубийству, Павлу не грозили. Знаменитый врач был приглашён Катериной Ивановной не для Мити, а для того человека, которого она считала реальным убийцей. Только в этом случае в действиях этой героини появляется логика, и поэтому приглашение знаменитого врача из Москвы является, на мой взгляд, доказательством того, что имела место сделка, по которой Катерина Ивановна гарантировала Смердякову благо-

приятный исход процесса. Это является третьим доказательством невиновности Смердякова.

Отмечу, что «признание» Смердякова должно было произойти именно на суде, а не во время предварительного следствия, так как только в этом случае московская знаменитость участвовала бы в процессе, и только её участие гарантировало благоприятный исход для Павла. Если бы Смердяков взял на себя вину в ходе следствия, то выделить открыто две тысячи рублей для медицинского освидетельствования московским врачом только Смердякова, Катерина Ивановна уже не могла. Это ещё одна ювелирная точность авторского замысла.

Перейдём к четвёртому доказательству.

Вы помните, мы говорили о миге, когда Катерина Ивановна засомневалась в невиновности Дмитрия Карамазова: этот миг был в суде во время выступления Ивана Карамазова, и связан он не с тем, что во время своего выступления Иван рядом с собой чёрта видел. Умственная болезнь Ивана была новостью для всех сидящих в зале, но только не для Катерины Ивановны, и если слова, сказанные Иваном на суде, никак не помогли Дмитрию, то уж точно не могли навредить. Но получается, что навредили, так как сразу после этих слов Катерина Ивановна передаёт суду письмо, в котором Дмитрий пишет о своих планах убийства старика. Это письмо и решает дело.

Но почему во время выступления Ивана Карамазова Катерина Ивановна вдруг перестала верить в невиновность Дмитрия? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить то событие, которое произошло в зале суда во время выступления Ивана, и которое, на мой взгляд, дало толчок к изменению во взглядах Катерины Ивановны на виновность-невиновность Мити. Событие это следующее: Иван неожиданно вынул и положил перед судом три тысячи рублей, те самые три тысячи рублей, которые Катерина Ивановна дала Смердякову. Если бы он вынул шесть тысяч рублей или не вынул ни копейки, то той катастрофы, которая произошла с Дмитрием в суде, не случилось. (Отмечу один очень важный момент из эмоционального выступления

на суде Катерины Ивановны: она рассказывает суду, что Иван Карамазов дважды ходил к Смердякову. Но почему бы ей не сказать, что она тоже ходила к Павлу? Почему бы не поделиться своими впечатлениями об этом человеке? Но... о своём визите у Катерины Ивановны ни слова, ни полслова. Её визит – тайна, которую она не открывает даже на суде.) Когда Катерина Ивановна увидела в руках Ивана только три тысячи, она поняла, что Смердяков таким страшным образом, через Ивана, возвращает ей деньги, и что других денег у него просто нет, следовательно, он невиновен. Но если невиновен Смердяков, то, по мысли Катерины Ивановны, виновен Дмитрий: мысль, что кто-то третий мог убить старика Карамазова, в голову этой женщине ещё не пришла. Отсюда и истерика, случившаяся с этой героиней в зале судебного заседания, и причин для истерики было две:

во-первых, она публично призналась в своём позоре, как она тайно к офицеру за деньгами ходила, и человек, ради которого она пошла на это признание, оказался, как она считает, убийцей;

во-вторых, она пыталась уговорить невиновного человека взять на себя вину, даже деньги передала, и в том, что этот человек пошёл на самоубийство, есть, возможно, и её вина.

Таким образом, психологический срыв, который произошёл в поведении Катерины Ивановны после того, как Иван Карамазов положил перед судом три тысячи рублей взятые у Смердякова, говорит, что сделка между Катериной Ивановной и Смердяковым была. То есть деньги, которые Смердяков передаёт Ивану вечером перед судом, были не деньгами Фёдора Павловича Карамазова, а деньгами Катерины Ивановны Верховцевой. И это четвёртое доказательство невиновности Смердякова.

Обратимся к пятому доказательству.

Внимательно прочитаем последний разговор Ивана Карамазова со Смердяковым. В этом разговоре Смердяков «сознаётся» в убийстве Фёдора Павловича Карамазова.

«– Стой, – прервал Иван, – ведь если б он (Дмитрий – А.Р.) убил, то взял бы деньги и унёс; ведь ты именно так должен был рассуждать? Что ж тебе-то досталось бы после него? Я не вижу.

– Так ведь деньги-то бы они никогда и не нашли-с. Это ведь их только я научил, что деньги под тюфяком. Только это была неправда-с. Прежде в шкатулке лежали, вот как было-с. А потом я Фёдора Павловича, так как они мне единственно во всём человечестве одному доверяли, научил пакет этот самый с деньгами в угол за образа перенести...» (7, стр.349)

Обращаю ваше внимание, что Дмитрий Карамазов в письме к Катерине Ивановне и в своих показаниях следователю говорит, что деньги под подушкой, а не под тюфяком (матрацем), но не это главное: важно, что этот диалог создаёт у читателя ощущение правдивости всего того, что рассказывает Смердяков, ведь рассказываются такие детали! Но всё дело в том, что в главном Смердяков обманывает: он вообще никогда не рассказывал Дмитрию, где старший Карамазов хранил конверт с деньгами. Чтобы убедиться в этом, прочитаем отрывок из беседы Дмитрия со следователями в ночь убийства:

«Несколько секунд Митя стоял как ошеломлённый.

– Господа, это Смердяков! – закричал он вдруг изо всей силы, – это он убил, он ограбил! Только он один и знал, где спрятан у старика конверт... Это он, теперь ясно!

– Но ведь и вы же знали про конверт и о том, что он лежит под подушкой.

– Никогда не знал: я и не видел никогда его вовсе, в первый раз теперь вижу, а прежде только от Смердякова слышал... Он один знал, где у старика спрятано, а я не знал... – совсем задыхался Митя.

– И, однако ж, вы сами показали нам давеча, что конверт лежал у покойного родителя под подушкой. Вы именно сказали, что под подушкой, стало быть, знали же, где лежит.

– Мы так и записали! – подтвердил Николай Парфенович.

– Вздор, нелепость! Я совсем не знал, что под подушкой. Да, может быть, вовсе и не под подушкой... Я наобум сказал, что под подушкой... Что Смердяков говорит? Вы его спрашивали, где лежал? Что Смердяков говорит? Это главное... А я нарочно налгал на себя... Я вам соврал не думавши, что лежит под подушкой, а вы теперь... Ну знаете, сорвётся с языка, и соврёшь. А знал один

Смердяков, только один Смердяков, и никто больше!.. Он и мне не открыл, где лежит!» (7, стр.190)

Достоевский, конечно, сознательно заменил подушку в показаниях Дмитрия на тюфяк в рассказе Смердякова. Автор, как бы, играет с читателем в «кошки-мышки»: с одной стороны старается скрыть невиновность Смердякова и представить его убийцей, с другой стороны, вставляет в текст подобные подсказки в расчёте на то, что это подтолкнёт читателя вести самостоятельное расследование. Ну, что ж, Фёдор Михайлович, спасибо за подсказку: именно эта несостыковка в рассказе Павла и в показаниях Ивана заставляет внимательного читателя просмотреть два соответствующих отрывка. И вывод из прочитанного один: Смердяков выдумал историю о том, что Дмитрий знал, где лежат деньги. Но почему выдумал? И почему так складно всё рассказывал? Мы уже знаем ответ на второй вопрос: именно с подобными деталями Смердяков должен был выступить на суде и взять на себя вину за убийство. Но почему он это делает в разговоре с Иваном? Просто этот обман связан с тем, что в последних двух разговорах с Иваном Карамазовым у Смердякова цель не рассказать «правду об убийстве старика», а загнать в голову Ивана мысль-иглу. Помните, как той дворовой собаке с куском хлеба. Напомню шутку Смердякова:

«взять кусок хлеба, мякишу, воткнуть в него булавку и бросить какой-нибудь дворовой собаке, из таких, которые с голодухи кусок, не жуя, глотают, и посмотреть, что из этого выйдет.»

Павел прекрасно видит и понимает то болезненное состояние, в котором находится Иван Карамазов, и поэтому в двух последних разговорах загоняет в голову Ивана навязчивую мысль об его, Иване, участии в убийстве отца, пока не сводит брата с ума. Он, по ходу этих разговоров, загоняет эту мысль-иглу всё изощрённей и изощрённей, глубже и глубже. Жестоко? Да, жестоко, но виновником этих жестоких отношений между братьями является не только, и не столько, Павел Смердяков, сколько Иван Карамазов. Поэтому, думаю, не случайно, а ювелирно точно подобрал Фёдор Михайлович для Смердякова злую шутку с дворовой собакой, и изголодавшейся дворовой собакой, которая с «голодухи кусок, не жуя», глота-

ет, в данном случае, выступает Иван Карамазов. Смердяков же просто оговаривает себя, поступая точно так, как сказано в эпиграфе к данной работе:

«Сильно страдающие от падучей болезни ... преувеличивают и даже сами выдумывают на себя разные вина и преступления.»

И можно даже указать тот момент в двух последних разговорах, когда Смердяков начинает вгонять в голову Ивана мысль-иглу. На этот момент во время последнего разговора этих двух героев, я обращал ваше внимание выше: Иван чувствует, как Павел

«установился на него с каким-то исступлённо-ненавистным взглядом, тем самым взглядом, каким глядел на него в то свидание, месяц назад».

И этот исступлённо-ненавистный взгляд не единственное указание самого Достоевского, что целью разговора для Смердякова является не рассказ об «убийстве» старика, а что-то другое. Посмотрите, что пишет автор о поведении Павла во время третьего разговора:

«Он был очень слаб и говорил тихо и устало, но что-то внутреннее и затаённое поджигало его, у него, очевидно, было какое-то намерение. Иван это предчувствовал». (7, стр. 351)

Этой фразой Достоевский прямо говорит читателю, что у разговора есть какой-то важный подтекст, что не тема убийства старика важна Павлу. Что это за подтекст? Что за затаённое намерение поджигало Павла? Для Смердякова, с его жестоким характером, важно было навязать Ивану Карамазову мысль-иглу, что он является главным виновником разыгравшейся трагедии, и навязать любыми путями, используя даже ложь и обман. Тем более, что обмануть Ивана было нетрудно: с одной стороны, своё «раскаянье» на суде Смердяков уже продумал, и ему оставалось только озвучить его перед Иваном, и, с другой стороны, Иван в своих мрачных мыслях не раз представлял, что именно так, как говорит Смердяков, всё было на самом деле. Эта мысль-игла – плата Ивану за надменность и явное пренебрежение, с которым он относился к Павлу.

Вспомните разговор Фёдора Павловича с сыном Иваном «за коньячком»:

«—...Смердяков за обедом теперь каждый раз сюда лезет, это ты ему столь любопытен, чем ты его так заласкал? — прибавил он Ивану Фёдоровичу.

— Ровно ничем, — ответил тот, — уважать меня вздумал; это лакей и хам. Передовое мясо, впрочем, когда срок наступит.»
(6, стр.173)

Перечитайте три последних разговора между Иваном Карамазовым и Павлом Смердяковым, и вы поймёте, что это «передовое мясо» просто умнее и мудрее Ивана. Павел чувствует психологию каждого из трёх братьев, но ни один из братьев его, Смердякова, не чувствует и не понимает. Даже и не хочет понимать, четвёртый брат для них почти что вещь — лакей. Но главное для Павла, что его не понимает Иван. Только этот брат, по мнению Павла, мог понять, что Смердяков им всем брат. Мы уже говорили о происхождении Ивана и Павла от умственно больных матерей. Прибавьте к этому стремление к знаниям одного и другого в детском возрасте, их одинаковую юношескую замкнутость, и то, что на момент описываемых в романе событий только Иван и Павел имеют профессии, которые могут поддержать их в жизни: Дмитрий уже прогулял своё наследство, а Алёша ещё не закончил и курса гимназии.

И ещё один интересный вопрос, связанный с «пояснениями» деталей убийства, которые даёт Павел. Конверт с деньгами лежал, возможно, действительно за образами. Возможно, Смердяков и надумил Фёдора Павловича его туда положить. Но зададимся вопросом: положив деньги за образа, спрятал ли их Фёдор Павлович? О том, что ценные вещи и деньги прячут за образами известно всем. Это известно не только грабителям, но и следователям, которые появятся в доме сразу после совершения преступления. О том, что Дмитрий, убегая из сада, проломит голову слуге Григорию, Павел не мог заранее знать. Но если бы Григорий был здоров, то у Смердякова не было бы возможности попасть в комнату Фёдора Павловича Карамазова до прихода следователей, а значит, и не было никаких шансов оставить эти деньги себе. Да и вор-грабитель бросился бы именно к иконам, чтобы найти деньги. Поэтому перепрятать пакет с

деньгами за образа – это всё равно, что вынуть их из шкатулки, где они заперты на ключ, и откуда их просто так не достанешь, и положить посреди стола. Об этом во время разговора со Смердяковым не подумал Иван, так как ему в тот момент было не до этого, он верил всему, что говорил ему Павел. Но Достоевскому, с его каторжным прошлым, это было прекрасно известно: думаю, за четыре года, которые он провёл в омском остроге, Фёдор Михайлович наслушался достаточно историй о том, что прячут за иконами. Получается, что Смердяков учил Фёдора Павловича Карамазова не как спрятать деньги, а как положить их так, чтобы убийца их обязательно нашёл, то есть деньги Смердяков не собирался оставлять себе. И это ещё одно – шестое – косвенное доказательство невиновности Павла.

Фёдор Михайлович Достоевский большое значение придавал малейшим деталям совершения преступления. Так Смердяков удивляет Ивана тем, что говорит, будто он специально оставил на месте преступления пустой конверт и ленточку, которой он был перевязан. Оставляет для того, чтобы убедить следователей, что убийца хотел проверить наличие денег, а он – Смердяков – так бы не поступил, так как лично помогал барину запечатывать деньги в конверт.

« - Так неужели, неужели ты всё это тогда же так на месте и обдумал? – воскликнул Иван Фёдорович вне себя от удивления. Он опять глядел на Смердякова в испуге.

- Помилосердуйте, да можно ли это всё выдумать в таких по-ныхах-с? Заранее всё обдумано было.» (7, стр.354)

Но если бы убийцей был Смердяков, и если «заранее всё обдумано было», то он, в первую очередь, перевернул всю постель, показывая следователям, что Дмитрий Карамазов искал деньги под тюфяком. Но... постель в комнате Фёдора Павловича осталась аккуратно заправленной, и на это специально указывает Достоевский. Поэтому убийца был из тех, которые знают, что сначала надо смотреть за образами, а уж потом переворачивать всё вверх дном.

Но этими эпизодами с подушкой-тюфяком и спрятанными за образами деньгами обман Смердякова не кончается. Следствие ус-

тановило, что Фёдор Павлович был убит не у окна, а когда находился в комнате. Вот что говорит прокурор во время предварительного следствия Дмитрию Карамазову:

«Убийство произошло, очевидно, в комнате, А НЕ ЧЕРЕЗ ОКНО, что положительно ясно из произведённого акта осмотра, из положения тела и по всему. Сомнений в этом обстоятельстве не может быть никаких.» (7, стр.173)

Заглавными буквами я выделил те слова прокурора, которые в тексте романа выделены авторским курсивом. Этот категоричный вывод следствия необходим Достоевскому, чтобы у читателя не возникло предположение, что убийца всё-таки Дмитрий, который мог убить отца, когда Фёдор Павлович открыл окно и выглянул в сад. Но давайте прочитаем, что рассказывает Смердяков Ивану о самом моменте убийства.

«—...Побежал он, подошёл к окну, свечку на окно поставил. «Грушенька, – кричит, – Грушенька. Здесь ты?» Сам-то это кричит, а в окно-то нагнуться не хочет, от меня отойти не хочет, от самого этого страху, потому забоялся меня уж очень, а потому отойти от меня не смеет. «Да вон она, говорю (подошёл я к окну, сам весь высунулся), вон она в кусте-то, смеётся вам, видите?» Поверил вдруг он, так и затрясся, больно уж они влюблены в неё были-с, да весь и высунулся в окно. Я тут схватил это самое пресс-папье чугунное, ...размахнулся да сзади его в самое темя углом. Не крикнул даже.» (7, стр.354)

Как видим, по словам Смердякова, Фёдор Павлович был убит у окна, вернее, когда он высунулся в окно, но это полностью противоречит той картине, которую застали следователи на месте преступления. Это противоречие – седьмое доказательство невиновности Павла.

Перечисленные эпизоды – ещё не весь обман, к которому прибегает Смердяков во время третьего разговора с Иваном Карамазовым. Поговорим о том, была открыта или закрыта дверь из дома в сад, когда слуга Григорий вышел закрывать садовую калитку. Григорий уверяет, что дверь на тот момент была уже открыта, и суд

принимает сторону Григория. Фёдор Михайлович Достоевский отдельными фразами и замечаниями создаёт впечатление о Григории, как о человеке, чьим словам и следует верить. Посмотрите, какую характеристику даёт этому слуге автор:

«Это был человек аккуратнейший и точнейший...» (7, стр.81)

«По наружности своей Григорий был человек холодный и важный, не болтливый, выпускающий слова веские, нелегкомысленные.» (6, стр.129)

И ранее в другом месте:

«Это был человек твёрдый и неуклонный, упорно и прямолинейно идущий к своей точке.» (6, стр.127)

В своих показаниях на суде

«отворённую же дверь в сад подтвердил с упорною настойчивостью.» (7, стр.394)

Если принять сторону Григория и дверь в сад была открыта, то убийца не Смердяков, а тот, кто вошёл в дом через эту дверь.

Меня, честно говоря, поражает та лёгкость, с которой исследователи романа соглашаются с высказыванием Смердякова, что открытая дверь в сад просто померещилась Григорию «с пьяных глаз». Я уже не говорю о том, что видеть галлюцинации и принять закрытую дверь за открытую, может только запойный пьяница, то есть человек находящийся на краю «белой горячки», а Григорий таким пьяницей не был. Дело в другом. Не понятно, как можно восторгаться знанием и умением Достоевского описать малейшие движения души литературных героев и, одновременно с этим, серьёзно принимать этот довод Смердякова – алкогольная галлюцинация. И это в ключевом моменте главного романа Фёдора Михайловича Достоевского! Простая ссылка на подобный довод положит конец любому рассуждению, любому спору. Зачем изучать душу человеческую, если её движение застилает пьяный туман? Но где же здесь Достоевский? Неужели исследователи романа не почувствовали, что Фёдор Михайлович специально уводит их в сторону? Какое уж тут *«знание души человеческой (психологии), чего каждый автор вправе ждать от читателя»*, если этому знанию противопоставляется аргумент в виде металлического лома –

пьяный был и не пойми что видел! Нет, если вы чувствуете и понимаете Достоевского, то вам надо согласиться с показаниями слуги Григория. Если принять сторону Григория и дверь в сад была открыта, то этот обман – восьмое доказательство невиновности Павла Смердякова.

Скажем ещё несколько слов об этой открытой двери из дома в сад. Дело в том, что если убийца Смердяков или, как думают следователи, Дмитрий Карамазов, то эта открытая дверь, на самом деле, мало что значит. Как установило следствие, Фёдор Павлович был убит не у окна – убийца находился в комнате. Окна же карамазовского дома были расположены достаточно низко, так как жена слуги Григория – женщина, по-видимому, не исполинского роста, – которая первая обнаружила преступление, заглянула в раскрытое окно с улицы и увидела, что хозяин лежит на полу. Но Дмитрий, пробираясь в отцовский сад, легко перелез через высокий забор, и поэтому ему ничего не стоило запрыгнуть в окно, когда старик Карамазов от окна отшатнулся, и, убив отца, убежал бы Дмитрий тоже через окно. Поэтому в вопросе: виновен-невиновен Дмитрий Карамазов эта открытая дверь особого значения не имеет. Тем более она не имеет значения в виновности-невиновности Павла Смердякова. Почему же Достоевский десять раз в романе говорит об этой раскрытой двери и почему автор такое значение придаёт и вопросам следователей об этой двери и показаниям слуги Григория? Это те же «кошки-мышки» Фёдора Михайловича: неоднократно упоминая об этой двери, он, как бы, предлагает читателю задуматься над её тайной. А ответ довольно простой: эта дверь важна только в том случае, если предположить что кто-то ещё, кроме Дмитрия Карамазова, прятался в ту ночь в саду. Этот кто-то прятался не для того, чтобы понаблюдать, а чтобы действовать, и этот кто-то успел войти в дом до появления слуги Григория.

Ранее мы отмечали, что виновность Смердякова, согласно общепринятой версии, вытекает из двух фактов: во-первых, личного признания и, во-вторых, из передачи трёх тысяч рублей Ивану Карамазову в ночь перед судом, но проведённое выше изучение текста

романа позволяет серьёзно усомниться в этих двух фактах. А ведь наше исследование далеко не закончено, и ниже будут приведены и другие доказательства невиновности Смердякова.

Думаю, вы уже осознали, что рассмотрение этих доказательств помогает нам глубже понять роман: ведь я останавливаюсь на неясных местах, которые являются как бы белыми пятнами на карте всего произведения, и раскрытие этих белых пятен должно было войти в сюжетную линию второго, так и ненаписанного романа. Согласитесь, без расшифровки таких больших белых пятен, как визит Катерины Ивановны к Смердякову, невозможно однозначно говорить об авторской идее «Братьев Карамазовых».

А теперь вернёмся к девятому доказательству.

Помните, в вопросе о деньгах, которые были в ночь убийства у Дмитрия Карамазова, нам помогла разобраться и авторская подсказка, а именно, тот курсив, что выделил одно слово в реплике Мити: *«Господа, ...Эти деньги были МОИ»*. Интересно посмотреть, а есть ли аналогичные авторские подсказки относительно невиновности Смердякова? Оказывается таких подсказок целых четыре. Это не прямые указания, – прямых доказательств невиновности Смердякова в тексте романа нет, и об этом я уже писал в начале работы, – эти доказательства носят косвенный характер, и все они говорят о невиновности Ивана Карамазова в смерти отца.

Сделаю три небольших пояснения:

– если бы старика Карамазова убил Дмитрий, то Иван был бы виновен в смерти отца, так как он предчувствовал опасность, которая грозит Фёдору Павловичу со стороны старшего сына. Помните, с каким волнением прислушивался Иван к шорохам, которые доносились с первого этажа отцовского дома. Предчувствовал, но всё-таки от отца уехал. То есть, в случае если бы убийцей был Дмитрий, вина за то, что *«один гад съест другую гадину»* ложилась бы и на Ивана;

– если бы старика Карамазова убил Павел, то разговор Ивана с Павлом у калитки, когда Смердяков намекает Ивану о своём умышленном приступе падучей болезнью, есть прямой сговор. То есть если

убийца Павел, то Иван Карамазов тоже виновен в смерти отца. Именно эта идея настойчиво прорабатывается исследователями романа; – но всё существенным образом меняется, если убийца старика Карамазова не Дмитрий и не Смердяков. Да, Иван знал о ненависти Дмитрия к отцу, но если Дмитрий не убивал старика, то в том, что Иван уехал в Москву, никакой вины нет. Да, Иван вёл с Павлом разговор у калитки, который в других обстоятельствах можно было бы оценить, как сговор, но раз Смердяков не убивал старика, то и разговор этот особого значения не имеет. (Он не имеет значения в убийстве старика, но очень много значит в раскрытии образа самого Ивана.) То есть, если Дмитрий и Смердяков не убийцы, то и Иван не убийца.

С учётом этих пояснений заглянем в роман. Что мы видим?

Первое. Во время последнего разговора Смердяков говорит Ивану следующую фразу:

« – Говорю вам, нечего вам бояться. Ничего на вас не покажу, нет улик. Ишь руки трясутся. С чего у вас пальцы-то ходят? Идите домой, НЕ ВЫ УБИЛИ.» (7, стр.345)

В этой фразе большими буквами я выделил слова «НЕ ВЫ УБИЛИ». В тексте романа они выделены авторским курсивом, а ведь всё, что выделено авторским курсивом, выделено автором только для нас и является подсказкой читателю.

Обратимся к другому месту романа – к пятой главе одиннадцатой книги. Глава имеет характерное название: *«Не ты, не ты!»*.

Вот что говорит Алёша Ивану, когда они оба выходят от Катерины Ивановны:

«– Я одно только знаю, – всё так же почти шепотом проговорил Алёша. – Убил отца НЕ ТЫ.» (7, стр.319)

В этой фразе авторский курсив выделен также большими буквами.

Чтобы у читателя не было сомнений по поводу правомочности меньшего из братьев высказывать мнение по этому вопросу, Достоевский вложил в речь Алёши следующую фразу:

«–...Но убил не ты, ты ошибаешься, не ты убийца, слышишь меня, не ты! Меня бог послал тебе это сказать.» (7, стр.320)

И несколько далее:

«—...Я тебе на всю жизнь это слово сказал: НЕ ТЫ! Слышишь, на всю жизнь. И это бог положил мне на душу тебе это сказать...» (7, стр.320)

Смотрите, как интересно получается: бог, устами любимого героя Ф.М. Достоевского, Алёши Карамазова, говорит, что Иван не убийца, а критики, и раньше и сейчас, заявляют, что фактическим убийцей является именно Иван. Не знаю как вы, а я прислушаюсь к словам бога.

После приведённых трёх авторских курсивов и этих слов Алёши о боге, всякие разговоры о виновности Ивана в убийстве отца теряют смысл. Это девятое доказательство невиновности Смердякова.

Отмечу ещё, что Алёша говорит Ивану: *«Убил отца НЕ ТЫ» «почти шепотом»*, но шепот используется для передачи глубокой тайны, и этой глубокой тайной в первом романе является невиновность Ивана, а с ним и Смердякова, в убийстве старика-отца. Этот шепот – ещё одна ювелирная точность Достоевского.

И последнее, десятое доказательство. Это доказательство приводит сам Фёдор Михайлович Достоевский, приводит в речи прокурора на суде над Дмитрием Карамазовым. Послушаем, что говорит прокурор:

« – Господа, оставим психологию, оставим медицину, оставим же самую логику, обратимся лишь к фактам, к одним только фактам и посмотрим, что скажут нам факты. ...Конечно, если убил, то для чего же нибудь, из какой-нибудь выгоды. ...Мог убить только лишь из-за денег, чтобы присвоить себе именно эти три тысячи, которые сам же видел, как барин его укладывает в пакет. И вот, замыслив убийство, он заранее сообщает другому лицу – и к тому же в высочайшей степени заинтересованному лицу, именно подсудимому – все обстоятельства о деньгах и знаках: где лежит пакет, что именно на пакете написано, чем он обёрнут, а главное, главное сообщает про эти «знаки», которыми к барину можно пройти. Что же, он прямо, чтоб выдать себя это делает? Или

чтобы найти себе соперника, который, пожалуй, и сам пожелает войти и приобрести пакет? ...Нет, уж как бы ни был труслив человек, а уж если такое дело задумал, то уже ни за что бы не сказал никому по крайней мере про пакет и про знаки, ибо это значило бы вперёд всего себя выдать. Что-нибудь выдумал бы нарочно, что-нибудь налгал бы другое, если от него непременно требовали известий, а уж об этом бы умолчал! Напротив, повторяю это, если б он промолчал хоть только об деньгах, а потом убил и присвоил эти деньги себе, то никто бы никогда в целом мире не мог обвинить его по крайней мере в убийстве для грабежа, ибо денег этих ведь никто, кроме него, не видел, никто не знал, что они существуют в доме.» (7, стр.448-449)

Отмечу, что читатель, когда знакомится с речью прокурора на суде, особенно не задумывается над приводимыми доводами. Зачем? Ведь Смердяков уже сознался Ивану (а значит и читателю) в убийстве отца, что же теперь задумываться? А зря, доказательство Фёдор Михайлович привёл очень чёткое.

Приведённые выше доказательства вытекали, в основном, из текста романа, но не из смысла произведения, поэтому я их называю текстовыми доказательствами. Кроме текстовых, в романе есть и смысловые доказательства невиновности Павла. Особый интерес в смысловых доказательствах представляет то, что они выводят нас на основную тему произведения. Но прежде чем перейти к смысловым, и потому самым трудным доказательствам невиновности Смердякова, поговорим о том, кто же всё-таки убийца, и о той роли, которую сыграли в убийстве Фёдора Павловича Карамазова каждый из братьев.

Глава 7

Кто же убийца?

Прокурор в своей речи говорит, что убийцу надо искать среди тех, кто был на территории усадьбы. Это слуга Григорий и его жена, Смердяков и Дмитрий Карамазов. При такой постановке вопроса все читатели убийцей назовут Смердякова. Но почему считается, что в тот момент, когда Митя пробирался садом к отцовскому дому, в саду больше никого не было? Вспомните, в ночь преступления слуга Григорий проснулся от того, что надо проверить, заперта ли калитка в сад, вышел на крыльцо и нашёл её распахнутой настежь. Случайно ли автор пишет именно о распахнутой калитке, а не просто не запертой на замок? Почему автор сообщает нам эту подробность? Кто же мог так распахнуть её? Смердяков? Но он с обеда лежал и имитировал приступ болезни. Сам Григорий? Но он бы тогда помнил о распахнутой калитке, а не собирался её проверить. Его жена? Эта тихая женщина всё делала незаметно, и распахивать калитку настежь не в её правилах. Фёдор Павлович Карамазов? Я думаю, что Фёдор Павлович просто оставил калитку в сад не запертой на замок. До этой роковой ночи это делал Смердяков: ведь не могла же Грушенька, которую каждую ночь ждал старик-отец, лезть к дому через высокий забор, как Дмитрий Карамазов. Старик Карамазов и не мог закрыть калитку на замок, а мог только прикрыть её, так как автор-рассказчик ещё в самом начале романа специально сообщает читателю, что она запиралась снаружи. Но Фёдор Павлович никак не оставил бы калитку распахнутой настежь, потому что это взбесило бы Митю, который, как опасался старик, *«мог где-нибудь сторожить»* Грушеньку. Так кто же тогда распахнул калитку? И кто мог знать о конверте с тремя тысячами и о том, что за ними собирается прийти Дмитрий Карамазов?

Ответ простой: практически любой посетитель трактира «Столичный город», который находился в этом трактире в тот

момент, когда пьяный Митя писал письмо к Катерине Ивановне, или кто слышал его пьяные угрозы в адрес отца. Случайно ли автор сообщает нам, что Митя писал письмо не на почтовой бумаге, а на обратной стороне какого-то счёта? Здесь надо сделать одно уточнение: ранее не было почтовых марок, и сбор за услуги городской почты собирали при продаже специальной бумаги – почтовой бумаги, на которой писали письма. То, что Митя пишет послание к Катерине Ивановне на обратной стороне какого-то счёта, говорит о том, что письмо было отправлено не по почте запечатанным, а через полового или мальчишку рассыльного. И этому есть подтверждение в тексте романа: Катерина Ивановна на суде сообщает:

« – Это письмо я получила только на другой день вечером, мне из трактира принесли.» (7, стр.425)

То есть почти сутки незапечатанное письмо лежало где-то в трактире. Вы считаете это случайно? А я считаю, что эпизод с письмом нужен Достоевскому, чтобы во втором, ненаписанном романе сообщить читателю, что кто-то посторонний в письмо заглянул. Да и без этого письма весь трактир знал о намерениях Дмитрия Карамазова. Так Перхотин, а это человек, к которому в ночь убийства зашёл Дмитрий Карамазов со следами крови на руках и одежде, пошёл в трактир и только начал партию

«вдруг заговорил с одним из партнёров о том, что у Дмитрия Карамазова опять деньги появились, тысяч до трёх, сам видел, и что он опять укатил кутить в Мокрое с Грушенькой. Это было принято с неожиданным любопытством слушателями. И все они заговорили не смеясь, а как-то странно серьёзно. Даже игру прервали.»

– Три тысячи? Да откуда у него быть трём тысячам?

Стали спрашивать дальше. Известие о Хохлаковой приняли сомнительно.

– А не ограбил ли старика, вот что?

– Три тысячи! Что-то не ладно.

– Похвалялся же убить отца вслух, все здесь слышали. Именно про три тысячи говорил...» (7, стр.98-99)

Поэтому в саду мог быть кто-то из тех, кто слышал Митю в трактире или читал его письмо.

Вспомните убийство капитана Лебядкина и его сестры в «Бесах». Первоначально это убийство связывали не с деятельностью Петра Верховенского, а с тем, что Лебядкин в трактире триста рублей «предъявил». Предполагалось, что из-за этих денег их и убили. А тут три тысячи, которые к тому же так легко можно взять! Так что убить мог «лихой» человек из числа посетителей трактира.

Это предположение хорошо согласуется со сроком в тринадцать лет между первым и вторым романами. По мнению Ф.М. Достоевского, которое нашло отражение в словах старца Зосимы, наш российский преступник отличается от европейского тем, что он ближе стоит к церковному суду. Приведу слова старца Зосимы из романа:

«— Что было бы, если б и церковь карала его своим отлучением тотчас же и каждый раз вослед кары государственного закона? Да выше не могло и быть отчаяния, по крайней мере для преступника русского, ибо русские преступники ещё веруют... Иностраные преступники, говорят, редко раскаиваются, ибо самые даже современные учения утверждают его в мысли, что преступление его не есть преступление, а лишь восстание против несправедливо угнетающей силы... Во многих случаях, казалось бы, и у нас то же; но в том то и дело, что, кроме установленных судов, есть у нас, сверх того, ещё и церковь, которая никогда не теряет общения с преступником, как с милым и всё ещё дорогим сыном своим, а сверх того, есть и сохраняется, хотя бы даже только мысленно, и суд церкви...» (6, стр.94-95)

На мой взгляд, тема церковного суда введена в роман не случайно. При церковном суде преступник кается во всех совершённых им преступлениях, то есть раскаяние могло произойти и через тринадцать лет, когда настоящего убийцу поймали на другом преступлении. Его церковное раскаяние и послужило основанием для освобождения Дмитрия Карамазова из каторги.

Есть в романе одно конкретное лицо, которое было в курсе всего, что творилось вокруг семейства Карамазовых — это Михаил Ра-

китин. Именно со слов Ракитина, сказанных в разговоре Алёше Карамазову, читатель узнаёт о той интриге, которая связала Дмитрия и Ивана Карамазовых, Катерину Ивановну, Грушеньку и старика отца. Ракитин мог знать не только о тайных стуках, по которым старик Карамазов готов был открыть дверь из дома в сад, но и о конверте с деньгами, которые были приготовлены у Фёдора Павловича для Грушеньки. Ему об этом, в шутку или всерьёз, могла рассказать сама Грушенька. Да он мог сам у неё об этом спросить, потому что она, как выяснилось на суде, была двоюродной сестрой Ракитина, и он часто бывал у неё. А родственные отношения – это более доверительные отношения, чем отношения при обычном знакомстве. Думаю, что эта возможная доверительность в отношениях – ответ на вопрос, зачем Достоевский связал узами родства Грушеньку и Ракитина.

Описывая допрос Дмитрия Карамазова следователями, Достоевский несколько раз указывает читателю, что о тайных стуках, которыми должна была постучаться Грушенька, придя к старику Карамазову, знали только Дмитрий и Павел Смердяков. Автор буквально навязывает читателю мысль, что искать убийцу надо среди этих двоих. Но это не так: об этих стуках знала ещё и Грушенька, а значит, мог знать и её двоюродный брат Ракитин.

Обратимся опять к тексту романа:

«Сердце неугомонного старичка (Фёдора Павловича Карамазова – А.Р.) билось тревожно, он ходил по пустым своим комнатам и прислушивался. Надо было держать ухо востро: мог где-нибудь сторожить её Дмитрий Фёдорович, а как она постучится в окно (Смердяков ещё третьего дня уверил Фёдора Павловича, что передал ей где и куда постучаться), то надо было отпереть двери как можно скорее и отнюдь не задерживать её ни секунды напрасно в сенях, чтобы, боже сохрани, не испугалась и не убежала.» (6, стр.348)

Из приведённого выше отрывка из романа становится понятной и тайна открытой двери в сад: просто старик Карамазов, услышав условный стук, которым постучался Дмитрий Карамазов, сначала открыл окно, а потом бросился *«отпереть двери как можно скорее, ... чтобы, боже сохрани, не испугалась и не убе-*

жала.» Однако, за дверью Грушеньки не могло быть. Но, в таком случае, Фёдор Павлович должен был, либо, видя, что за дверью никого нет, вновь закрыть дверь, либо за дверью кто-то был, и этот кто-то прошёл в дом через эту дверь, не обращая внимания открыта за ним осталась дверь или закрыта. Именно поэтому, как я считаю, Достоевский десять раз в романе упоминает раскрытую дверь из дома в сад, этим-то она и важна автору. То, что не было следов и звуков борьбы объясняется очень просто: Фёдор Павлович Карамазов никак не ожидал увидеть такого гостя на пороге своего дома. То, что испытывает человек в подобной ситуации, называется шок.

Почему же убийцы планировали дождаться появления в саду Дмитрия Карамазова? Во-первых, в этом случае у последнего не было бы алиби, и следствие бы пошло по ложному пути. Что, в конце концов, и вышло. И, во-вторых, человек, который планировал это преступление, полагал, что убивать старика не придётся – это сделает Дмитрий Карамазов. Ведь сущность карамазовщины Дмитрия в том и заключается, что Дмитрий может убить, но не может ограбить, и поэтому преступникам после убийства Дмитрием старика-отца оставалось бы только взять конверт с деньгами. И это убийство обязательно бы произошло, но, по словам Мити, провидение остановило его руку:

«— ...слёзы ли чьи, мать ли моя умолила бога, дух ли светлый облобызал меня в то мгновение – не знаю, но чёрт был побеждён. Я бросился от окна и побежал к забору...» (7, стр.172)

Я использовал слова «убийцы» и «преступники» не случайно. Их было минимум двое. Один ждал появления Мити в отцовском саду и специально оставил калитку распахнутой. Эта распахнутая калитка должна была распалить карамазовщину Дмитрия. По их замыслам, распахнутая калитка в сад будет для Мити означать только одно: Грушенька прошла в дом к старику Карамазову. Не случайно Достоевский пишет, что Митя полез к дому через высокий забор с задней стороны сада, а так как он лезет с задней стороны сада, то и не видит распахнутую калитку. Поэтому убийца тот, кто пытался разжечь карамазовщину Мити этой распахнутой ка-

литкой. Если бы Дмитрий увидел распахнутую калитку, то он не ходил бы под окнами и не пытался бы понять, есть Грушенька в доме или её там нет, а просто ворвался в дом и убил старика. И никакое провидение его бы не остановило. Для этого и нужно было преступникам распахнуть калитку.

Помешать осуществить преступление мог только один человек – Алёша Карамазов. И второй поделщик должен был сделать так, чтобы в момент преступления Алёши не было в доме отца. И этот второй поделщик – Михаил Ракитин.

Чтобы подготовить преступление Михаилу надо только правильно всё организовать: Надо с выгодой для себя воспользоваться знанием о тайных стуках, конверте с деньгами, тем, что ночью калитка в сад не будет закрыта на замок, что распалённый карамазовщиной Митя караулит Грушеньку у отцовского дома, и что ревность Дмитрия дошла до того, что он готов убить родного отца. Подобное поведение точно вписывается в образ Ракитина, созданный в романе. Ракитин не просто соучастник, а организатор преступления, но в саду в момент убийства его не было. Вспомните, Михаил специально разыскивает Алёшу и при встрече говорит Алексею:

« – Послушай, да ведь я тебя ищу больше двух часов.» (7, стр.20)

Не за день, не за два, а именно в ночь преступления понадобился ему Алёша. И так понадобился, что Ракитин искал его больше двух часов. Получается, что в ночь преступления он УВОДИТ АЛЁШУ ПОДАЛЬШЕ ОТ ОТЦОВСКОГО ДОМА. Предлагает сначала идти к нему домой и там выпить водки, а потом соблазняет его идти к Грушеньке. И старик Карамазов остаётся в своём доме один. Случайно ли всё это? Я полагаю – нет. Именно подобные «мелочи» нужны были автору, чтобы во втором, так и не написанном романе, донести до читателя истинную правду об убийстве старика.

Вы могли бы возразить, что Ракитин хочет отвести Алёшу к Грушеньке, чтобы получить за это обещанные двадцать пять рублей. Но всё дело в том, что мысль пойти к Грушеньке возникает у Ракитина уже во время вечернего разговора с Алёшей:

«— Знаешь, Алёша, – пытливо глядел он ему в глаза, весь под впечатлением внезапной новой мысли, вдруг его осиявшей... – Алёшка,

знаешь, куда мы лучше бы теперь пошли? – выговорил он, наконец, робко и искательно.

– *Всё равно... куда хочешь.*

– *Пойдем ка к Грушеньке, а? Пойдёшь?»* (7, стр.22)

Не ради двадцати пяти рублей искал он Алёшу, а по какой-то другой, более веской причине.

Обращаю ваше внимание на писательское мастерство Достоевского: переключая внимание читателя на двадцать пять рублей, которые Грушенька отдаёт Ракитину за визит к ней Алёши, Фёдор Михайлович маскирует от нас истинную цель Ракитина. Тот факт, что этот семинарист оказывается ещё и сводником, настолько поражает читателя, что он не обращает внимания на такую «мелочь», как два часа поисков Алёши из-за неизвестной цели. Но цель самого писателя достигнута: «мостик» во второй роман переброшен и скрыт от читателя.

Продолжим внимательное изучение этого вечернего разговора Алёши и Ракитина. Посмотрите, что говорит Михаил Алексею:

« – *Братец твой Ванечка изрёк про меня единожды, что я «бездарный либеральный мешок». Ты же разок тоже не утерпел и дал мне понять, что я «бесчестен»... Пусть! Посмотрю-ка я теперь на вашу даровитость и честность (окончил это Ракитин уже про себя, шепотом).*» (7, стр.21)

Очень важно, что слова «*Пусть! Посмотрю-ка я теперь на вашу даровитость и честность*» Ракитин произносит «*уже про себя, шепотом*». О чём это говорит? Это говорит о том, что Михаил знает что-то такое, что должно вот-вот произойти, и что будет проверкой даровитости и честности братьев Карамазовых. Но такое событие в романе только одно – преступление против старика Карамазова. То есть Ракитин просто проговаривается о том, что ему уже известно, какие события должны произойти этой ночью. И это уже не косвенное, а ПРЯМОЕ доказательство его вины в смерти Фёдора Павловича Карамазова.

Есть и ещё причины видеть в Ракитине организатора преступления: если раньше, при обсуждении невиновности Смердякова, мы говорили о ювелирной точности Достоевского, то сейчас нам помо-

жет одна неточность автора, это одна из психологических неточностей романа. Вспомните, в беседе со старцем Зосимой участвуют, с одной стороны, наиболее близкие Зосиме монахи, а с другой стороны, Карамазовы или близкие к ним люди. Что же делать Ракитину в келье у старца в момент семейного разговора? Такой разговор – личное дело семьи Карамазовых и посторонние должны быть удалены. Но Достоевский даёт возможность Ракитину слушать и наблюдать всё то, что происходит в келье. Видел ли эту неточность Фёдор Михайлович? Видел. Ведь Миусов, родственник Фёдора Павловича Карамазова, просит помещика Максимова, который увязался с компанией Карамазовых, оставить их и не ходить с ними в скит именно на основании того, что предстоит семейный разговор, а чужой человек во время такого разговора присутствовать не должен. То есть помещика Максимова, как постороннего, Достоевский в келью не допускает. Но Фёдор Михайлович не может удалить Ракитина из кельи, потому что автору необходимо, чтобы Ракитин видел и слышал весь разговор, слышал слова Ивана о вседозволенности и реакцию на них Дмитрия, видел земной поклон старца. Только в этом случае в голове Ракитина мог сложиться план преступления. Здесь Фёдор Михайлович уже психологически точен. Чтобы присутствие Ракитина в келье было незаметно, Достоевский использует два очень интересных приёма: во-первых, как отмечалось выше, он удаляет из компании Карамазовых помещика Максимова, и у читателя остаётся впечатление, что тем самым все посторонние удалены, и, во-вторых, автор добавляет в компанию Карамазовых ещё одного постороннего молодого человека – Калганова. Правда, Калганов был хоть и дальним, но родственником Дмитрия Карамазова. Но, по большому счёту, Калганову тоже нечего делать в келье у старца, когда разговор касается семейных дел Карамазовых.

Добавим к этому следующее:

Во-первых, именно Ракитину первому пришла мысль связать земной поклон старца Дмитрию с возможной уголовщиной в семье Карамазовых, и об этом он прямо говорит Алёше:

« – Мудрёного тут, конечно, нет ничего, одни бы, кажись, всегдашние благоглупости. Но фокус был проделан нарочно. Вот и

заговорят все святоши в городе и по губернии разнесут: «Что, дескать, сей сон означает?» По-моему, старик действительно прозорлив: уголовщину пронюхал.» (6, стр.110)

И далее.

« – Случится она между твоими братцами и твоим богатеньким батюшкой. Вот отец Зосима и стукнулся лбом на всякий будущий случай.» (6, стр.110)

Во-вторых, Ракитин прекрасно осведомлён о том, что «...Митька сам и вслух, на прошлой неделе ещё, кричал в трактире пьяный...» (6, стр 113-114)

Это и не удивительно. Как говорит о Ракитине рассказчик:

«Он везде имел связи и везде добывал языка.» (6, стр.118)

Как видим, Ракитин был не только в курсе того, что говорил в трактире и чем грозил Дмитрий Карамазов своему отцу, но мог (сам или его подельник) читать письмо к Катерине Ивановне, написанное Митей на обратной стороне какого-то счёта.

В-третьих, только Ракитин мог дать совет своему подельнику оставить калитку открытой, потому что именно Михаил в разговоре с Алёшей первый из всех героев романа формулирует сущность карамазовщины. Именно это знание карамазовщины и помогло ему подготовить преступление.

В-четвёртых, именно Ракитин находится рядом с Алёшей, когда Фёдор Павлович Карамазов даёт распоряжение младшему сыну оставить монастырь и вернуться в родительский дом.

Итак, что же мы имеем? Ракитин:

– случайно во время семейного разговора находится в келье у старца Зосимы;

– случайно в деталях осведомлён не только об отношениях, которые сложились в семействе Карамазовых, но и о поведении Дмитрия Карамазова в трактире;

– случайно первым говорит о возможной уголовщине в семействе Карамазовых;

– случайно глубоко понимает сущность карамазовщины;

– случайно оказывается двоюродным братом Грушеньки и, пользуясь более доверительными отношениями сестры, мог слу-

чайно узнать (а мог и не случайно, а целенаправленно узнать у сестры) о тайных стуках, пакете с деньгами и открытой ночью калитке в сад;

– случайно слышит требование отца к Алёше вернуться в родительский дом;

– случайно именно в ночь убийства больше двух часов разыскивает Алёшу и уводит его от отцовского дома;

– и, главное, оказывается «провидцем», который знает, что должно произойти событие, ставящее под сомнение *«даровитость и честность»* братьев Карамазовых.

Не слишком ли много у Фёдора Михайловича этого «случайно»? А может здесь более подходит другое слово – «закономерно»?

Найти же человека, который согласится непосредственно убить старика Карамазова, для Ракитина не составляло труда. Весь трактир знает об отношениях Дмитрия с отцом. В таких условиях исполнитель сам найдётся. А вот чего не мог сделать Ракитин, так это раскаяться через тринадцать лет в совершённом преступлении. Церковный суд – это не для него. Поэтому раскаялся, по-видимому, его подельник. Что и послужило основанием для освобождения Дмитрия Карамазова из каторги.

Мы нашли главную «изюминку» детективного сюжета, вокруг которой и должно было строиться всё произведение, состоящее из двух романов. Эта «изюминка» в том, что планировалось два преступления, но цель у них была одна – убийство старика. И задуманы они были разными людьми: одно Смердяковым, другое Ракитиным. Только эти два персонажа прекрасно видели, что такое карамазовщина, и к каким результатам она может привести. Что получилось из этих планов, мы знаем из первого, опубликованного романа. Но то, что мы знаем – это не весь сюжет, а только половина из задуманного Ф.М. Достоевским, вторая половина должна была открыться во втором романе.

Добавлю один характерный штрих: и Смердяков и Ракитин, независимо друг от друга, считают, что преступление произойдёт в ночь после отъезда Ивана Карамазова из дома. И автор подсказывает читателю, что Ракитин знал об отъезде Ивана, так как на страни-

цах романа Ракитин передаёт эту новость Алёше. (Ещё одна «случайность»?) Ракитин говорит Алексею:

«– Кстати, братец твой Иван Фёдорович сегодня днём в Москву уехал, знаешь ты это?»

– Знаю, – безучастно произнёс Алёша...» (7, стр.21)

Для чего понадобилось Фёдору Михайловичу включать этот вопрос в диалог? Почему писателю необходимо сообщить нам, что Алексей знает об отъезде брата и почему это спрашивает именно Ракитин? Просто в этом вопросе и ответе у Достоевского заключён скрытый смысл, который важен для понимания всего произведения. Убийца, фактически, спрашивает у сына жертвы: «Знаешь ли ты, что твой отец остался в доме один и без защиты?» И сын отвечает: «Знаю.» С этого момента Алёша становится тоже виновным в разыгравшейся трагедии.

Замечу, что Ракитин, скорее всего, не планировал убивать старика: с его точки зрения, то, что он задумал, и преступлением то не было. Из авторских замечаний в тексте романа мы знаем, что Михаил везде извлекал для себя выгоду. Вот и в этот раз он просто собирался попользоваться плодами другого преступления – убийства старика Карамазова. Ракитин не сомневался, что Дмитрий Карамазов это убийство совершит. Подельник Ракитина – тот «лихой» человек, которого он нашёл в трактире, – должен был только найти и забрать конверт с деньгами. И всё. Но провидение остановило руку Дмитрия, и «лихой» человек решил действовать самостоятельно. Оказалось, что принципы, по которым жил Михаил, и которые позволили ему спланировать похищение денег, привели к тяжкому преступлению. О жизненных принципах Михаила Ракитина и о значении совершённого им преступления для понимания идеи романа, я ещё буду говорить ниже.

Достаточно об этом преступлении. Убийство Фёдора Павловича Карамазова, на мой взгляд, важное, но не главное событие романа. Главное событие другое – это самоубийство Павла Смердякова. И главный вопрос сюжетной линии всего произведения – кто же подтолкнул его на великий грех?

Глава 8

Четыре брата

Прежде чем говорить об основной идее произведения, поговорим о той роли, которую сыграли в убийстве отца каждый из братьев. Начнём по старшинству с Дмитрия.

Дмитрий

В той интерпретации событий романа, которая здесь излагается, из всех братьев именно Дмитрий является основным виновником убийства. Это было сделано не умышленно, так, на первый взгляд, случайно совпали обстоятельства, но именно его поступки привели в родной дом убийцу. Дмитрий – это воплощение всего того, что сам Достоевский назвал одним словом – карамазовщина. Дмитрий Карамазов на страницах романа сам ярко рассказывает о тех чувствах, которые кипят в его душе, поэтому эта тема дополнительного обсуждения не требует. Единственное, что следует добавить к образу Дмитрия – это ревностное отношение к понятию личной чести. Именно это ревностное отношение и стало причиной того, что он не сказал ни на предварительном следствии, ни на суде о тайне полутора тысяч рублей, которые были у него в ночь убийства. Больше того, из текста романа ясно, что на суде Дмитрий боится не обвинения в убийстве отца, а признания Катерины Ивановны относительно тех самых полутора тысяч рублей, которые были у него в ночь убийства. Именно это признание выставит его бесчестным человеком, и поэтому вечером перед судом он просит Алёшу сходить к Катерине Ивановне. Вот отрывок из разговора Катерины Ивановны с Алёшей:

«– Что же он велел передать?»

– Только одно, – сказал Алёша, прямо смотря ей в лицо, – чтобы вы щадили себя и не показывали ничего на суде о том... – он не-

сколько замялся, – что было между вами... во время самого первого вашего знакомства... в том городе...

– А, это про земной поклон за те деньги! – подхватила она, горько рассмеявшись. – Что ж, он за себя или за меня боится – а? Он сказал, чтоб я щадила – кого же? Его или себя? Говорите, Алексей Фёдорович.

Алёша всматривался пристально, стараясь понять её.

– И себя, и его, – проговорил он тихо.

– То-то, – как-то злобно отчеканила она и вдруг покраснела.»
(7, стр.316)

Как бы пристально ни смотрел Алёша на Катерину Ивановну, он не мог её понять. Не мог потому, что не знал тайну денег Мити, тайну полутора тысяч рублей. Он знал только тайну первого визита в другом городе. И на следующий день, рассказывая на суде о том визите, Катерина Ивановна не щадила только себя. Щадить или не щадить себя – это решение Катерина Ивановна вправе была принимать сама, и на честь Мити её рассказ никак не мог повлиять. Наоборот, когда публика узнала о земном поклоне Катерины Ивановны, симпатии склонились в сторону подсудимого. А вот если бы Катерина Ивановна не пощадила Митю и рассказала о том, что он тайно получил полторы тысячи, спрятал их на груди и не вернул часть долга, то Дмитрий Карамазов предстал бы бесчестным человеком. Поэтому она злобно чеканит слова, когда спрашивает Алёшу, кого щадить просил Митя: себя или её.

Обращаю ваше внимание, что на суде Катерина Ивановна не щадит себя и рассказывает, как она ночью тайно «свою красоту продавать» ходила, а вот Митину просьбу выполняет и, несмотря на минутное неверие в его невиновность, тайну полутора тысяч суду не открывает.

Иван

Образ Ивана Карамазова больше, чем какой-либо другой образ из этого романа, проработан критиками. Это не удивительно, ведь эти проработки строятся на мнении самого автора об этом герое, и это мнение легко читается в тексте романа. Невиновность Смердя-

кова в убийстве своего отца мало что меняет в тех оценках, которые дали и автор, и исследователи романа Ивану Карамазову. Я хотел бы только добавить вот что: во время разговора Ивана и Алёши в трактире, в речь Ивана Достоевский вкладывает характерную фразу:

«—...Положим, я, например, глубоко могу страдать, но другой никогда ведь не может узнать, до какой степени я страдаю, потому что он другой, а не я, и, сверх того, редко человек согласится признать другого за страдальца (точно будто это чин). Почему не согласится, как ты думаешь? Потому, например, что от меня дурно пахнет, что у меня глупое лицо, потому что я раз когда-то отдал ему ногу.» (6, стр.295)

В этих словах Иван сам раскрывает причину своего высокомерного отношения к смердящему брату, к этому «хаму» и «передовому мясу». Но чем же так «отдал ему ногу» Павел Смердяков? Ответ простой: тем, что он появился на свет от того же отца. Мысль, что Павел его брат, настолько унижительна для Ивана, что он предпочитает об этом не думать. Именно это лежит в основе той ненависти, которая всё больше и больше разгорается в Иване по отношению к Павлу, и это понятно Смердякову. Поэтому в последнем разговоре Смердяков Ивана не щадит.

Выше говорилось о сходстве образов этих двух братьев. Это и происхождение от больных матерей, тяга к знаниям, замкнутость, у них и возраст одинаковый — одному и другому по двадцать четыре года. Но сходство становится абсолютным, если вы вспомните, что оба брата одинаково ведут себя в деле убийства отца: один прикидывается больным и устранивается, другой уезжает в Москву — тоже устранивается. Это абсолютное сходство образов не случайность, а ювелирная точность автора. Выравнивая этих братьев буквально во всём, Достоевский подчёркивает их равные права на наследство.

И еще на один важный общий момент в поведении этих братьев следует обратить внимание — это взаимная ненависть друг к другу. Эта взаимная ненависть ярче всего проявляется в третьем, последнем разговоре между ними. Ниже мы ещё будем говорить о любви к ближнему, а сейчас отметим, что ни капли такой любви нет во взаимоотношениях Ивана и Павла. И это является одной из при-

чин, по которой один сходит с ума, а другой кончает жизнь самоубийством.

Говоря об Иване, нельзя не сказать о той характеристике, которую даёт ему Павел при третьем разговоре:

«– Вы, как Фёдор Павлович, наиболее-с, изо всех детей наиболее на него похожи вышли, с одною с ним душой-с.» (7, стр.356)

Задумаемся, а почему именно Ивана считает Смердяков «одною ... душой-с» со своим отцом? Вопрос, на самом деле, не простой. На мой взгляд, это тоже одна из тайн «Братьев Карамазовых». Попробуем её разгадать.

Чтобы получить ответ на поставленный вопрос, давайте обратимся к карамазовщине – тому явлению, которое объединяет членов этого семейства. Послушаем, что думает по этому вопросу такой знаток этого явления, как Михаил Ракитин:

« – В этом весь ваш карамазовский вопрос заключается: сладострастники, стяжатели и юродивые!» (6, стр. 112-113)

Примерим эти три составляющие карамазовщины к главе семейства – Фёдору Павловичу Карамазову:

– сладострастие – вокруг сладострастных желаний Фёдора Павловича строится весь сюжет романа;

– стяжательство – за свою жизнь Фёдор Павлович накопил больше ста тысяч капитала. При накоплении этих денег он не гнушался никакими методами и умел, как выражается автор, обделывать делишки;

– юродивость – о том, что он постоянно себя выказывает шутком – юродствует – Фёдор Павлович сам говорит в келье у старца Зосимы.

Получается, Ракитин прав, выделяя именно эти три черты в карамазовщине.

А теперь давайте посмотрим на трёх братьев – Дмитрия, Ивана и Алексея – глазами четвёртого брата, глазами Павла.

Первый брат – Дмитрий. Кажется, было бы логично, если именно в Мите Карамазове Павел увидел максимальное сходство с Фёдором Павловичем, ведь сладострастие отца и сына стало одной

из причин разыгравшейся трагедии. Назвать же Митю юродивым или, тем более, стяжателем – никак нельзя. (Именно сладострастие и нестяжательство Дмитрия легли в основу плана Ракитина, по которому Дмитрий может убить, но не может украсть.) Но то, что кажется логичным читателю, не логично для Смердякова, и он Дмитрия не считает больше всех похожим на отца.

Младший брат Алексей, по мнению Павла, носит другую печать карамазовщины, – он юродивый. Сладострастие в нём если и проявляется, то очень слабо, а вот стяжательства – ни на грамм, поэтому сказать, что Алёша больше других братьев похож на Фёдора Павловича, Смердяков, конечно, не мог.

А теперь посмотрим глазами Смердякова на третьего брата – на Ивана. Упрекнуть его в сладострастии нельзя. Назвать Ивана, с его острым умом, юродивым, тоже нельзя. Но все-таки именно Ивана Смердяков считает наиболее похожим на Фёдора Павловича Карамазова. Чем же он так похож? Стяжательством. Ведь Иван Карамазов получил по наследству деньги, которые, как думал Смердяков, будут жечь ему руки и он обязательно поделится с тем, кто помог ему получить такое наследство. Но этого не происходит: вместо умного и благородного человека перед Смердяковым предстал стяжатель. На благодарность Павел, конечно, не рассчитывал, да и трудно ждать благодарности в той ситуации, в которой оказались два этих брата. Павлу нужно было понимание и признание его прав, но вместо этого он видит стремление Ивана показать, какой он «белый и пушистый». А этот «белый и пушистый», по мнению Смердякова, просто присвоил его часть наследства. Поэтому Павел и даёт такую убийственную характеристику Ивану, и именно подобными выражениями сводит брата с ума. Это ему плата за присвоенные деньги.

Таким образом, раскрывая тайну характеристики, которую даёт Смердяков Ивану, мы раскрываем и мотивы поведения Павла во втором и третьем разговоре с Иваном Карамазовым.

Ещё об одной теме надо сказать при разборе образа Ивана – это тема церковного суда. Та самая тема, которой молодой выпускник

университета Иван Карамазов заинтересовал монахов, и которая нашла отражение в беседе у старца Зосимы. Иван ни юридически, ни фактически не виновен в смерти отца, и об этом ему неоднократно напоминает Алёша, который, чтобы успокоить брата, даже использует полные глубокого смысла слова: *«Меня бог послал тебе это сказать»*, но и это не действует на Ивана. Сама мысль, что он может быть виновен в смерти старика, не даёт ему покоя и, в конце концов, сводит с ума. Те страдания и переживания, которые крутятся в душе и голове Ивана, и есть проявления церковного суда – суда совести, о котором когда-то сам Иван так свободно рассуждал и писал. Поэтому тема церковного суда – далеко не случайная тема в этом романе, и не случайно, что именно Иван Карамазов внёс эту тему в роман.

Павел

Роль Павла в смерти отца не меньше, но и не больше, чем роль Ивана. С одной стороны, именно Смердяков выступил инициатором разговора с Иваном у калитки, в котором очень прозрачно намекнул, что им двоим надо устраниться от взаимоотношений между отцом и старшим братом и дать событиям развиваться по самому страшному сценарию. Но, с другой стороны, именно Смердяков больше всех страдал от тех отношений, которые сложились между Дмитрием и Фёдором Павловичем и первым понял, к чему эти отношения могут привести. Отмечу, что преступление, которое планировал Павел, – вернее, не планировал, а просто понял, что оно всё равно произойдёт и остановить его нельзя, потому что карамазовщина сына пошла наперекор карамазовщины отца, – преступление это должно совершиться в тот момент, когда он, Смердяков, просто устранится из сложившейся в доме ситуации. Ведь это *«передовое мясо»*, этот *«иезуит смердящий»* был тем стержнем, на котором держится хоть какое-то спокойствие в этой семейке. Ни Алёша, ни Иван не видят, вернее не хотят всерьёз воспринимать ту угрозу, которая нависла над их отцом. Впрочем, слова Ивана Карамазова:

«– Один гад съест другую гадину, обоим туда и дорога!»
(6, стр.183)

говорят о том, что Иван понимает что происходит, но пока не придаёт этому должного значения. Эту фразу Иван говорит Алексею до разговора с Павлом у калитки. То есть озвученное в разговоре у калитки Смердяковым предложение взаимно устраниться из сложившейся ситуации и тем подтолкнуть старшего брата к убийству отца, уже крутилось в голове Ивана, и Павел только помог ему полностью осознать эту мысль.

У Павла Смердякова есть выбор: или самому запустить механизм преступления, или терпеть это мучительное положение посредника в любовных делах и отца и старшего брата. И ждать. Ждать когда приступ падучей болезни, который с ним неминуемо случится, уже без его ведома, запустит этот механизм. Из этого, кстати, видно, что у Павла есть хоть какая-то оправдательная позиция, так как приступ болезни, рано или поздно, всё равно с ним случится, и он не волен в этом. У Ивана такой оправдательной позиции нет: он своей волей уезжает в Москву. Смердяков выбирает первый вариант, тем более, как он считает, если приоткрыть этот план Ивану Карамазову, то это, в дальнейшем, сулит немалые выгоды. При этом Ивану, как думает Смердяков, не надо всё подробно объяснять. Надо только попросить Ивана побыстрее уехать, и он всё поймёт. Это одинаковое, его и Ивана, пассивное участие в преступлении на сто процентов, по мнению Павла, обеспечит его, Смердякова, долей в наследстве.

Несколько слов о самоубийстве Смердякова

Когда Иван Карамазов идёт к Павлу для последнего, третьего разговора, то Иван считает, что убийцей старика-отца является его старший брат Дмитрий. (Ведь Катерина Ивановна показала ему письмо Дмитрия, где брат пишет о планах убийства Фёдора Павловича Карамазова). Поэтому в тот момент у Смердякова ещё есть шанс получить долю при разделе наследства, он ещё надеется, что Иван, наконец, поймёт его. Получит или не получит Смердяков что-то от наследства, целиком зависит от Ивана Карамазова, от того, сумеет или не сумеет Иван различить в стоящем перед ним слуге брата. Но Иван давно болен и мысли его только о себе. Та позиция,

которую занял во время разговора Иван и, главное, реакция на неё Смердякова, приводят к тому, что и третий брат, Иван Карамазов, воспринимает Павла как истинного убийцу. А значит и шансы получить хоть что-то от наследства старика для Смердякова свелись к нулю. Если вы прибавите сюда тяжёлую болезнь Смердякова, то поймёте, что у него просто нет никаких средств к существованию. Несмотря на все его старания, его просто обошли с наследством.

Давайте представим себе, как видит создавшуюся ситуацию сам Павел:

«Завтра на суде я должен отдать три тысячи рублей, переданных Катериной Ивановной, принять на себя вину за убийство и остаться ни с чем. О том, чтобы оставить деньги Катерины Ивановны себе, даже думать нечего. (Павел с самого детства считал себя благородным человеком, и поэтому ещё подростком отдал отцу найденные во дворе триста рублей. Он не оставляет у себя и полученные от Катерины Ивановны три тысячи рублей – перед смертью Павел полностью рассчитался по своим долгам). ...Денег со стороны Ивана не дождался и теперь точно не дождусь. А ведь Иван считает себя благородным человеком! Что он знает о благородстве!? Меня можно было поставить перед ними слугой, но я никогда не унижусь, чтобы напоминать, такому как Иван, что он мне денег должен. Нет, не понимает он этого! ...Ждать благодарности от Дмитрия не стоит, тем более, что Дмитрий, наверное, и не виноват. Ведь если дверь из дома в сад была действительно открыта, значит, кто-то посторонний был в саду. Сам я эту открытую дверь не видел, так как всю ночь пролежал, имитируя болезнь и дрожа от страха. Эх, об этой двери надо было раньше подумать, когда соглашался на предложение Катерины Ивановны! Но кто же тогда знал, что Дмитрий невиновен! Я тогда на показания этого вздорного старика, слуги Григория, не обратил внимания, потому что в виновности-невиновности Дмитрия эта дверь значения не имеет. О том, что кто-то мог прятаться ночью в саду, я тогда и не подумал. Для меня было ясно, что убийца Дмитрий. Зачем поддался на уговоры Катерины Ивановны?! Брата пожалел... Старшему брату хотел помочь... Ведь брат брату должен помогать... Ну а как ему не помочь, если про-

изошло всё из-за меня: не прикинулся бы больным, так и убийства, может, не было бы. Как только Дмитрия завтра отпустят, он свою Грушеньку в охапку, и поминай как звали. ...Рассчитывать на помощь младшего брата Алёши просто смешно. Вон Марья Кондратьевна говорит, что она его в компании с Колей Красоткиным и другими детьми видела. Всё ещё не наигрался. Ребёнок – он и есть ребёнок. А если ребёнок, то и играл бы просто с детьми, а то он к Дмитрию в тюрьму ходит и после этого по всему городу разносит, что я убийца. И теперь хоть иди на суд, хоть не иди – всё равно за убийцу считать будут. Да... ситуация... Как жить?.. Чем жить?.. Вот и помог брату!»

Так, или почти так, должен был думать Павел Смердяков.

Ситуация, в которой оказался Смердяков безвыходная. Но у Павла хватает ума и мужества признать, что последняя точка ставится им самим и этой последней точкой является тот обман, к которому он прибегает во время третьего разговора с Иваном. Прибегает потому, что не может простить Ивану высокомерного к себе отношения, не может простить Ивану, что тот вечно считал его глупцом. Павел прямо говорит:

«– всё равно меня как за мошку считали всю вашу жизнь, а не за человека.» (7, стр.355)

Эти горькие слова брата брату являются чистой правдой.

В последнем разговоре Павел продемонстрировал свой ум, победив Ивана Карамазова в словестной дуэли. Совсем не важно, под воздействием только ли своей болезни или сложного характера взял на себя вину за преступление Павел Смердяков, важно, что для него самого это был осознанный шаг. Поэтому в своей смерти он никого и не винит.

В романе есть удивительный рассказ старца Зосимы о публичном признании одного очень уважаемого человека в убийстве своей возлюбленной. Этот человек прилюдно сообщил о своём преступлении и предъявил драгоценности и письма убитой им женщины. Подобный поступок можно назвать моральным самоубийством, ведь в результате этого признания все – жена, дети, друзья и знакомые – должны были от него отвернуться. Я назвал этот рассказ

удивительным потому, что этого не происходит, так как этому человеку просто никто не верит. Он настолько хороший семьянин, благодетель и просто почтенный член общества, что никакие доказательства не могут поколебать веру в его невиновность. Создаётся впечатление, что этот человек рождён неподсудным. Но это не так. Это не тайна рождения, а значение человеческого мнения.

Я считаю, что одна из причин, по которой этот эпизод вставлен Достоевским в роман, в том, что в ситуации со Смердяковым всё с точностью до наоборот. Его всегда и везде звали «смердящим», но разве есть в этом вина Павла? Здесь опять не тайна рождения, а значение человеческого мнения. Павел виноват, но виноват так же, как и два других его брата – Дмитрий и Иван: на нём нет крови отца, но чем ближе суд, тем сильнее распространяется мнение, что именно он убийца. Первыми, кто распространяет это мнение, стоят его братья Дмитрий и Алексей. Но Дмитрий – подозреваемый, и поэтому основная вина в распространении этого мнения падает на Алёшу. Из-за этого мнения сложилась ситуация, при которой все окружающие не только не любят, но и презирают Павла. И это всеобщая нелюбовь и презрение толкает Смердякова в петлю. Помните, я приводил слова критика из предисловия к роману, что Смердяков «даже себя не любит и умирает потому, что в мире всё ему ненавистно.» Нет, всё не так просто: этот великий грешник умирает потому, что весь мир его ненавидит.

Алексей

Почти ничего не пишут о той роли, которую сыграл Алексей в этой трагедии. А ведь вина его очевидна. Обратимся к роману:

«Рассказывают, например, что однажды, в древнейшие времена христианства, один... послушник, не исполнив некоего послушания, возложенного на него старцем, ушёл от него из монастыря и пришёл в другую страну, из Сирии в Египет. Там после долгих и великих подвигов сподобился, наконец, претерпеть истязания и мучительную смерть за веру. Когда же церковь хоронила тело его, уже чтя его как святого, то вдруг при возгласе диакона: «Оглашенные изыдите», – гроб с лежащим в нём телом мученика со-

рвался с места и был извергнут из храма, и так до трёх раз. И наконец лишь узнали, что этот святой страстотерпец нарушил послушание и ушёл от своего старца, а потому без разрешения старца не мог быть и прощён, даже несмотря на свои великие подвиги.» (6, стр.50-51)

Как видно из текста произведения, Алёша знал и верил *«рассказу о вылетевшем из церкви гробе».* (6, стр.53)

Но вот какой разговор происходит в последний день земной жизни старца Зосимы с Алексеем:

« – Встань, милый, – продолжал старец Алёше, – дай посмотри на тебя. Был ли у своих и видел ли брата?»

Алёше странно показалось, что он спрашивает так твёрдо и точно об одном только из братьев, – но о котором же: значит, для этого-то брата, может быть, и отсылал его от себя и вчера и сегодня.

– Одного из братьев видел, – ответил Алёша.

– Я про того, вчерашнего, старшего, которому я до земли поклонился.

– Того я вчера лишь видел, а сегодня никак не мог найти, – сказал Алёша.

– Поспеши найти, завтра опять ступай и поспеши, всё оставь и поспеши. Может ещё успеешь что-либо ужасное предупредить. Я вчера великому будущему страданию его поклонился.» (6, стр.350)

Разве приведённые здесь слова старца не являются послушанием для Алексея? И куда же отправляется наш послушник? Оставляет всё и ищет брата Дмитрия? Нет, он соблазняется на предложение Ракитина и отправляется с ним к Грушеньке, и как говорит сам Алёша, шёл он туда злую душу найти – так влекло его к тому, потому что был подл и зол. По словам автора, так проявилась в Алёше знаменитая сила карамазовская.

Но другая сила в его душе всё же оказалась сильнее. Эта встреча с Грушенькой закончилась для Алёши не его падением, а искренней благодарностью Грушеньки за «луковку», которую он ей подал. Он сделал благое дело, как и тот послушник, что отправился из Сирии в Египет, чтобы претерпеть истязания и мучительную

смерть за веру. Но ведь послушание старца не было исполнено, Алёша не оставил всё и не поспешил найти брата Дмитрия, а знал, что искать его надо около отцовского дома. Если бы Алёша был в ту ночь в саду, то преступление не совершилось. Ощущение, что он делает что-то не так, появилось у Алёши с самого начала вечернего разговора с Ракитиным:

«... и вдруг мелькнул у него в уме образ брата Дмитрия, но только мелькнул, и хоть напомнил что-то, какое-то дело спешное, которое уже нельзя было ни на минуту откладывать, какой-то долг, обязанность страшную, но и это воспоминание не произвело никакого на него впечатления, не достигло сердца его, в тот же миг вылетело из памяти и забылось. Но долго потом вспоминал об этом Алёша.» (7, стр.21)

Так что в смерти отца виновны все четыре брата, но с точки зрения закона не виновен ни один из них, ни на одном из сыновей нет его крови.

И ещё об одном хочется сказать, когда разговор зашёл об Алёше Карамазове. Достоевский даёт следующую характеристику душевным качествам Алёши:

«Но людей он любил: он, казалось, всю жизнь жил, совершенно веря в людей, а между тем никто и никогда не считал его ни просячком, ни наивным человеком. Что-то было в нём, что говорило и внушало (да и всю жизнь потом), что он не хочет быть судьёй людям, что он не захочет взять на себя осуждения и ни за что не осудит» (6, стр.40)

Действительно, у Алёши добрые отношения со всеми героями романа: с отцом, с братьями Иваном и Дмитрием, с Ракитиным, с Лизой, с мальчиками. Его любит Грушенька и уважает Катерина Ивановна. Кажется, что Алёша со всех сторон хорош, но всё-таки одного человека он осудил. И этот человек – Павел Смердяков.

Глава 9

Смысловые доказательства невиновности Павла Смердякова

Перейдём к изложению смысловых доказательств невиновности Павла Смердякова в убийстве своего отца.

Ранее отмечалось, что великим грехом церковь называет именно самоубийство. Даже царубийство является большим грехом, но не является великим, потому что после царубийства ещё возможно раскаяние, а после самоубийства – нет. И великим грешником, житие которого в романе описывает Достоевский, является только Павел Смердяков. Но само слово «житие», выбранное автором для рабочего название цикла романов, используется в повседневной жизни для описания подвижнической жизни святых. Мы привыкли только к одному словосочетанию: «житие святого», «житие святых», и выбор именно этого слова для названия романов, конечно, не случаен. Оно, как бы, указывает на некоторую невинность тех, кто по ходу развития сюжетной линии произведения – «Подростка» или «Братьев Карамазовых» – примет на душу великий грех. И это является первым смысловым доказательством невиновности великого грешника – Павла Смердякова.

О втором доказательстве мы уже говорили. Это книга Исаака Сирина на столе у Смердякова, объясняющая молчание Павла на прямой вопрос Ивана о целях визита Катерины Ивановны.

Перейдём к третьему доказательству, которое вытекает из связи образов старца Зосимы и Павла Смердякова. Вам кажется странной подобная связь? Сейчас объясню в чём дело.

Выдающийся русский религиозный философ К.Н. Леонтьев отмечал, что в романе «Братья Карамазовы» весьма значительную роль играют православные монахи, и что Достоевский относится к ним с любовью и глубоким уважением. Но одновременно с этим Леонтьев пишет:

«От тела скончавшегося старца Зосимы для чего-то исходит тлетворный дух, и это смущает иноков, считавших его святым.» (10, стр.51)

Так для чего же Достоевскому нужен этот «тлетворный дух», который смущает не только иноков, но и критиков романа?

Вспомним, свидетелями каких проявлений прозорливости старца Зосимы мы стали:

– во-первых, это запрет унтер-офицерской вдове заказывать поминальную службу о пропавшем сыне. И этот сын, чудесным образом, на следующий день объявился сам;

– во-вторых, земной поклон Дмитрию Карамазову, – «великому будущему страданию его поклонился»;

– в-третьих, наказ Алёше срочно найти Митю, то есть быть в отцовском саду и тем самым предотвратить преступление.

Но вот великий старец скончался, и от его тела исходит тлетворный дух. Не только городские жители, но и часть монастырских иноков сразу засомневались в святости Зосимы. И всему виной дух, этот тлетворный дух! Описание того волнения, которое охватило монастырь выполнено Достоевским столь мастерски, что, читая роман, кажется, ощущаешь этот запах. Но разве разлагающееся тело старца это единственный источник неприятного запаха, который исходит со страниц романа. Разве Павел Смердяков со своим внешним видом, повадками, построением фраз, с постоянной характеристикой от отца, братьев, слуги Григория и всех-всех – «смердящий», – разве этот человек не является источником смердящего запаха? И запах этот ощущается почти во всех эпизодах, где речь заходит о Смердякове. Разве не в этом смердящем запахе одна из причин того, что мы так легко соглашаемся с виновностью Павла? А не похожи ли мы в этом на тех жителей городка или некоторых иноков, которые по внешним проявлениям, например, по запа-

ху, берутся делать выводы о важных вещах и явлениях? Но так же как тлетворный дух не должен помешать в будущем прославлению Зосимы в качестве святого, так же и смердящий дух не мешает снять обвинения в убийстве с Павла. И должно это было произойти через тринадцать лет в сюжете второго романа.

Тлетворный дух – не случайный эпизод романа. Об этом говорит и то, что со слов автора явление это повлияло

«сильнейшим и известным образом на душу и сердце главного, хотя и будущего героя рассказа моего, Алёши, составив в душе его как бы перелом и переворот, потрясший, но и укрепивший его разум уже окончательно, на всю жизнь и к известной цели.» (7, стр.6)

Тлетворный дух – это как пророчество главному герою второго романа Алексею Карамазову не судить о важных вещах по внешним признакам, но пророчество это будет понято им только во втором романе.

Так что тлетворный дух – ювелирная точность авторского замысла. Эта точность – третье смысловое доказательство невиновности Смердякова.

Обратимся к четвёртому смысловому доказательству.

Напомню вам следующий эпизод романа: Иван идёт к Смердякову для последнего третьего разговора.

«Ещё на полпути поднялся острый, сухой ветер, такой же, как был в этот день рано утром, и посыпал мелкий, густой, сухой снег. Он падал на землю не прилипая к ней, ветер крутил его, и вскоре поднялась совершенная метель. ...Несколько не доходя до домишки Марьи Кондратьевны, Иван Фёдорович вдруг повстречал одинокого пьяного, маленького роста мужичёнка, в заплатанном зипунишке, шагавшего зигзагами, ворчавшего и бранившегося. ...Иван Фёдорович давно чувствовал страшную к нему ненависть, об нём ещё совсем не думая, и вдруг его осмыслил. Тотчас ему неотразимо захотелось пришибить сверху кулаком мужичёнку. Как раз в это мгновение они поверстались рядом, и мужичёнку, сильно качнувшись, вдруг ударился изо всей силы об Ивана. Тот бешено оттолкнул его. Мужичёнку отлетел и шлёпнулся, как колода, об мёрзлую

землю, болезненно простонав только один раз: о-о! и замолк. Иван шагнул к нему. Тот лежал навзничь, совсем неподвижно, без чувств. «Замёрзнет!» - подумал Иван и зашагал опять к Смердякову.» (7, стр. 342-343)

А вот что произошло с Иваном после третьего разговора со Смердяковым.

«Метель всё ещё продолжалась. Первые шаги прошёл он бодро, но вдруг как бы стал шататься. ...В это мгновение он вдруг на что-то споткнулся и чуть не упал. Остановясь, он различил в ногах своих поверженного мужичёнку, всё так же лежащего на том же самом месте, без чувств и без движения. Метель уже засыпала ему почти всё лицо. Иван вдруг схватил его и потащил на себе. Увидав направо в домишке свет, подошёл, постучал в ставни и откликнувшегося мещанина, которому принадлежал домишко, попросил помочь ему дотащить мужика в частный дом, обещав тут же дать за то три рубля. ...Не стану в подробности описывать, как удалось тогда Ивану Фёдоровичу достигнуть цели и пристроить мужика в части, с тем чтобы сейчас же учинить и осмотр его доктором, причём он опять выдал щедрой рукой «на расходы». Скажу только, что дело взяло почти час времени.» (7, стр.357-358)

Эта история с «мужичёнкой» занимает очень важное место в композиции романа: между её началом и концом происходит третий, самый главный разговор Ивана со Смердяковым, она как бы окаймляет этот разговор. Красивое расположение в сюжете, согласитесь! До разговора – оставляет замерзать, после разговора – спасает. Но при чтении этой истории возникает интересный вопрос: а кого должен благодарить «мужичёнку» за своё чудесное спасение? Только ли Ивана? Ответ парадоксален: он должен благодарить, в первую очередь, Смердякова. Та игла, которую Павел вгонял в голову Ивана при последнем разговоре, не только сводила Ивана с ума, но и вправляла ему мозги. Иван спасал жизнь человека, а Смердяков в этот момент был уже в петле.

Посмотрим на эпиграф к роману «Братья Карамазовы»:

«Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно, павши в землю, не умрёт, то останется одно; а если умрёт, то принесёт много плода.» Евангелие от Иоанна. Глава XII. 24»

Смердяков и есть то «пшеничное зерно», которое, если «не умрёт, то останется одно, а если умрёт, то принесёт много плода». Смерть Павла даст новые всходы в душах его братьев. И первый в этом списке – Иван Карамазов, ведь обманывая Ивана в последнем, третьем разговоре и оговаривая себя, Смердяков принимал решение пойти на великий грех – загубить свою душу. Но этот обман даёт в душе Ивана Карамазова удивительный росток – Иван спасает человека. Спасает человека незнакомого, но к которому совсем ещё недавно «чувствовал страшную ... ненависть». Этот удивительный росток, который появился в душе Ивана Фёдоровича, – одно из самых главных событий первого, написанного романа. Почему я так считаю, мы поговорим ниже, когда будем обсуждать идею всего произведения. Пока же отмечу, что эпизод с пьяным мужиком, связывающий образ Смердякова с пшеничным зерном из эпиграфа романа, является четвёртым смысловым доказательством его невиновности.

Смысловые доказательства на этом не кончаются, и ещё два будут со временем приведены. А сейчас перейдём к разговору об идее произведения.

Глава 10

**«...ЭГОИЗМ даже до злодейства
не только должен быть дозволен
человеку, но даже признан
необходимым...»***

Прежде чем говорить об основной идее произведения, отмечу: во всех, без исключения, работах, посвящённых «Братьям Карамазовым» – от школьных сочинений до серьёзных монографий – вы прочитаете: истинным убийцей старика-отца является Иван Карамазов с его идеей: «Если Бога нет, то всё позволено». Вокруг этой фразы и строятся все поиски идеи романа. Не спорю, поиск идеи и в этом направлении – вещь полезная, но не забывайте, что сам Фёдор Михайлович говорил, что у него в одном произведении несколько тем и, на мой взгляд, эта тема не главная. Вернее, она важна для первого, написанного романа, но не является главной для всего произведения в целом.

Давайте поподробнее поговорим о теме «Если Бога нет, то всё позволено». Считается, что именно эти слова Ивана Карамазова были для Смердякова оправданием убийства отца.

Задумаемся, возможно ли подобными высказываниями настроить далеко не глупого человека на убийство? Поставьте себя на место Смердякова и решите, смогли бы вы пойти на убийство в результате чьих-то подобных высказываний? А почему вы считаете, что Павел бы смог? Положительный ответ на последний вопрос будет дан только в том случае, если считать, что Смердяков «нравственный урод», «одна из самых омерзительных фигур в ряду созданных жестоким талантом Достоевского», что он «ограничен» и «необра-

* 6, стр.100.

зован». Все эти слова я беру из характеристики Смердякова, данной критиком в предисловии к роману. Эта характеристика приводилась выше. Но почему только Смердяков «нравственный урод»? Разве его желание смерти отца сильно отличается от аналогичных желаний двух других братьев – Дмитрия или Ивана? Почему критику нужно, чтобы Павел как можно больше походил на слабоумного идиота, как называет его в своей речи прокурор? Потому что это самое простое объяснение, что высказывания Ивана о вседозволенности подтолкнули Смердякова к убийству отца. Получается, что Иван, с его острым умом, не видит, что разговаривает и выстраивает свои теории перед слабоумным идиотом. Согласитесь, в это трудно поверить. Поэтому простое – не значит верное. Да, при чтении третьего разговора Ивана и Павла создаётся впечатление, что именно фраза о вседозволенности передаёт основную идею романа. Но это первое, внешнее впечатление. Именно внешнее, потому что строится лишь на словах героев, а не на мотивах их поведения. Чтобы убедиться в этом, достаточно задать простой вопрос: разве Павел настолько глуп? Разве сам ход разговора с Иваном, те глубоко продуманные доводы, подтверждающие его «виновность» в убийстве отца, и то, как Павел подталкивал следователей к принятию выгодных для него решений, не говорят о его уме? Ответ на поставленные вопросы только один: мнение об ограниченности и глупости Павла и есть тот стереотип, который навязывается читателям, и который мешает разобраться в истинных взаимоотношениях героев романа. Здесь вы можете возразить мне, сказав, что этот стереотип навязывается самим автором. Это всё верно, но не надо забывать, что «Братья Карамазовы» – это незаконченное произведение и там, где читатель думает, что действие заканчивается, там, по меркам Достоевского, только середина детективного сюжета, и ждать искренности от рассказчика в середине детективного сюжета не стоит.

Обращаю ваше внимание, что в сюжетной линии «Братьев Карамазовых» есть одна неувязка – мысль о том, что если Бога нет, то всё дозволено, высказывается Иваном Карамазовым в келье у старца Зосимы. Вернее, разговор об этом заводит родственник Карамазовых Миусов, сообщая о высказываниях Ивана в

«одном здешнем, по преимуществу дамском, обществе».
(6, стр.99)

Но Смердякова нет ни в келье у старца, ни в *«здесь, по преимуществу дамском, обществе»*. Странно как-то получается: Иван учит Смердякова тому, что Павел, по выстроенной сюжетной линии романа, не слышит. Достоевский не приводит нам разговор Павла и Ивана, в котором речь бы шла о вседозволенности, и если эта мысль является основной мыслью произведения, то почему Фёдор Михайлович не включил её, например, в разговор за обедом в семье Карамазовых, где Смердяков мог её услышать? Почему о том, что Иван действительно учил этому Смердякова, мы узнаём только из двух коротких фраз, сказанных в третьем разговоре Ивана и Павла? Где же та ювелирная точность романа, когда речь идет об основной идее? Ответ в том, что данная тема не является для Достоевского главной, и во время третьего разговора Ивана Карамазова со Смердяковым, Павел именно этими двумя короткими фразами загоняет в голову брата мысль-иглу, что он, Иван, является главным виновником преступления, чем и сводит его с ума. И загнать эту мысль было проще простого: Иван Карамазов был готов к этой мысли, он понимал, что если убийца Смердяков, то убийцей является и он, так как ещё до убийства понял намёки Павла, но это его не остановило, и он уехал в Москву. Предчувствовал преступление, но всё-таки уехал. Поэтому к моменту третьего разговора со Смердяковым психика Ивана уже была нездорова. Не случайно во время этого разговора Смердяков несколько раз обращает внимание на крайне болезненное состояние Ивана Карамазова. Павел, пользуясь этим болезненным состоянием брата, зло мстит ему, проявляя жестокость характера. Ему надо лишь подтолкнуть качающегося. Что он и делает.

Хочу отметить, что не только фраза о вседозволенности важна для понимания идеи первого романа, но и разговор за обедом в доме Фёдора Павловича Карамазова. Речь там заходит о пленнике, не пожелавшем отречься от Христа. Я не буду приводить этот разговор, так как он довольно большой, но напомним, что Смердяков там рассуждает о том моменте, когда в человеке происходит отречение

от веры. Очень скоро оба брата, Иван и Павел, поймут: чтобы совершить преступление не обязательно самому убивать или давать словами согласие на подобное действие. Достаточно только МЫСЛЕННО с убийством согласиться. И вот это мысленное согласие с убийством, причём убийством ближнего, и есть акт отказа от веры. Так что всё происходит как раз по Смердякову: именно эту мысль о мысленном отказе от Христа проводит Павел в своём рассуждении о пленнике. И Иван слышит эти рассуждения. Получается, что по существующей сюжетной линии романа, именно Павел учит Ивана, а не наоборот. Во всяком случае, определённо можно сказать, что Павел человек не глупый и в поучениях брата Ивана не нуждался.

Тема вседозволенности, безусловно, важна для понимания романа. Но разбирая эту тему, надо понимать, что эту идею нельзя вложить в голову того, у кого в душе есть Бог. Попробуйте, например, научить вседозволенности слугу Григория, который просто заплакал, слушая доводы Смердякова, почему пленному солдату следовало отказаться от Христа. Но Фёдор Михайлович понял большее: если в душе Бога нет, то и учить вседозволенности не надо. Эта идея, в той или иной степени, живет в голове каждого, в чьей душе не нашлось места Богу. Именно это хотел показать Достоевский в «Братьях Карамазовых». О том, как он собирался это показать во втором романе, мы поговорим ниже.

Подтверждение тому, что тема «Если Бога нет, то всё позволено» не является главной идеей произведения, есть в тексте самого романа. Чтобы убедиться в этом, давайте посмотрим, какую оценку словам Ивана о вседозволенности даёт человек, которого Достоевский оставил в келье старца Зосимы, чтобы он услышал слова Ивана, и который является организатором убийства Фёдора Павловича Карамазова – Михаил Ракитин. Вот что говорит Ракитин Алёше по дороге из скита в монастырь, сразу после беседы у старца:

«- А слышал давеча его глупую теорию: «Нет бессмертия души, так нет и добродетели, значит всё позволено». ...Соблазнительная теория подлецам... Я ругаюсь, это глупо... не подлецам, а школьным фанфаронам с «неразрешимой глубиной мыслей». ...Вся его теория – подлость! Человечество само в себе силу найдёт,

чтобы жить для добродетели, даже и не веря в бессмертие души! В любви к свободе, к равенству, братству найдёт...

Ракитин разгорячился, почти не мог сдержаться себя.»
(6, стр.114-115)

Ракитин выражается об идее Ивана, как идее соблазнительной только подлецам. Подумайте, если подобную оценку даёт такой персонаж, как Ракитин, то зачем Достоевскому вообще писать этот роман? Зачем просиживать ночами, обдумывая сюжет и реплики героев, если всем, даже таким как Ракитин, ясно, что только подлецы могут быть носителями этой идеи? Что нового автор хочет сказать читателю? Что предсказать? От чего уберечь? Когда я читаю это высказывание Михаила то вижу, что сам Фёдор Михайлович считал, что рассмотрение этой идеи соблазнительно только «школьным фанфаронам с «неразрешимой глубиной мыслей». Поэтому считать эту тему главной можно только в школьных сочинениях.

Но для чего же автор вводит эту тему в роман?

Чтобы узнать ответ на этот вопрос, надо совсем немного: во-первых, принять предложенный вывод, что одним из убийц является Ракитин, и, во-вторых, внимательно перечитать приведённые выше слова Михаила к Алёше.

Посмотрите, как разгорячился Ракитин! Насколько ему омерзительна и чужда эта идея Ивана! Для себя он выбрал другую идею: идею либеральную, идею прогрессивную: «Человечество само в себе силу найдёт, чтобы жить для добродетели, даже и не веря в бессмертие души! В любви к свободе, к равенству, братству найдёт...» Но... пройдёт совсем немного времени и любовь «к свободе, к равенству, братству» не помешает ему оказаться организатором преступления. Обратите внимание, как трансформируются мысли Михаила по ходу романа: приводимый ниже отрывок является пересказом Дмитрия Карамазова своего разговора с Ракитиным::

«— «Только как же, спрашиваю, после того человек-то? Без бога-то и без будущей жизни? Ведь это, стало быть, теперь всё позволено, всё можно делать?» — «А ты и не знал?» — говорит. Смеётся. «Умному, говорит, человеку всё можно, умный человек умеет

раков ловить, ну а вот ты, говорит, убил и влопался и в тюрьме гниёшь!» (7, стр.305-306)

Вот так! Оказывается, от мысли, что вседозволенность «соблазнительная теория подлецам» до мысли «умному человеку всё можно» только один шаг. И Ракитин легко делает этот шаг. Поэтому не для обличения Смердякова вводит Достоевский в роман тему вседозволенности: мысль автора гораздо глубже и интересней - раскрыть перед читателем, что идея «Человечество само в себе силу найдёт, чтобы жить для добродетели, даже и не веря в бессмертие души» тождественна идее «Если бога нет, то всё позволено». Для Достоевского это было очевидно. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть, что пишет Фёдор Михайлович в письме Ивановой-Хмыриной о тех тягостных впечатлениях, которые он вынес от посещения Конгресса мира. Этот Конгресс проходил в начале сентября 1867 года в Женеве, где в это время жил Достоевский:

«Начали с того, что для достижения мира на земле нужно истребить христианскую веру, большие государства уничтожить и поделатъ маленькие; все капиталы прочь, чтобы всё было общее по приказу и проч. Всё это без малейшего доказательства, всё это заучено ещё двадцать лет тому назад наизусть, да так и осталось. И главное – огонь и меч – и после того как всё истребится, то тогда, по их мнению, и будет мир.» (9, стр.189)

Вот от чего собирался уберечь Достоевский своим романом.

Говоря о жизненных позициях Ракитина, интересно вспомнить злую «шутку» Смердякова с булавкой в куске хлеба для голодной собаки. Негативное восприятие образа Смердякова достигает максимума, когда оказывается, что этой жестокой забаве он учил ребёнка – Илюшу Снегирёва. Сам Илюша глубоко страдает от душевной травмы, которую ему нанёс Павел, и это усугубляет физическую болезнь мальчика. Но Смердяков не единственный, кто в романе калечит душу ребёнка. Посмотрите, чему учил Ракитин другого мальчика – Колю Красоткина. Разговор идёт между Красоткиным и Алёшей Карамазовым:

«— Помилуйте, вы хотите послушания и мистицизма. Согласитесь в том, что, например, христианская вера послужила лишь богатым и знатным, чтобы держать в рабстве низший класс. Не правда ли?»

— Ах, я знаю, где вы это прочли, и вас непременно кто-нибудь научил! — воскликнул Алёша.

— Помилуйте, зачем же непременно прочёл? И никто ровно не научил. Я и сам могу... И если хотите, я не против Христа. Это была вполне гуманная личность, и живи он в наше время, он бы прямо примкнул к революционерам и, может быть, играл бы видную роль... Это даже непременно.

— Ну где, ну где вы этого нахватались! С каким это дураком вы связались? — воскликнул Алёша.

— Помилуйте, правды не скроешь. Я, конечно, по одному случаю часто говорю с господином Ракитиным...» (7, стр.265)

Вот и получается, что эти два героя одинаково разлагают души детей. Но действия одного — это прямой садизм, который вызывает протест у ребёнка, а слова второго вызывают восторг у маленького собеседника. И из-за этого восторга слова Ракитина, по мнению Достоевского, не менее страшны, чем «шутка» Смердякова. Отмечу ещё одну ювелирную точность писателя: Михаил и Павел задумали обратить убийство старика Карамазова себе на пользу, и именно эти два героя по ходу романа отрицательно влияют на мальчиков. Но действия одного видны читателю, в то время как действия другого не вызывают такого же протеста. Так же и планируемые ими преступления: одно на виду в первом романе, другое — скрыто.

Глава 11

Основная тема всего произведения. Великий инквизитор

Ещё раз повторюсь: тема «Если Бога нет, то всё позволено» важна для понимания первого, написанного романа. Эту мысль настойчиво проводит автор в третьем разговоре Ивана и Павла, но эта тема, на мой взгляд, всё же не является главной. В чём же главная идея произведения? Для начала поищем общую тему для «Братьев Карамазовых» и для «Подростка». Эта тема легко находится: любовь к отдельно взятому человеку и ко всему человечеству.

Обратимся к роману «Подросток». Приведу слова Версилова, обращённые к Аркадию Долгорукому:

«— Друг мой, любить людей так, как они есть невозможно. И однако же должно. И потому делай им добро, скрепя свои чувства, зажимая нос и закрывая глаза (последнее необходимо)...»
(5, стр.176)

И несколько далее:

«— По моему, человек создан с физической невозможностью любить своего ближнего. Тут какая-то ошибка в словах с самого начала, и «любовь к человечеству», которое ты же сам и создал в душе своей (другими словами, себя самого создал и к себе самому любовь) и которого, никогда и не будет на самом деле.» (5, стр.176)

Эта тема только обозначена в «Подростке», но не подтверждена действием. Но, как мы помним, Достоевский жалуется в письме жене, что в «Подростке» его «мучает неуспех работы», и поэтому логично предположить, что тема, не нашедшая достаточного воплощения в первом романе из цикла «Житие великого грешника», будет раскрыта во втором романе этого цикла.

Сравните высказывание Версилова со словами, сказанными Иваном Карамазовым брату Алёше за разговором в трактире:

«– Я тебе должен сделать одно признание, – начал Иван: – я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних. Именно ближних-то, по-моему, и невозможно любить, а разве лишь дальних. Я читал вот как-то и где-то про «Иоанна Милостивого» (одного святого), что он, когда к нему пришёл голодный и обмёрзший прохожий и попросил согреть его, лёг с ним вместе в постель, обнял его и начал дышать ему в гноящийся и зловонный от какой-то ужасной болезни рот его. Я убеждён, что он это сделал с надрывом лжи, из-за заказанной долгом любви, из-за натащенной на себя эпитимии. Чтобы полюбить человека, надо, чтобы тот спрятался, а чуть лишь покажет лицо свое – пропала любовь.» (6, стр.294)

Высказывание Ивана точь-в-точь повторяет высказывание Версилова. Так что тема любви к человеку и всему человечеству, по-видимому, и есть та тема, которая была загублена в «Подростке».

Отступим немного от «Братьев Карамазовых» и «Подростка» и обратимся к более раннему произведению Достоевского – к роману «Идиот». Один из наиболее важных элементов романа – письма Настасьи Филипповны к Аглае. Посмотрите, что мы в них читаем:

«Можно ли любить всех, всех людей, всех своих ближних, – я часто задавала себе этот вопрос? Конечно, нет, и даже неестественно. В отвлечённой любви к человечеству любишь почти всегда одного себя» (3, стр.474)

Эти письма – очень сложное место в «Идиоте». Оно сложное из-за отношений между Настасьей Филипповной и Аглаей, вернее из-за того, что отношений между ними нет и быть не может. Потому автор должен был тщательно подбирать мысли и фразы, работая над текстом. Возможно, что в момент написания Достоевским этих писем и началось обдумывание цикла романов под общим названием «Житие великого грешника» с идеей, которая изложена в письме Настасьи Филипповны.

Важно отметить, что в письме Ап.Н. Майкову от 25 марта 1870 года по поводу идеи «Жития великого грешника» Достоевский писал:

«Главный вопрос... – тот самый, которым я мучился сознательно и бессознательно всю мою жизнь – существование божие.» (9, стр.465)

Буквально с первых же станиц романа «Братья Карамазовы» Фёдор Михайлович возвращается именно к этой идее: значительная часть главы «МалOVERная дама» – а это одна из первых глав романа – посвящена этой теме. В этой же главе, словами старца Зосимы, Достоевский сразу даёт ответ на тот сложный вопрос, который поставлен в письме к Ап.Н. Майкову:

«– Постарайтесь любить ваших ближних деятельно и неустанно. По мере того как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии бога, и в бессмертии души вашей. Если же дойдёте до полного самоотвержения в любви к ближнему, тогда уж несомненно уверуете, и никакое сомнение даже и не возможно зайти в вашу душу. Это испытано, это точно.» (6, стр.83-84)

Забегая несколько вперёд, скажу, что именно эти слова старца Зосимы передают основную идею произведения.

Интересно, что в «Братьях Карамазовых» тему любви к человеку и ко всему человечеству Достоевский раскрывает, подчас, очень неожиданно: с элементами юмора и скрытой усмешки. Например, после того как Миусов извинился перед игуменом монастыря за поведение Фёдора Павловича Карамазова в келье у старца, автор даёт следующий комментарий:

«Произнося последние слова своей тирады, он остался собой совершенно доволен, до того, что и следов недавнего раздражения не осталось в душе его. Он вполне и искренно любил опять человечество.» (6, стр.119)

Блестящая психологическая зарисовка Достоевского и блестящее подтверждение, что «в отвлечённой любви к человечеству любишь почти всегда одного себя»!

Продолжение темы любви к ближнему мы находим и в предсмертной беседе старца Зосимы со своими учениками:

«— ...Без слуг невозможно в миру, но так сделай, чтобы был у тебя твой слуга свободнее духом, чем если бы был не слугой. И почему я не могу быть слугою слуге моему и так, чтобы он даже видел это, и уж без всякой гордости с моей стороны, а с его неверия? Почему не быть слуге моему как бы мне родным, так что приму его, наконец, в семью свою и возрадуюсь сему?» (6, стр.388)

Важно, что при этом разговоре присутствуют только монахи и послушник Алёша, которого старец отправляет в мир. Но у монахов нет слуг, значит, все эти слова обращены к Алёше. Алёша слышит эти слова, но не воспринимает, для него понятие «слуга», это как «всё человечество». За этим словом он не видит конкретного слуги, не видит Павла. А ведь Павел не просто слуга, которого следовало бы принять в семью свою как родного и возрадоваться этому, а брат! Алёша, безусловно, согласен со словами старца, но пока что у него выходит как у брата Ивана: *«Чтобы полюбить человека, надо, чтобы тот спрятался, а чуть лишь покажет лицо своё — пропала любовь.»*

Напомню один характерный отрывок из разговора Ивана и Алексея в трактире. Иван рассказывает о том, как помещик затравил псами ребёнка за то, что тот камнем перебил лапу его любимой собаке.

«— Затравил в глазах матери, и псы растерзали ребёнка в клочки!.. Генерала, кажется, в опеку взяли. Ну... что же его? Расстрелять? Для удовлетворения нравственного чувства расстрелять? Говори, Алёшка!

— Расстрелять! — Тихо проговорил Алёша...» (6, стр.302)

Именно из-за этой мысли, которая всё же, как оказалось, живёт в голове послушника, прозорливый старец и отправляет его в мир — рано ещё ему в монастырь. Отправляет в мир, чтобы Алексей понял значение любви к отдельному человеку. И пример такой любви даёт сам старец в рассказе о своём первом земном поклоне. Достоевский мог придумать огромное количество историй, с ко-

торых должна была бы начаться монашеская жизнь старца Зосимы, но он выбрал именно поклон слуге. И это, конечно, не случайно. Поклон слуге – тоже своеобразное пророчество главному герою второго романа – Алёше Карамазову: Алёша должен был ввести в свой дом не просто слугу, а брата, но на страницах первого, написанного романа, этого не происходит. Поэтому поклон старца Зосимы именно слуге – пятое смысловое доказательство невиновности Павла Смердякова.

Теперь, когда мы немного разобрались с главными героями и сделали пока только предположение об основной идее всего произведения, самое время сказать о том, без чего любой разговор о «Братьях Карамазовых» является неполным – о великом инквизиторе.

В поэме «Великий инквизитор», рассказанной Иваном брату Алёше в трактире «Столичный город» говорится о том, как в средневековой Севилье во времена инквизиции вдруг появляется Христос. Люди узнают Его не только по внешнему виду, но и по чудесам Его: Он опять исцеляет больных, воскрешает мёртвых. Его окружает толпа, но толпа расступается, когда на площадь выходит великий инквизитор. Это старик, который, по его же словам, всю жизнь положил на службу людям. Ради людского блага вчера, по его приказу, была сожжена почти сотня еретиков. Старик сразу понимает Кто перед ним, но отдаёт приказ страже Его схватить и заточить в темницу. Ночью инквизитор сам приходит в камеру к Пленнику, и начинается разговор. Вернее, говорит только один инквизитор, Пленник во время разговора всё время молчит.

Смысл этой речи лучше всего раскрыт самим писателем во вступительном слове, сказанном на литературном утре в пользу студентов С.-Петербургского Университета 30 декабря 1879 года:

«Смысл тот, что если исказить Христову веру, соединив её с целями мира сего, то разом утратится и весь смысл христианства, ум несомненно должен впасть в безверие, вместо великого Христова идеала созиждется лишь новая Вавилонская башня. Высокий взгляд христианства на человечество понижается до

взгляда как бы на звериное стадо, и под видом социальной любви к человечеству является не замаскированное презрение к нему.» (10, стр.13)

Сказать, что эта речь – хула на то учение, которое оставил Христос во время своего первого посещения, это не всё сказать. Речь инквизитора сложная и противоречивая, поэтому не всегда понятно, когда автор согласен с инквизитором, а когда нет. Поразительна концовка поэмы: по окончании монолога инквизитора, Христос молча целует инквизитора, и тот отпускает Пленника. Вот об этой поэме мы сейчас и поговорим.

В первую очередь надо сказать, что поэма привлекла внимание выдающихся мыслителей. Привлекла философской глубиной, которая скрыта в монологе инквизитора. О ней писали В.В. Розанов, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Ф. Франк. Но они все философы и поэтому через слова инквизитора пытались выразить свои мысли, а не мысли автора романа. Эти мысли, безусловно, интересные (смотри 10), но в данном исследовании мы говорим о конкретном романе – о «Братьях Карамазовых», и нам важно понять эту поэму с точки зрения самого Фёдора Михайловича. Почему она вошла именно в этот роман, а не была издана, например, как отдельное произведение? А такой вопрос тоже задавался. Так В.В. Розанов писал что:

«связь её с фабулой романа так слаба, что её можно рассматривать как отдельное произведение». (10, стр.75)

Но сначала одна цитата из книги Н.А. Бердяева «Новое религиозное сознание и общественность». Цитата, подтверждающая, что позиции философов и Ф.М. Достоевского в вопросе о великом инквизиторе могут, мягко говоря, не совпадать:

«Официальные служители церкви, современные книжники и фарисеи, чёрные первосвященники, благословляющие преступления этого мира, если они совершаются власть имущими, бюрократические клерикалы, вроде Победоносцева, все эти маленькие инквизиторы, – агенты Великого Инквизитора, отвратились в сердце своём от Христа и совершают надругательство над Духом.» (10, стр.238)

Интересная вещь получается: Бердяев называет Константина Петровича Победоносцева «маленьким инквизитором», хотя известно, что Достоевский и Победоносцев испытывали друг к другу огромное уважение. В одном из писем к Победоносцеву Фёдор Михайлович, например, пишет:

«...очень бы желал Вашего мнения, ибо ценю и уважаю Ваше мнение очень». (11, стр. 481)

Так что же выходит – Достоевский ценил и уважал мнение «маленького инквизитора»? Нет, просто за одними и теми же словами поэмы автор и философ видели разное.

Есть и ещё один вопрос, на который хотелось бы обратить ваше внимание: Розанов считает, что в поэме о великом инквизиторе Достоевский говорит о споре двух ветвей христианства – католичества и православия. Это не верно, и ниже скажу об этом.

Давайте вернёмся к самой поэме и взглянем на неё с точки зрения темы нашего исследования.

Прежде всего, зададим себе вопрос: а в чём была вина той сотни еретиков, которые сгорели за день до этого на площади в Севилье?

Ответ прост. И этот ответ выражен в словах, которые говорил Аркадию Долгорукому Версилов в «Подростке» и Иван Карамазов своему брату Алёше в «Братьях Карамазовых». Повторю часть слов Ивана:

«...я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних. Именно ближних-то, по-моему, и невозможно любить, а разве лишь дальних. ...Чтобы полюбить человека, надо, чтобы он спрятался, а чуть лишь покажет лицо своё – пропала любовь.»

Вина тех несчастных, которые сгорели за день до этого, только в том, что старик инквизитор заглянул им в лицо. Это Иван Карамазов, если бы жил в то время в Севилье, заглянув в лица этих людей, сам бы спрятался или убежал. Спрятался сам, потому что людей, которых подвела бы к нему стража, очень много, почти сотня, и спрятать каждого просто негде. А вот великий инквизитор спрятаться и убежать не может. Он власть. И власть сильная. А сильная

власть от лица человека не прячется. Просто, если личность, наделённая такой сильной властью, имеет убеждения Ивана Карамазова, то горе тому, кто перед этой личностью предстал, и кому эта власть заглянула в лицо. Горе тому, кто оказался ближним перед лицом этой власти. Горе ближнему! Поэтому Великий Инквизитор – это тот же Иван Карамазов, но наделённый властью. Великий инквизитор знает простой и надёжный способ спрятать от себя человека – отправить его на костёр.

Я уже говорил, что считаю ошибочным видеть в поэме спор между православной и католической церковью. Подтверждением этого является образ монаха Ферапонта в романе. Константин Леонтьев, о котором упоминалось выше, удивляется, что

«отшельник и строгий постник, Ферапонт, мало до людей касающийся, почему-то изображён неблагоприятно и насмешливо».
(10, стр. 51)

Да он потому и мало до людей касается, что не любит заглядывать людям в лицо! А вот старец Зосима любит. И эта любовь проходит через весь роман. А монах Ферапонт – это тот же великий инквизитор, но без власти. Будь у Ферапонта власть и первым, кто сгорел бы на костре, был старец Зосима. Поэтому вопрос не в споре между католичеством и православием. Вопрос шире.

Далее по ходу поэмы, старик приходит в камеру к Пленнику для разговора. Оставим монолог инквизитора на рассмотрение философов, потому что к идее романа он не имеет отношения. Речь инквизитора – это хула на идеалы Христа, и искать идею романа (а роман глубоко религиозен) в подобной хуле – занятие бесполезное. Но важно отметить вот что: уста человека, несущего подобную хулу часто, в переносном смысле, называют смердящими устами. Обращаю ваше внимание на одну очень важную деталь: в тексте поэмы Достоевский пишет, что

«была сожжена кардиналом великим инквизитором разом чуть не целая сотня еретиков ad majorem gloriam Dei» (к вящей славе господней (лат.)) (6, стр. 309)

Удивительно, но именно так звучит и девиз Ордена иезуитов: «Ad maiorem Dei gloriam». Получается, что старик инквизитор принадлежит к Ордену иезуитов. И за ту хулу и смрад, которые он говорит Христу, его следовало бы назвать иезуит смердящий. Но именно так – «*иезуит смердящий*» (6, стр.170) – называет Смердякова Фёдор Павлович Карамазов. Думаю, не стоит объяснять, что это не случайность, а ювелирная точность автора и эта точность говорит, что мы на верном пути в поисках основной идеи произведения. Чтобы ещё больше приблизиться к этой идее, продолжу цитирование Ивана Карамазова в разговоре с Алёшей:

« – Я читал вот как-то и где-то про «Иоанна Милостивого» (одного святого), что он, когда к нему пришёл голодный и обмёрзший прохожий и попросил согреть его, лёг с ним вместе в постель, обнял его и начал дышать ему в гноящийся и зловонный от какой-то ужасной болезни рот его.»

Давайте вспомним, как отвечает Христос на хулу, которая идёт из смердящих уст инквизитора: Христос молча целует старика. (Обратите внимание, опять молчание! Вспомните молчание Смердякова о тайне визита Катерины Ивановны и причинах самоубийства. Вспомните фразу из книги Исаака Сирина, что слова суть орудия этого мира, а молчание – золото другого, небесного мира.)

Что же мы имеем:

– обмёрзший и голодный путник, с его гноящимся и зловонным ртом, был обогрет дыханием Иоанна Милостивого;

– на хулящих устах великого инквизитора – этого иезуита – остался поцелуй, и он отпускает Пленника;

– а что же наш «*иезуит смердящий*»? Логика, выстроенная Достоевским, подсказывает, что должен быть кто-то, кто утешит и поддержит смердящего Павла (Смердякова). Но среди героев романа нет Иоанна Милостивого, нет Христа, ещё до убийства старика Карамазова умирает старец Зосима. Но кто-то ведь должен поддержать Павла Смердякова! Такого человека среди героев первого романа не нашлось. И Павел в петле: никто его не обогрел, никто не поцеловал.

Глубинная логика произведения нарушена, нарушена самим Фёдором Михайловичем, а значит, нарушена специально. И задача второго, так и ненаписанного романа, была в восстановлении этой логики. О том, как она будет восстановлена во втором романе, мы поговорим ниже. Эта нарушенная логика является шестым и главным смысловым доказательством невиновности Смердякова.

Оторванные друг от друга поэма и роман трудны для понимания, и я считаю поэму о «Великом инквизиторе» тем ключом, который открывает идею всего произведения. Не зря Фёдор Михайлович так гордился этой поэмой.

Сформулированная через поэму о «Великом инквизиторе» идея всего произведения – это тот ответ, который даёт Христос своим поцелуем инквизитора: любовь ко всему человечеству начинается с ЛЮБВИ К БЛИЖНЕМУ.

Помните, я обратил ваше внимание на историю с «*мужичёнкой*» и обещал вернуться к ней, когда мы будем говорить об основной идее произведения? Чем же замечательна эта история с точки зрения основной идеи – любви к ближнему? Чтобы разобраться в этом, откроем Евангелие от Луки и прочитаем:

«И вот, один законник встал и, искушая Его, сказал: Учитель! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Он же сказал ему: в законе что написано? как читаешь? Он сказал в ответ: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего как самого себя. Иисус сказал ему: правильно ты отвечал; так поступай и будешь жить. Но он, желая оправдать себя, сказал Иисусу: а кто мой ближний? На что сказал Иисус: некоторый человек шёл из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шёл тою дорогой и, увидев его, прошёл мимо. Так же и левит, быв на том месте, подошёл, посмотрел и прошёл мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился и, подойдя, перевязал ему раны, возливая масло и вино; посадил его на своего осла, привёз его в гостиницу и

позаботился о нём; а на другой день, отъезжая, вынул два динария, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нём; и если издержишь чего более, я, когда возвращусь, отдам тебе. Кто из этих троих, думаешь ты. Был ближним попавшемуся разбойникам? Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же.» (Лк, 10.25-10.37)

Узнаёте? Правильно! В истории с «*мужичёнкой*» у Достоевского спрятана приведённая выше новозаветная притча о ближнем. У Ивана нет осла, и он «*вдруг схватил ... и потащил на себе*» замерзающего мужика. Иван «*попросил помочь ему дотащить мужика в частный дом, обещав тут же дать за то три рубля*». Далее он устраивает «*осмотр его доктором, причём он опять выдал щедрой рукой «на расходы»*». И такое полное сходство с новозаветным текстом, конечно, не случайность, а ювелирная точность Фёдора Михайловича. Поэтому тот росток, который пробился в душе Ивана после третьего разговора со Смердяковым – любовь к ближнему. Это событие я называл одним из самых главных событий первого романа потому, что в душе Ивана Карамазова этот росток появился уже в первом, написанном романе. О том, как смерть Павла Смердякова отразится в душах двух других братьев – Алексея и Дмитрия, мы должны были узнать из второго, так и не написанного романа.

Глава 12

Заглянем во второй роман

В результате проведённых исследований мы уже разгадали тайну денег Дмитрия Карамазова, которые были у него в ночь убийства, знаем о невинности Смердякова в смерти своего отца и о причинах самоубийства этого героя, знаем кто убийца и, что особенно важно, знаем о разрушенной автором логике первого романа. Поэтому давайте воспользуемся этими знаниями, чтобы найти те места, где погибшее *«...пшеничное зерно ...принесёт много плода»*.

Одно из таких мест легко находится – это душа Дмитрия Карамазова. Когда Дмитрий получит сообщение, что истинный убийца сознался в преступлении, ему станет очевидна невинность Смердякова, а приехав в родной город и встретившись с Катериной Ивановной, узнает о сделке, по которой Павел должен был взять на себя вину за смерть отца. Дмитрий никогда не узнает всех причин, по которым Павел собирался помочь ему, но сам факт, что такие намерения были, заставит Дмитрия хорошенько задуматься и многое вспомнить. А вспомнить ему есть что: и то, как запугивал и грозился убить Павла, заставляя рассказывать обо всём, что происходило в отцовском доме, и то, как узнав на суде о самоубийстве брата,

«вдруг со своего места воскликнул на всю залу:

– Собаке собачья смерть!» (7, стр.390)

Эти мысли и переживания оставят неизгладимый след в его душе.

Посмотрим, что ещё известно о замыслах автора относительно второго романа. Эти сведения я беру из книги жены писателя А.Г. Достоевской «Воспоминания» (Москва, 1987г.). (Из этой же книги я

брал и приводившиеся выше высказывания и письма Фёдора Михайловича Достоевского.)

В комментариях к «Воспоминаниям» сказано, что немецкая исследовательница Н. Гофман, приехавшая в Петербург и собравшая ряд материалов у самой А.Г. Достоевской, так записала рассказ жены писателя о том, как развивались бы события в предполагавшемся продолжении романа:

«Алёша должен был – таков план писателя – по завещанию старца Зосимы, идти в мир, принять на себя его страдание и вину. Он женится на Лизе, потом покинет её ради прекрасной грешницы Грушеньки, которая пробуждает в нём «карамазовщину». После бурного периода заблуждений, сомнений и отрицаний, оставшись одиноким, Алёша возвращается опять в монастырь.» (9, стр. 503)

Остаётся добавить, что, по воспоминаниям А.С. Суворина, период заблуждений, сомнений и отрицаний будет связан и с революционной деятельностью Алёши.

Мне кажется, что идея отправить Алёшу «в мир, принять на себя его страдания и вину» не может исходить от Достоевского: Фёдор Михайлович прекрасно разбирался в религиозных вопросах и понимал, что есть только Один, кто был отправлен в мир и принял на себя страдания и вину этого мира, и других не требуется. Поэтому здесь либо ошибка Н. Гофман, либо, что мне кажется более вероятным, Достоевский умышленно ввёл в заблуждение свою жену Анну Григорьевну. Для него было чрезвычайно важно скрыть за таким парадоксальным ответом главную тему второго романа: тему невиновности Смердякова. Скрыть от всех, даже от самого близкого ему человека. Для чего это ему было нужно, я скажу в конце этой работы, здесь же обращаю ваше внимание на возвращение Алёши в монастырь. Но для тех, кто внимательно читал роман, это возвращение не является новостью. Приведу небольшой отрывок с незначительными сокращениями:

«Алёша остановился и как-то неопределённо взглянул на отца Паисия, но снова быстро отвёл глаза и снова опустил их к земле. Стоял же боком и не повернулся лицом к вопрошавшему. Отец Паисий наблюдал внимательно.»

...– Аль из скита уходишь? Как же не спросясь-то, не благословясь?

Алёша вдруг криво усмехнулся, странно, очень странно вскинул на вопрошавшего отца свои очи, на того, кому вверил его, умирая, бывший руководитель его, бывший владыка сердца и ума его, возлюбленный старец его, и вдруг, всё по прежнему без ответа, махнул рукой, как бы не заботясь даже о почтительности, и быстрым шагом пошёл к выходным воротам вон из скита.

– Возвратишься ещё! – прошептал отец Паусий, смотря вслед ему с горестным удивлением.» (7, стр.16)

Таким образом, мы знаем, не только как уходил из монастыря главный герой второго романа Алёша Карамазов, но и что во втором романе он должен в монастырь вернуться. И думаю, вы согласитесь со мной, что кроме тайны денег Дмитрия Карамазова и правды о невиновности Павла Смердякова, основная, наиболее общая тема этого второго романа – долгий и непростой путь возвращения Алёши обратно в монастырь. Многое, по-видимому, должно было встретиться ему на этом пути: и женитьба на Лизе, и возможные отношения с Грушенькой, но вряд ли эти отношения будут причиной его возвращения в монастырь. Революционная деятельность? Не думаю. Я считаю, что возвращение Алёши в монастырь будет связано с осознанием той роли, которую он сыграл в смерти своего брата – Павла Смердякова.

В чём же эта роль?

Ответ на этот вопрос даёт сам Ф.М. Достоевский в тексте романа:

«О Смердякове у нас уже поговаривали ещё до суда, кто-то что-то слышал, кто-то на что-то указывал, говорили про Алёшу, что он накопил какие-то чрезвычайные доказательства в пользу брата и в виновности лакея, и вот – ничего, никаких доказательств, кроме каких-то нравственных убеждений, столь естественных в его качестве родного брата подсудимого.» (7, стр.409)

Так что, как видим, городская молва приписала именно Алексею идею о виновности Смердякова. А ведь дыма без огня не бывает.

Думаю, что осознание Алёшей этой вины и должно быть основой сюжетной линии второго, ненаписанного романа. Это является логическим завершением темы любви к ближнему. Не случайно старец Зосима обращается к Алёше Карамазову со следующими словами:

« – Помни особенно, что не можешь ничьим судиею быти. Ибо не может быть на земле судья преступника, прежде чем сам сей судья не познает, что и он такой же точно преступник, как и стоящий перед ним, и что он-то за преступление стоящего перед ним, может, прежде всех и виноват.» (6, стр.392)

Только один грех можно найти в поведении Алёши Карамазова – грех осуждения Павла Смердякова. Только одно послушание не выполнил Алексей – не оставил всё и не бросился разыскивать старшего брата. И это привело к двум трагедиям – трагедии Дмитрия Карамазова и к трагедии Павла Смердякова.

Поняв на собственном опыте справедливость слов Зосимы, Алёша вспомнит и другое высказывание любимого им старца:

« –... Но горе самим истребившим себя на земле, горе самоубийцам! Мыслю, что уже несчастнее сих и не может быть никого. Грех, рекут нам, о сих бога молить, и церковь наружно их как бы и отвергает, но мыслю в тайне души моей, что можно бы и за сих помолиться. За любовь не осердится ведь Христос. О таких я внутренно во всю жизнь молился, исповедуюсь вам в том, отцы и учителя, да и ныне на всяк день молюсь.» (6, стр.395)

Смердяков мёртв. Его тело и душу уже не согреть ни дыханием Иоанна Милостивого, ни поцелуем Христа, уже поздно принимать его в семью свою и возрадоваться сему. Единственным проявлением любви к великому грешнику может быть молитва, поэтому слова старца Зосимы о молитве за самоубийц приведут Алёшу Карамазова обратно в монастырь.

И возвращение Алёши в монастырь будет ещё одним плодом, которое даст погибшее пшеничное зерно – Павел Смердяков.

На этом можно поставить точку в моих исследованиях. Но прежде чем переходить к послесловию хочется привести слова,

сказанные Фёдором Михайловичем в первых двух абзацах «Братьев Карамазовых». А так как они приведены в первых двух абзацах, то это именно те мысли, которые беспокоили писателя, когда он только брался за роман:

«...чем же замечателен ваш Алексей Фёдорович, что вы выбрали его своим героем? Что сделал он такого? Кому и чем известен? Почему я, читатель, должен тратить время на изучение фактов его жизни?»

Последний вопрос самый роковой, ибо на него могу лишь ответить: «Может быть, увидите сами из романа» Ну а коль прочтут роман и не увидят, не согласятся с примечательностью моего Алексея Фёдоровича? Говорю так, потому что с прискорбием это предвижу. Для меня он примечателен, но решительно сомневаюсь, успею ли это доказать читателю.»

Да, Достоевский был прав, как в своём скорбном предвидении, так и в том, что историю братьев Карамазовых он не успеет досказать читателю.

Послесловие

В данной работе были приведены десять текстовых и шесть смысловых косвенных доказательств невиновности Павла Смердякова в смерти своего отца. Приведены прямое доказательство и многочисленные указания из текста романа, что организатором преступления следует считать Михаила Ракитина. Много это или мало? Об этом вам судить. Я же отмечу, если бы косвенное доказательство было только одно, то на него не стоило бы и обращать внимания. Если два, то мы бы сказали, что это «случайная ошибка писателя». Если бы три – «досадная оплошность автора». Но какое слово подобрать, если их шестнадцать?! (И это не считая многочисленных указаний на виновность другого героя – Ракитина.) Поэтому я считаю доказанной невиновность Павла Смердякова в смерти своего отца Фёдора Павловича Карамазова.

Изложенные в данной работе результаты, по-видимому, трудны для беглого чтения. Но что-либо сократить в них, мне кажется, невозможно. Ведь все большие и малые темы: тайна денег Дмитрия Карамазова, тайна визита Катерины Ивановны к Смердякову, ложь Смердякова при разговоре с Иваном, тайна открытой двери и распахнутой калитки, значение родства Ракитина с Грушенькой и многое-многое другое, о чём речь шла выше, должны были быть раскрыты во втором романе. Это те «мостики», которые позволяют заглянуть в так и не написанный роман.

Не случайно данное исследование начиналась с описания поистине каторжных условий, при которых приходилось работать Фёдору Михайловичу: по мере того как писался роман, рукописи сразу отправлялись в редакцию для публикации, и исправить или дополнить что-либо автор уже не мог, Достоевский просто не имел права на ошибку. И гениальность писателя ещё и в том, что он эту ошибку не совершил. Поэтому уже больше ста тридцати лет мы читаем роман и видим только одно планируемое преступление – «преступ-

ление» Смердякова. Истинное преступление – преступление Раки-тина – автор умело скрыл от читателя. Работая над «Братьями Карамазовыми», Фёдор Михайлович фактически писал два романа: первый, в котором «убийца» был Смердяков, и второй, где один из убийц Ракитин. И именно это, я думаю, Достоевский имел в виду, когда писал жене:

«Теперь у меня на шее Карамазовы, надо кончить хорошо, ювелирски отделать, а вещь эта трудная и рискованная, много сил унесёт. Но вещь тоже и роковая: она должна установить имя моё, иначе не будет никаких надежд.»

Фёдор Михайлович был прав: вещь и трудная, и рискованная, и, главное, ювелирно точная. РОМАН НАМНОГО СЛОЖНЕЕ, ГЛУБЖЕ И ИНТЕРЕСНЕЕ, ЧЕМ ПРИНЯТО СЧИТАТЬ. Потому вещь эта роковая.

И последнее. Помните, я обещал, что в конце статьи объясню, почему Достоевский так тщательно скрывал невиновность Смердякова?

Во-первых, это авторская позиция любого писателя. «Братья Карамазовы», в некотором роде, детективное произведение, и оно должно было состоять из двух романов. Второй роман мог бы появиться не раньше, чем через три-четыре года с момента окончания первого. В подобной ситуации ни один автор не раскроет главную тайну детективного произведения ни в самом романе, ни в частной переписке. Об этой тайне автора даже неприлично спрашивать и, тем более, ждать искреннего ответа. Сказать то главное, о чём будет второй роман – это ослабить к нему интерес. Успех первого романа, когда все думают, что Смердяков убивает старика Карамазова, был огромен. Успех же второго романа, когда вскроется невиновность Смердякова, должен был быть оглушительным! Но для этого надо выполнить одно условие: строго сохранить эту тайну. Единственное, что было необходимо автору для оправдания Смердякова – это «мостики» из первого во второй роман. И мы по ним прошлись.

Вторая причина – материальная. «Братья Карамазовы» пишутся под заказ «Русского вестника», и не вывести кого-нибудь из героев в качестве убийцы было нельзя: в этом случае роман не был бы за-

кончен и автор не только не получил окончательный гонорар, но, возможно, и выплачивал бы неустойку за невыполнение условий договора. Оставить что-либо явно недосказанным было тоже нельзя. Причём убийцу надо было преподнести так, чтобы не только у читателей, но и у редактора его имя не вызывало сомнения. И здесь то и нужна была ювелирная точность автора. Парадокс в том, что мы, читатели, должны быть благодарны тем каторжным условиям, в которых работал писатель, так как эти каторжные условия подарили нам такой шедевр! На мой взгляд, рассматриваемая вторая причина настолько веская, что Достоевский не мог позволить назвать имени истинного убийцы в той же частной переписке. Он мог только указать, что ждёт от читателей самостоятельного разбора поведения героев, и не более того. Если бы о письме, дата которого совпадает с датой написания «Братьев Карамазовых, и в котором убийцей указывался не Смердяков, стало известно в «Русском вестнике», то для редакции это бы явилось веским основанием считать роман незаконченным и требовать у автора возвращения гонорара, а надо ли это было Фёдору Михайловичу?

В третьих, Достоевскому было необходимо, чтобы читатель, ознакомившись с первым романом, глубоко осознал, что идея «Если Бога нет, то всё позволено» – это идея подлецов. Тогда, прочитав второй роман и узнав имя настоящего убийцы, читатель поймёт, что либеральные идеи, вроде: *«Человечество само в себе силу найдёт, чтобы жить для добродетели, даже и не веря в бессмертие души»*, которые начали в то время гулять по России, это, в сущности, та же идея «Если Бога нет, то всё позволено», и что искать надо не свободы, равенства и братства, а Бога в своей душе. Только Он может защитить от вседозволенности. И обрести Его можно в любви к ближнему.

И, наконец, четвёртое и, на мой взгляд, самое главное. В смерти Смердякова нужно винить не только трёх его братьев – Алексея, Ивана и Дмитрия – но и всех тех, кто вслед за ними поверил в его виновность. А это не только некоторые городские обыватели, но и... критики и ЧИТАТЕЛИ романа. Все те, кто уже по одному «смердящему запаху» увидели в человеке убийцу. Осознание своей вины

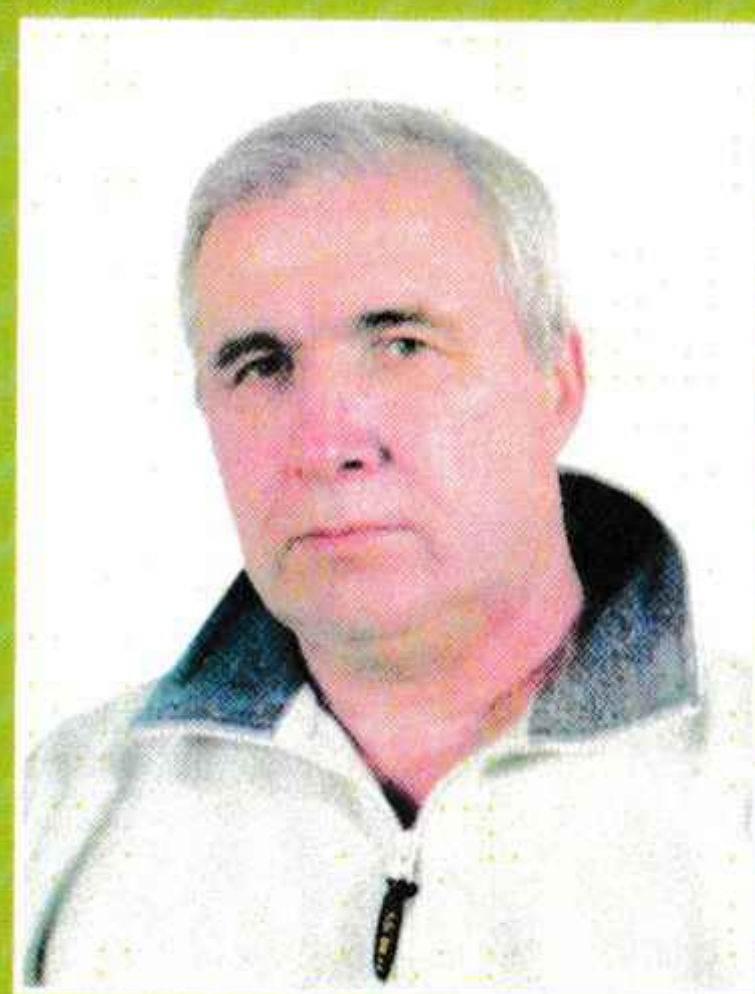
перед покончившим с собой братом вернёт Алексея обратно в монастырь. А что почувствовали вы, читатель? Разве смердящий образ Павла не был одной из причин, почему ВЫ СДЕЛАЛИ ВЫВОД о его виновности? Разве вы не являлись частью того мира, который отвернулся от Павла и тем подтолкнул его на великий грех? И невиновность Смердякова в смерти своего отца именно эти вопросы выводит на передний план. Именно эти вопросы хотел задать Фёдор Михайлович Достоевский своим читателям. Поэтому главную идею произведения – любовь ко всему человечеству начинается с любви к ближнему – следует относить не только к словам и поступкам Алёши, Ивана или великого инквизитора, но и к самому себе.

Литература

1. *Достоевский Ф.М.* Записки из мёртвого дома М.: Современник, 1983.
2. *Достоевский Ф.М.* Униженные и оскорблённые. М.: Художественная литература, 1955.
3. *Достоевский Ф.М.* Идиот. СПб.: Азбука, 2010.
4. *Достоевский Ф.М.* Бесы. М.: Правда, 1990.
5. *Достоевский Ф.М.* Подросток. М.: Советская Россия, 1979.
6. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. Ч. 1, 2. М.: Правда, 1985.
7. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы. Ч. 3, 4. М.: Правда, 1985.
8. *Достоевский Ф.М.* ПСС. Т. 30. Кн. 1.
9. *Достоевская А.Г.* Воспоминания. М.: Правда, 1987.
10. О великом инквизиторе: Достоевский и последующие / Сост. Ю.И. Селиверстов. М.: Молодая гвардия, 1992.
11. *Белов С.В.* Ф.М. Достоевский. Энциклопедия. М.: Просвещение, 2010.

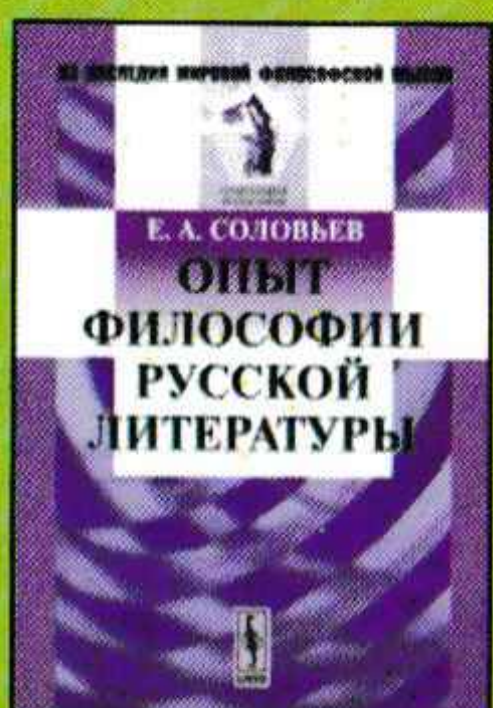
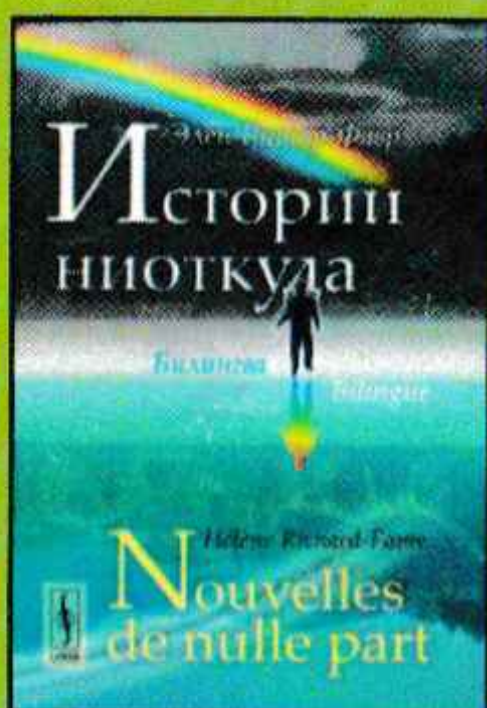
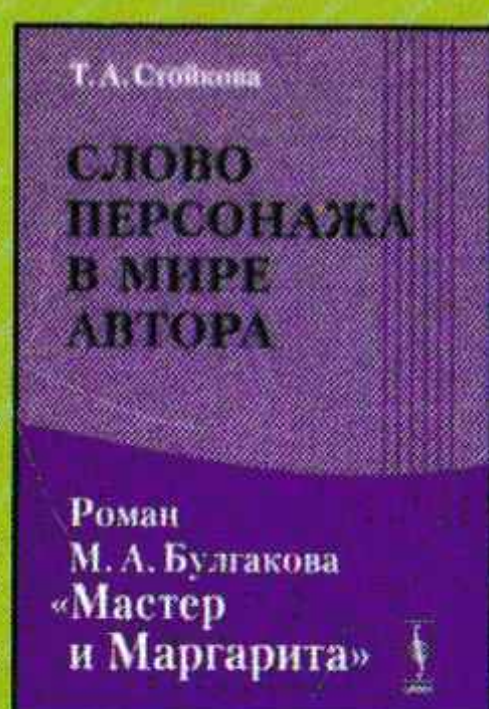
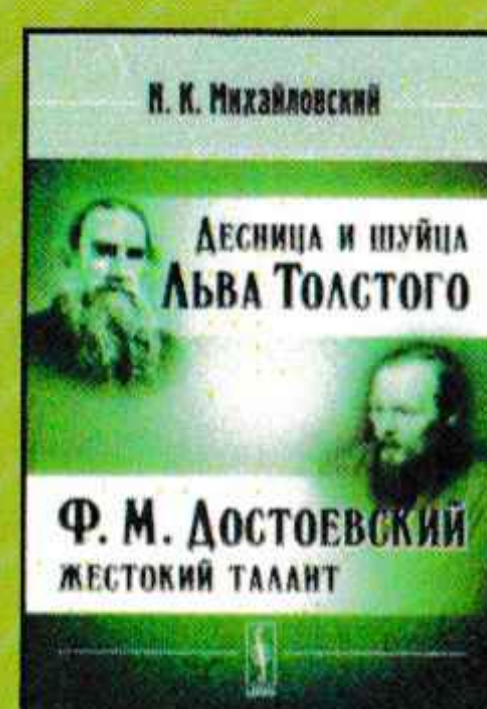
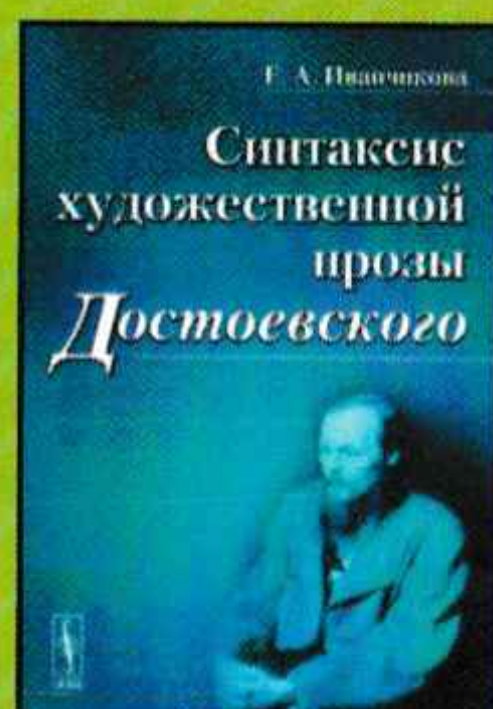
Александр Сергеевич РАЗУМОВ

Физик по специальности, окончил Московский инженерно-физический институт в 1976 г. Трудился в Институте атомной энергии им. И. В. Курчатова. С середины 1980-х гг. работал главным инженером ряда фармацевтических предприятий.

Увлечение творчеством Фёдора Михайловича Достоевского пришло случайно, и об этих случайных обстоятельствах сказано в книге. Данная публикация — первая работа автора по исследованию творчества великого писателя.

Наше издательство предлагает следующие книги:

14852 ID 176083

Издательская группа

URSS

Каталог изданий в Интернете:

<http://URSS.ru>
E-mail: URSS@URSS.ru

117335, Москва, Нахимовский проспект, 56
Телефон / факс (многоканальный)
+7 (499) 724 25 45

Отзывы о настоящем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на web-странице этой книги на сайте <http://URSS.ru>